Клятву сдержали

Ибрагим Леонидович Друян

SHOUT
SHARE
IT

- Друян Ибрагим Леонидович

Друян Ибрагим Леонидович
Клятву сдержали

Ибрагим Леонидович Друян
Клятву сдержали
Мемуары

В книге автор подробно рассказывает о трудной, но почетной работе советских медиков, всецело отдававших себя борьбе за спасение жизней раненых и больных в годы Великой Отечественной войны - на фронте и в тылу врага.

Литературная обработка А.А.Костюченко

Содержание

От автора
Клятва Гиппократа
Плен
Побег. Снова в строю
На белорусской земле
"Аптека" под ногами
Верность долгу
Радость встречи
Послесловие

Вспомни всех поименно,
горем
вспомни
своим...
Это нужно
не мертвым!
Это надо
живым!
Р.Рождественский

Один из основоположников античной медицины, выдающийся врач и естествоиспытатель написал для себя и своих учеников несколько заповедей, которые стали известны позже как клятва Гиппократа. Все эти заповеди направлены к одному - врач должен беззаветно служить людям, делать им только добро.

Молодой выпускник медицинского института, ныне кандидат медицинских наук, заслуженный врач БССР, Ибрагим Леонидович Друян в первые дни войны дал с товарищами клятву Гиппократа и сдержал ее. Где бы ни был: на фронте, в лагере военнопленных, в партизанских бригадах и соединении, он был верен ей.

Автор подробно описывает многие кровопролитные бои на фронте и в тылу врага и одновременно показывает, как боролись

за жизнь раненых и больных советские врачи.

ОТ АВТОРА

Ушли в историю героические и неимоверно трудные годы периода Великой Отечественной войны, когда весь советский народ встал на защиту своей Родины. Залечены раны, причиненные войной, на месте руин и пепелищ поднялись красивые города и села. Выросло новое поколение советских людей, которые знают о событиях того времени по учебникам истории, кинофильмам и книгам.

Нам же, медикам, работающим в госпиталях для инвалидов Великой Отечественной войны, ежедневно, ежечасно приходится встречаться с живыми свидетелями тех грозных дней.

За последнее время вышло много книг, правдиво раскрывающих новые страницы величественной эпопеи. Тема героического подвига советского народа в годы Отечественной войны всегда будет волновать человечество. Появится еще немало книг с описанием подвигов героев, о которых мы пока ничего не знаем. И в каждой такой книге молодое поколение найдет примеры, достойные подражания.

Книгу "Клятву сдержали" я написал не только для тех, кто прошел суровые годы войны, а главным образом для людей, которые не имеют представления об ужасах и трудностях того периода, не знают, что такое гитлеровская оккупация. А посвящаю ее тем, кто, не жалея сил и самой жизни, боролся с врагом, тем, кто стоял на страже здоровья советских воинов и партизан. В ней мне хотелось показать медицинского работника - врача, фельдшера, медсестру, санинструктора - таким, каким я знал его на войне: смелым, сильным, мужественным, в любой момент готовым на самопожертвование. Иначе говоря показать человека новой, советской формации. Воспитанный Коммунистической партией, Советской властью, он в любых условиях, даже в плену, сохранял незыблемым человеческое достоинство, честь патриота, верность долгу и беспредельную преданность Родине.

Во имя благородной цели - спасения жизни раненым и больным партизанам наши медики шли на подвиги. В первые годы партизанского движения, когда еще не было регулярной связи с Большой землей, они широко использовали всевозможные дары лесов и полей Белоруссии для изготовления различных лекарств, благодаря которым спасено немало жизней. И всегда в своей многотрудной работе советские медики опирались на поддержку местного населения.

На основании личного опыта, воспоминаний боевых товарищей и архивных материалов я показал структуру медико-

санитарного обеспечения в некоторых партизанских бригадах Белоруссии.

Пусть же молодое поколение растет достойным тех героев, о которых я рассказываю. А те, кто решил связать свою судьбу с медициной, выбрал ее своей профессией, пусть берут пример служения ей с медиков, которым посвящено немало страниц в моей книге.

КЛЯТВА ГИППОКРАТА

Тысяча девятьсот сорок первый год для нас, студентов-выпускников Днепропетровского медицинского института, должен был стать знаменательным. В этом году мы становились врачами. Позади пять незабываемых студенческих лет, впереди государственные экзамены, диплом и работа. У каждого свои планы. Многие мои товарищи мечтали после получения диплома уехать на периферию, сразу получить самостоятельный участок работы, другие - сначала поработать под руководством опытных врачей в самом Днепропетровске. Спорили, мечтали, строили планы. Каждый, конечно же, считал, что его решение самое правильное.

Я принадлежал к сторонникам второй группы. Учился неплохо, но все же хотелось хотя бы пару лет попрактиковаться в одной из клиник Днепропетровска. Да и сам город я за пять лет учебы очень полюбил. Жалко было расставаться с институтом, его замечательными преподавателями, просторными, светлыми аудиториями, богатой библиотекой, уютными читальными залами.

Уже июнь, государственные экзамены начинаются, а нам все не верится, что мы вот-вот навсегда расстанемся с институтом, общежитием, друг с другом, разлетимся по разным уголкам нашей страны. К чувству радости примешивалась грусть: студенческие годы - самые прекрасные в жизни, они никогда уже не вернутся.

Июнь в том году стоял жаркий. Прохладу приносили лишь короткие ночи, днем город утопал в зное. У нас, выпускников, тоже горячая пора - сдаем государственные экзамены. Первой, помню, была хирургия - предмет, который я выбрал своей основной специальностью. Я считал, что знаю его неплохо, но все же перед экзаменом очень волновался. Именно хирургию хотелось сдать на "отлично".

Девять часов утра. Члены экзаменационной комиссии во главе с председателем занимают места за столом. Перед дверями аудитории - вся наша группа, но, как это часто бывает, первым никто идти не решается. Наконец пятерка смельчаков определилась. В нее вошли и мои друзья Вася Пенев и Женя

Козлов. Потянулись минуты томительного ожидания. Нетерпение, тревога за товарищей растут, нам кажется, что с того времени, как они вошли в аудиторию, прошла целая вечность. Мы, как школьники, по очереди приникаем к замочной скважине, стараемся подсмотреть, подслушать. Но все тщетно: с внутренней стороны в щели торчит ключ. Дверь плотно захлопнута.

Первым вышел Вася Пенев. Лицо невозмутимо спокойное, тонкие губы плотно сжаты. Мы расступились, кто-то несмело, вполголоса спросил: "Ну, что?". Вася все молчит, но глаза... Глаза подводят. Они вдруг засветились такой радостью, таким счастьем, что мы бросаемся обнимать товарища, а он уже не скрывает своих чувств, поднимает вверх обе руки с растопыренными пальцами "отлично"!

- Не так страшен черт, как его малюют! - кричит он.

Мы завидуем ему: у него самый трудный экзамен позади. Нам же еще нужно взять эту высоту.

Вася наконец вырывается из объятий товарищей, отходит в сторонку, закуривает и с наслаждением, жадно затягивается. Он, как всегда, невозмутим, снова спокоен, уверен в себе. Темные глаза немного сощурены. Болгарин по национальности, он родился и вырос в нашей стране. Любил петь украинские песни про седой Днепр, про степь, гайдамаков. Среднего роста, брюнет, он был самым красивым из ребят нашего курса. Многие девушки по нем вздыхали, но сам он был с ними одинаково вежлив, и только. Видно, не наступила еще его пора...

Всегда аккуратный, подтянутый, Вася был одним из лучших студентов нашего курса, хорошим товарищем. Своей врачебной специальностью он тоже выбрал хирургию, и это сблизило меня с ним. Последние два года учебы мы жили в одной комнате, делились самыми сокровенными мечтами...

Опять распахнулась дверь, и в коридор вышел Женя. Его светлые глаза победно сверкали: он тоже успешно "свалил" хирургию.

Женя - прямая противоположность сдержанному Пеневу. Эмоциональный, подвижный, возбужденный после успешной сдачи экзамена, он говорил без умолку, встряхивая своей огненно-рыжей шевелюрой.

- Комиссия настроена благожелательно, - сообщил он. - Дополнительных вопросов почти не задают, "сам" все время молчит, хотя слушает внимательно.

- Главное, не говорите глупостей, и все будет чудесно, - советует Женя.

- Ты думаешь, это легко? - возражает Федя Коломийцев. - Там, брат, с перепугу иной раз такое понесешь...

Федя захлопнул учебник, решительно взялся за ручку двери.

- Ни пуха ни пера! - провожаем мы товарища.

За Федю Коломийцева мы "болели" все. Он был самым старшим на курсе, уже "женатик", имел двоих детей. Учеба в институте давалась ему нелегко, особенно тяжело постигал он хирургию, и хотя помогали ему всем курсом, все же очень волновались: а вдруг завалит. Но когда сияющий Коломийцев вышел и сообщил, что все благополучно, у всех поднялось настроение. Теперь никаких ЧП быть не может. Так оно и оказалось: хирургию сдали без завалов. Недаром наш второй поток лечебно-профилактического факультета держал переходящее Красное знамя института.

Хирургию я тоже сдал на "отлично". Билет попался с вопросами, которые знал хорошо: "Группы крови и переливание крови. Тактика хирурга при прободной язве желудка. Асептика и антисептика". Отвечая на них, я тогда не думал, что эти знания мне пригодятся так скоро, буквально через несколько дней. И притом применять их на практике буду не в мирной обстановке, в тиши больницы, а под грохот войны...

Да, о войне мы тогда думали меньше всего. Целиком поглощенные таким важным в нашей жизни событием, как окончание института, как-то забывали о тревожной международной обстановке того времени.

Еще не закончена сдача государственных экзаменов, а на курсе уже создана комиссия по подготовке к выпускному вечеру. В комиссию попал и я. Забот прибавилось. Мы обходили студентов, собирали взносы, обсуждали, где, как, когда провести долгожданное торжество. Очередное заседание провели вечером 21 июня у нас в комнате. За столом места не хватило, расселись на койках, на подоконнике. Женя предложил набрать припасов, сесть на пароход и отпраздновать окончание института где-нибудь на лужайке над Днепром. Я горячо поддержал его, но многие были против, и мы заспорили...

Разошлись поздно. Я провел товарищей, а когда вернулся, Вася и Женя уже спали. На полу у изголовья Васиной койки лежала недочитанная книга. Женя спал, свернувшись калачиком. Несмотря на раскрытую форточку, в комнате было душно. Я распахнул окно. Внизу тысячами огней сверкал город. Вместе с прохладным ночным воздухом в комнату ворвались приглушенные гудки автомобилей. Ниже, на втором этаже, негромко играл патефон и пели девушки. Днем зацвели липы, и теперь, ночью, их запах был особенно свеж и приятен.

Я отошел от окна, включил репродуктор. Черная тарелка на стене несколько мгновений молчала, потом из нее полились

чарующие звуки вальса Штрауса. Прекрасная, мирная музыка... С каким наслаждением слушал я в тот вечер Штрауса! Но вот неспокойный Женя зашевелился, сонным голосом сердито что-то пробормотал. Я выключил радио, погасил свет, лег.

Но сон не шел. Думалось о подготовке к завтрашнему торжеству: не забыть выгладить сорочку, купить новый галстук... Да, утром обязательно дать телеграмму родным: скоро буду!

С мыслью о телеграмме я и уснул.

На митинг мы собрались в актовом зале общежития, сбежались сюда сразу же после того, как Левитан передал по радио сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну. На сцене сменяют друг друга ораторы: преподаватели, партийные и комсомольские активисты, рядовые студенты. Речи короткие, но в словах каждого твердая уверенность в нашей победе. Все клеймили фашистских агрессоров, говорили о том, что гитлеровцев ждет участь всех врагов, которые посягали на независимость нашей Родины.

Зал переполнен. Я вглядываюсь в лица товарищей, и мне кажется, что каждый повзрослел за это утро: плотно сжатые губы, строгие, суровые глаза.

Неподалеку от трибуны я заметил рыжую шевелюру Жени, протиснулся к нему, стал рядом.

- Ну, что будем делать? - негромко спросил он.

- Воевать. Что же еще! - ответил я.

Он молча кивнул.

Сразу после митинга мы втроем собрались в комнате.

- Значит так, - твердо заявил Вася Пенев. - Пишем заявления с просьбой принять добровольцами в действующую армию.

Он нисколько не сомневался в том, что мы с Женей его поддержим.

- Правильно, - ответил Женя и вынул из бокового кармана пиджака сложенный вчетверо листок бумаги. - Но мы все же врачи. И уверен, что на фронте будем выполнять обязанности медиков. Поэтому предлагаю...

Он развернул листок, встал.

- Предлагаю дать друг другу клятву Гиппократа. Будем же до конца, до последнего дыхания верны своему долгу, беззаветно служить людям, делать им только добро.

Торжественно, наполненные каким-то особым смыслом, звучали слова клятвы:

"...Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости... Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. В какой бы дом я ни

вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, неправедного и пагубного...

Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастие в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому".

Много лет прошло с того дня, многое стерлось в памяти, а вот тот день, митинг, потом наша комната, где мы принимали клятву Гиппократа, запомнились навсегда. И сегодня, когда большая часть жизни прожита, могу честно сказать: эту заповедь не нарушил, делал все возможное для того, чтобы спасти жизнь человеку.

Сразу после митинга в деканат посыпались заявления от студентов и преподавателей с просьбами направить на фронт. На листке в клеточку, торопливо вырванном из школьной тетради, написал такое заявление и я. Но отнести в деканат не успел: утром 23 июня вместе с другими выпускниками я был вызван в Днепропетровский горвоенкомат. Из здания военкомата мы вышли уже военными: каждый получил назначение в действующую армию.

Женю Козлова и Васю Пенева направляли в Крым, а меня с Володей Костенецким - в Кривой Рог. С Васей и Женей я попрощался легко, словно расставались до завтра. Мы были уверены, что скоро обязательно встретимся. Никто тогда не думал, что война продлится долгих четыре года. Оказалось, что расстались мы навсегда.

Диплом я получил в тот же день, 23 июня. Вручал его мне сам директор института, профессор Тростанецкий. Крепко пожал руку, грустно заглянул в глаза и сказал:

- Конечно, думалось, что совершенно в другой обстановке будем вручать вам эти документы.

Умолк, положил руку мне на плечо, закончил:

- И все же твердо уверен - честь института не уроните. До встречи.

24 июня мы с Володей Костенецким были уже в Кривом Роге. В ожидании назначения прошло несколько дней. Тянулись они невероятно долго. Пункт формирования находился в небольшом невзрачном здании на окраине города. Туда мы приходили по нескольку раз в день. Но начальник пункта каждый раз встречал нас своим неизменным:

- Погуляйте, погуляйте, хлопцы. Придет и ваша очередь.

У него были красные от бессонницы глаза и серый, землистый цвет лица.

Тогда мы с Володей шли на площадь к базару слушать

очередную сводку Совинформбюро. Оптимизм первых сводок мешал трезво оценить обстановку, мешал, видимо, не только нам, людям, которые еще, как говорится, не нюхали пороху, но и нашим командирам. Мы понимали, что со стороны гитлеровцев война - авантюра, но тогда еще совершенно не представляли себе, насколько силен враг и какая угроза нависла над нашей Родиной. Чувство реальных размеров опасности пришло несколько позже.

Каждое новое сообщение о том, что наши войска оставили очередной город или населенный пункт, с неимоверной болью отдавалось в наших сердцах. Мы смотрели на часы и молча, не сговариваясь, снова шли к пункту формирования.

Наконец на третий день томительного ожидания мы с Володей были направлены в 72-й полевой подвижной госпиталь. Я был назначен начальником эвакоотделения. Раненых пока не было, и я стал помогать другим службам. Оснащали госпиталь необходимым оборудованием, медицинским инструментом и перевязочными материалами. За день я уставал так, что к ночи едва добирался до койки. Но и во сне каждую ночь с кем-то ругался, у кого-то что-то требовал, а утром просыпался с головной болью. Отличным лекарством от нее служила вода. Выльешь на себя полведра холодной воды, оботрешься сухим полотенцем - и зарядки бодрости хватает на весь день.

Вскоре от санитарного управления армии госпиталь получил приказ выехать к линии фронта по направлению к Житомиру. Мы быстро свернулись и тронулись в путь. Ехали на машинах, торопились, потому что знали: бои уже идут под самым Житомиром. Нас там ждут, в нашей помощи нуждаются.

К городу мы подъехали вечером. Впереди у горизонта полыхало зарево пожарища - город горел. Мы знали, что фашисты непрерывно бомбили Житомир, но то, что представилось нашему взору в самом городе, показалось сплошным кошмаром. Горящие дома, дымящиеся развалины, жители, в смятении покидающие город, трупы женщин и детей, стоны раненых, немногочисленные спасательные отряды, мечущиеся с улицы на улицу... И над всем этим - непрерывный гул вражеских самолетов, разрывы бомб...

Госпиталь мы развернули на отдаленной окраине города, палатки разбили вокруг небольшой школы, где была устроена операционная. Вскоре стали поступать раненые, и с каждым часом их становилось все больше. Всем нужно было оказать неотложную помощь, затем, в зависимости от характера ранения, направить в перевязочную или операционную. Ранения были самые различные: пулевые и осколочные, конечностей, брюшной полости, травмы груди и черепа. Многих раненых привозили без сознания, некоторые и в бреду продолжали кричать: "Вперед! За

Родину!".

Мы работали круглые сутки, разрешая себе лишь короткие перерывы для сна. Спали по очереди, не больше двух-трех часов. А раненые все поступали. Бывали дни, когда к нам привозили по 800 бойцов. Уже по одному этому можно было судить об ожесточенности сражения под Житомиром. Советские воины стояли насмерть.

В редкие часы относительного затишья, когда поток раненых несколько уменьшался, военные хирурги разрешали нам с Володей находиться в операционной, даже поручали несложные операции: хирургическую обработку ран, удаление осколков. При более сложных операциях мы ассистировали. Так под грохот боев получали первые практические навыки.

В эти тяжелые дни мы с Володей сдружились. Он оказался превосходным товарищем, готовым в любую минуту прийти на помощь. В институте мы не были близко знакомы, хотя занимались на одном курсе. Встречались в аудиториях на лекциях, практических занятиях, студенческих вечерах. Здоровались, иногда перебрасывались несколькими словами, иной раз перехватывали друг у друга пару рублей до стипендии. Вот, пожалуй, и все. Володя принадлежал к числу скромных студентов. Когда же судьба, а точнее война, свела нас вместе, оказалось, что это человек большой потенциальной энергии. Среднего роста, светловолосый, с круглым розовым лицом и внимательным взглядом светлых глаз, он всегда был "в форме", невозмутимо делал свое дело и, казалось, не знал, что такое усталость. Часто, заметив, что от перенапряжения, от бессонницы я буквально валюсь с ног, он предлагал мне прилечь, отдохнуть часок. Сам он тогда работал за двоих. Естественно, я отвечал ему искренней привязанностью.

Каждый из нас понимал, что в это трудное время очень важно иметь рядом товарища, на которого можно было бы положиться во всем. И мы дали друг другу слово быть вместе, делились и скромным пайком, и радостью после успешно проведенной операции, и горечью неудач.

В редкие свободные часы шли в лес совершенствоваться в стрельбе из личного оружия. Еще в Кривом Роге нам вместе с военным обмундированием выдали по пистолету системы наган и по нескольку обойм патронов. Там, в ожидании отправки на фронт, мы с Володей частенько практиковались в стрельбе. На первых порах Володя стрелял лучше меня, мои пули нередко уходили "за молоко", и это очень огорчало. Здесь же, в Житомире, я стал выбивать "девятки" и даже "десятки".

На фронте после нескольких дней ожесточенных боев

положение немного стабилизировалось. Но мы продолжали шить в постоянной тревоге. Враг забрасывал в город парашютистов, которые старались посеять среди жителей и бойцов панические слухи. Вдруг среди ночи неизвестный "доброжелатель" сообщал, что якобы в город ворвались вражеские танки и надо спешно эвакуироваться. Вначале эти ночные звонки действительно вызывали среди персонала тревогу: ведь мы были в ответе за жизнь сотен раненых. Но начальник госпиталя, человек опытный и осторожный, всегда после каждого такого сообщения тщательно проверял обстановку. И оказывалось, что слух ложный, что мы правильно поступили, не потревожив раненых.

Все же ни один ночной звонок без проверки нельзя было оставлять. Мы знали, что враг жесток и коварен и готов на любую провокацию. Поэтому транспорт у нас мог в любую минуту принять раненых, а мы, персонал госпиталя, готовы были всегда занять круговую оборону.

Вскоре немцы возобновили наступление. Ожесточенные бои завязались на улицах города. Нам было приказано свернуть госпиталь и отступать по направлению к Киеву. К этому времени у нас было около тысячи раненых бойцов и командиров, большинство из которых самостоятельно передвигаться не могли. Эвакуировать такое количество раненых - дело очень нелегкое.

Всех распределили на группы по степени сложности ранений, назначили ответственных за отправку каждой из них. Сперва вывезли тяжелораненых. Все работы вели только по ночам, О том, чтобы заниматься эвакуацией днем, не могло быть и речи. Любой демаскированный объект фашисты безжалостно бомбили. Не могли мы и развернуть красный крест, так как убедились, что чувство сострадания, чувство уважения к международным законам нагло попирались гитлеровскими варварами.

Эвакуация прошла благополучно. За несколько ночей мы вывезли в тыл на машинах и железнодорожным транспортом всех раненых и только после этого свернули службы.

Сперва, казалось, ничто не предвещало осложнений в пути. Но едва отъехали несколько километров от города, как услышали гул самолетов. Еще раньше, когда добирались к Житомиру, над нами нередко пролетали вражеские бомбардировщики, но ни разу не бомбили. То ли наша маленькая колонна казалась врагу не заслуживающей внимания, то ли противник имел более важное задание. Так или иначе, до этого в пути бомбежкам мы не подвергались. Это притупило бдительность. Мы перестали прятаться от противника, за что на этот раз и были наказаны.

Оказавшись над нами, шесть вражеских самолетов развернулись, снизились, и вскоре к их гулу прибавился воющий

звук падающих бомб.

- Воздух! - послышались запоздалые крики.

Машины поспешно стали сворачивать в лес, мы на ходу выскакивали, бросались врассыпную. Самолеты сделали новый заход и открыли огонь из пулеметов.

В тягостном молчании хоронили мы убитых, спешно оказывали первую помощь раненым. Дорого обошлась нам наша беспечность.

Кажется мне, именно после этого случая стал я окончательно военным человеком: осторожным, бдительным. Как всегда на войне, опыт приобретался слишком дорогой ценой. Это был период, когда все мы учились воевать с озверелым и сильным врагом.

Едва колонна снова тронулась в путь, как нас нагнал мотоциклист. Запыленный, усталый, он очень торопился, однако, поравнявшись с головой колонны, остановился и сообщил печальную весть: враг ворвался в Житомир.

- Немецкие танки, - сказал он, - движутся по шоссе на Киев, они нагоняют нас.

Мотоциклист умчался, а нам пришлось срочно сворачивать в лес. Еще как следует не замаскировались, а на шоссе послышался гул машин, лязг гусениц. Вскоре из-за поворота показался головной немецкий танк.

Я впервые видел врага так близко от себя. Разрисованный маскировочными зелено-желтыми пятнами, танк быстро приближался. Крышка люка была отброшена, над ним чернела фигура немца. Темный комбинезон, самоуверенное, наглое лицо. Шлем он держал в руке. Казалось, немцы выехали на прогулку. Тогда меня удивила, поразила эта наглая самоуверенность. Потом я столкнулся с нею не раз и перестал удивляться. Да, в первый период войны наглости у врага было хоть отбавляй...

Немец курил, и дымок сигареты был ясно виден на фоне зеленого леса. Мне показалось даже, что я почувствовал табачный запах, так близко от нас проехал танк.

Вслед за этим танком прошли еще четыре вражеских машины, и на каждой из открытого люка торчала голова немца. Гитлеровцы с интересом посматривали по сторонам. А у нас в бессильной злобе сжимались кулаки. Но что могли поделать с этими бронированными чудовищами мы, несколько десятков медиков, вооруженные лишь пистолетами?

Изредка танки стреляли, посылая пулеметные очереди то вдоль шоссе, то в сторону леса. Враг не обнаружил нас. Стрельба была не прицельной и никакого вреда нам не принесла. Очевидно, эти пять танков были вражеской разведкой, потому что

вскорости они повернули назад. Мы получили возможность двигаться дальше.

Остаток пути до Киева проехали без происшествий.

Столица Украины готовилась к обороне. В районе Дарницы жители рыли противотанковые рвы, на подступах к городу уже протянулись линии инженерных заграждений. Мы развернулись на окраине Дарницы, приняли первых раненых. Пока это были мирные жители, пострадавшие во время бомбежек.

Пользуясь вынужденной передышкой, Володя Костенецкий отпросился у начальника госпиталя на несколько часов в город проведать родственников. Он уезжал попутной машиной, из кузова крикнул мне, что к вечеру обязательно вернется. Но едва машина ушла, как меня вызвал к себе начальник госпиталя и объявил, что я направляюсь на передовую в распоряжение командира пулеметного батальона Киевского укрепрайона. На сборы был отпущен час.

Уложить рюкзак было делом пяти минут, но я медлил, мне казалось, что Володя вот-вот появится. Несколько раз выходил я на дорогу в надежде, что какая-нибудь попутная машина притормозит и из кузова выпрыгнет Володя. Но тщетно, он не приехал.

Больше я никогда не встречал Володю, а все попытки разыскать его оказались безрезультатными. Некуда было даже написать, наш госпиталь расформировали. Дело в том, что многие госпитали, дислоцированные в то время в Киеве и под городом, в том числе и наш, в первые недели войны потеряли большое количество личного состава. Командование приняло решение объединить их в несколько крупных. В процессе формирования новых госпиталей молодые врачи направлялись на передовую, где особенно ощущалась нехватка медиков.

И вот я в новой должности: начальник санитарной службы 193-го пулеметного батальона Киевского укрепрайона. Батальон занимал позиции в юго-западной части города, на подступах к нему. Здесь стояло несколько дотов со станковыми пулеметами. Бойцы жили в блиндажах, расположенных неподалеку от дотов. В мои обязанности входило следить за санитарным состоянием всех помещений, пищеблока, личного состава. Помогала мне веселая черноглазая медсестра Феня. По нескольку раз в день обходили мы все службы, и уже само появление Фени среди бойцов всегда вносило оживление, поднимало настроение личного состава. Хохотунья, острая на язык, обладавшая мягким и в то же время метким украинским юмором, Феня шутила с бойцами, могла "расхохотать", как она выражалась, даже самых мрачных и угрюмых. Но если дело касалось нарушения санитарных норм,

она становилась беспощадной. Могла так отчитать нерадивого, что тот краснел, не знал куда девать глаза.

На нашем участке враг активных действий не проводил. Изредка обстреливал нас из артиллерии и минометов, но обстрелы эти ощутимого вреда не приносили. Лишь в начале сентября фашисты попытались занять наши укрепления, однако мы отразили все атаки.

Для захвата Киева, как и многих других наших городов, немцы в то время применили свою излюбленную тактику - "клещи". Они предприняли широкий обходный маневр с флангов.

20 сентября мы получили приказ взорвать все доты, оставить позиции и выйти из Киева. Отходили к Днепру, шли через весь город. Было это рано утром, едва брезжил рассвет. Но жители не спали, вышли на улицы. Провожали они нас молча, со слезами на глазах, и в каждом взгляде - молчаливый укор. Но что могли мы сказать им, чем утешить? Сами были подавлены, многого еще не понимали. Но мы не допускали и мысли о том, что уходим из города навсегда, и были твердо уверены: вернемся в Киев, и вернемся победителями.

Оставляя город, мы уже знали, что он окружен, что неоднократные попытки наших войск прорвать позиции противника заканчивались неудачей. И все же мы не теряли надежды вырваться. В бой вступило и наше подразделение. Атака следовала за атакой, и мне, как и многим медицинским работникам в то время, часто приходилось откладывать в сторону санитарную сумку, брать в руки винтовку.

Враг оказался сильнее, организованнее, мы с боями отошли к деревне Борщевка.

Вдруг среди бойцов прошел слух, что в этом месте немцы еще не успели сомкнуть кольцо. Как сообщили разведывательные подразделения, чтобы выйти из окружения, нужно переправиться через небольшую речку. (Кажется, она называлась Дымерка).

Мост через речку был разрушен, а к переправе прибывало все больше и больше людей. Как часто бывает в таких случаях, каждый старался переправиться быстрее. Началась суматоха, порядок был нарушен. Это грозило вообще сорвать переправу. Чтобы навести порядок, нужен был умелый командир, человек больших организаторских способностей, железной воли. И такой командир нашелся. Им оказался полковник в форме танкиста, появившийся незаметно у самого берега, где располагался я со своими ранеными. Он поднялся на пригорок, громко крикнул:

- Командиры и коммунисты, ко мне!

Вокруг полковника сразу же стали собираться бойцы и командиры. Он скупо обрисовал обстановку, стал отдавать

приказания. Так образовался штаб переправы, который и взял все руководство в свои руки. Часть бойцов была мобилизована на восстановление разрушенного моста, нескольким отрядам было приказано разбирать деревянные постройки на берегу, перетаскивать бревна к воде. По приказу полковника бойцы-коммунисты тем временем обходили подразделения, наводили порядок, гасили панику. Они сообщали, что переправа к утру будет готова, что по ту сторону реки немцев нет, нам на выручку идут наши...

Велика сила человеческого слова. В тот день в этом я убедился особенно. Люди, которые еще минуту назад готовы были в панике наделать немало глупостей, после короткой беседы с "уполномоченным штаба" успокаивались, сами помогали наводить порядок.

Пока восстанавливали мост, "штаб" определял порядок переправы, устанавливал очередность. Первыми на тот берег мы должны были переправить раненых, а из гражданского населения - женщин и детей. По приказу полковника я был назначен старшим в группе медиков и ответственным за переправу раненых. В помощь мне полковник выделил лейтенанта-пехотинца, совсем еще молодого командира, назвавшегося Сергеем. Лейтенант должен был организовать из бойцов группу носильщиков. Белокурый, с правильными чертами лица, с едва заметными усиками над по-детски припухлой верхней губой, Сергей даже в эти дни непрерывных боев и тяжелых переходов сохранял щегольскую выправку, строевую подтянутость. Он быстро организовал большую группу бойцов-добровольцев, которые готовы были в любую минуту приступить к переноске раненых.

Мост восстанавливали всю ночь. На берегу уже было тихо, паника совершенно улеглась, слышны были лишь перестуки топоров на реке. Едва забрезжил рассвет, полковнику доложили, что мост готов. Сергей подал команду переправлять раненых. Бойцы взялись за носилки, двинулись к мосту. За ними потянулись раненые, которые могли передвигаться самостоятельно. Остальные с надеждой смотрели на тот берег. Измученные многодневными боями, голодные, они ожидали своей очереди...

Самолеты фашистов появились неожиданно, и леденящий душу вой заполнил все вокруг. Враг бомбил переправу. Разрывы бомб смешались с криками и стонами раненых. Самолеты делали все новые и новые заходы, а когда кончился запас бомб, на бреющем полете стали обстреливать нас из пулеметов.

Паника снова охватила людей, каждый стремился убежать

как можно дальше от этого страшного места. В отчаянии мы развернули красный крест. В ответ фашисты усилили обстрел.

Пули и осколки свистели вокруг. Я бросился лицом в песок и лежал, ожидая смерти в любую секунду. Передо мной пронеслась вся моя жизнь...

Короток был мой жизненный путь, но не легок.

Рос и воспитывался я в крестьянской семье. Отец едва мог написать свою фамилию, мать вовсе была неграмотной. Но эти простые люди сердцем понимали, что для крестьянина-бедняка колхозная жизнь - единственно правильный путь к счастью. И семья наша одной из первых в Крыму вступила в колхоз. Самой заветной мечтой матери было выучить меня на доктора. А учиться было не легко. В нашем селе в то время школы не было, ходил пешком в Саки за три километра. Одежонка и обувь были не ахти какими, в осеннюю непогоду и зимой приходилось особенно тяжело.

После окончания семилетки я решил пойти на "свой хлеб". Работал учетчиком в МТС, однако мысль продолжать учебу не покидала меня, и вскоре вместе с товарищами поступил в Керченский металлургический техникум.

Это был голодный 1933 год. Стипендии не хватало даже на еду, и мы после занятий шли на станцию подрабатывать. Выгружали из вагонов известь и руду, иной раз работали всю ночь. Утром, еле отмывшись от въедливой пыли, бежали на занятия.

Так прошло два года. Еще во время учебы в техникуме понял, что металлург из меня не получится. Металлургия не влекла к себе, я был к ней равнодушен. И в то же время мог подолгу простаивать перед окнами поликлиники, наблюдая за людьми в белых халатах. Как меня тянуло к ним! Каждый человек в белом халате казался мне добрым волшебником.

Мы сдали экзамены за второй курс техникума, разъехались на практику. Я попал в Макеевку на металлургический завод имени С.М.Кирова. На квартиру определился к одинокой молчаливой женщине на окраине города. Однажды к ней приехал погостить родственник из Днепропетровска. Он-то и оказался тем человеком, которому суждено было резко изменить мою судьбу.

По вечерам за стаканом морковного чая с сахарином родственник хозяйки подолгу и интересно рассказывал о Днепропетровске. Слушая гостя, хозяйка больше молчала, зато я забрасывал его вопросами. Меня интересовало все: и какой он, этот Днепропетровск, и широк ли Днепр, которого я еще ни разу не видел, есть ли там медицинский институт... Из его ответов получалось, что Днепропетровск - самый красивый город в мире,

что институтов там видимо-невидимо и самый лучший из них - медицинский.

Когда практика закончилась, я взял свой маленький обшарпанный чемоданчик и приехал в Днепропетровск. Медицинский нашел легко - "язык до Киева доведет". С трудом открыл массивную дверь, вошел в прохладный вестибюль. И лицом к лицу столкнулся с высокой женщиной. Ее большие глаза строго и внимательно смотрели на меня.

- Здравствуйте, - сказал я, внутренне робея, но стараясь придать голосу как можно больше бодрости. - Где здесь в студенты принимают?

Женщина улыбнулась одними глазами, бегло осмотрела меня с головы до ног и ответила:

- Опоздали, молодой человек. Набор уже окончен.

Опоздал... Словно свет померк перед глазами. Я, наверное, побледнел, потому что женщина испуганно бросилась ко мне, как маленького, отвела в сторону, усадила на стул.

- Ты кто? Откуда? Как попал в Днепропетровск? Как оказался здесь? засыпала она вопросами.

Вначале я отвечал неохотно, но искреннее участие женщины тронуло, и я рассказал ей все. И откуда родом, и про родителей, и про то, что занимаюсь в металлургическом техникуме, то есть приобретаю специальность, к которой совершенно равнодушен. Наконец выложил ей свою самую сокровенную мечту...

- Вот оно что! - она удивленно подняла брови и предложила: - Сиди здесь и никуда не уходи. Я сейчас приду.

И я почувствовал, что именно в эти минуты решится моя судьба. Я находился в таком состоянии, когда каждый мускул был напряжен до предела, обострены все чувства. А мозг сверлила одна лишь мысль: "Что будет?".

Ждать пришлось недолго. Вскоре на лестнице послышались торопливые шаги и знакомый голос позвал:

- Идем!

Она повела меня по длинному коридору, где в простенках между окнами висели большие портреты Павлова, Сеченова, Пастера, Мечникова... К тому времени я уже прочитал немало книг по истории медицины и знал об этих ученых.

Женщина остановилась у дверей в конце коридора, пропустила меня в кабинет. Я слышал, как дверь сзади захлопнулась, но оглянуться не успел. Из-за стола стремительно вышел полный человек в больших роговых очках. Остановился в нескольких шагах от меня, пригнул голову, словно собирался бодаться, глядя поверх очков, строго и, как показалось тогда, даже сердито произнес:

- Ну-с, мне сказали, что вы занимаетесь в техникуме. Следовательно, уже знаете, сколько будет дважды два?

- Знаю, - ошеломленный таким началом, пробормотал я. - Четыре.

- Верно! - насмешливо обрадовался он. - Пойдем дальше. Может быть, назовете мне тригонометрическую формулу комплексного числа?

При помощи этой формулы мы в техникуме высчитывали синусы и косинусы кратных углов. Я назвал ее.

- Тоже верно, - уже серьезно, без тени насмешки произнес он. - В таком случае вы, очевидно, знаете, что представляют собой счетные множества?

Этот вопрос уже из высшей математики. Но с ее основами нас также знакомили в техникуме. Я ответил и на этот вопрос. А сам подумал: "Странно. Медицинский институт, а он устраивает экзамен по математике...". Все выяснилось несколько позже. Добрая женщина привела меня к руководителю подготовительных курсов при институте. Математик по специальности, он был страстно влюблен в свой предмет и, естественно, каждого поступающего в первую очередь "прощупывал" именно с этой стороны. Впрочем, он был уверен, что недалеко то время, когда без знания математики врачу не обойтись.

После того как я ответил на последний вопрос, руководитель подготовительных курсов показал на стол и сказал:

- Пишите заявление.

Под его диктовку я написал заявление с просьбой принять меня на подготовительные курсы при Днепропетровском медицинском институте. Едва поставил подпись, как он выхватил листок, в верхнем левом углу стремительно вывел: "Принять с предоставлением общежития".

А через десять месяцев я успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом медицинского института.

...Над головой, быстро нарастая, послышался вой падающей бомбы. Я был почти уверен, что на этот раз стервятник послал ее прямо в меня. "Это конец!" - мелькнула мысль.

Я обхватил голову руками. Совсем рядом раздался взрыв, меня обдало чем-то горячим и легко, словно пушинку, подняло в воздух.

Потом все померкло...

ПЛЕН

Первое, что бросилось в глаза, когда пришел в себя, - струйка крови на левой ноге. Однако боли не чувствовал. Раскалывалась голова, все звуки слышались приглушенно, словно уши заложило чем-то мягким и плотным. Пошевелил пальцами рук,

попеременно согнул правую и левую ноги. Они оказались целы. Потом провел ладонью по левой голени выше того места, откуда струилась кровь. Ладонь упиралась во что-то твердое: в ноге сидел осколок бомбы. Я ухватился за конец осколка, сильно потянул. Он легко вышел из мякоти, кровь потекла сильнее. Достал из кармана индивидуальный пакет, сделал себе перевязку.

Ползком выбрался из воронки, куда меня забросило взрывной волной, и глазам представилась страшная картина. Берег возле переправы был усеян трупами наших бойцов и командиров, вокруг - разбитые, перевернутые машины, многие из которых еще горели. Возле машин, которые остались целы, расхаживали немецкие солдаты с автоматами, с закатанными по локоть рукавами. Они громко переговаривались между собой, группами залезали в кузова, сбрасывали на землю наше имущество: ящики с продуктами и обмундированием, медикаменты. Чаще других слышались слова: "Шнапс! Шнапс!".

"Бежать! Подальше от врага!" - эта мысль пришла в голову сразу же, как только увидел фашистов. Она придала силы, и я ползком стал пробираться к лозовым кустам. Но было уже поздно. Не прополз и десяти метров, как передо мной выросла группа немцев. Один из них крикнул:

- Рус! Вставай! Пошель!

Я с трудом поднялся. Немец подошел ко мне почти вплотную, жестами приказал вывернуть карманы. Кроме документов и индивидуальных пакетов, у меня ничего не оказалось. Фашист пошевелил сапогом кучу индивидуальных пакетов, снова повторил: "Пошель!" - и показал рукой вперед. Он повернулся к своим, я быстро нагнулся, подобрал индивидуальные пакеты, торопливо рассовал их по карманам.

Гитлеровец с силой толкнул меня в бок прикладом автомата. Я выпрямился. На мгновение мы застыли, глядя в глаза один другому. Это был пожилой немец с морщинистым лицом рабочего человека, широкими и сильными, тоже, вероятно, рабочими, ладонями. Даже пальцы, лежавшие на автомате, были в синеватых крапинках металла. "Наверное, наборщик или печатник", - подумал я. Но в его взгляде явственно читались презрение и даже брезгливость. Понятно: для него я не человек. Видно, глубоко в душу вросли ядовитые корни гитлеровской пропаганды о превосходстве немецкой расы над всеми остальными людьми. Смешно было бы сейчас говорить с ним об интернациональной дружбе, о международной солидарности трудящихся.

Фашист снова замахнулся автоматом, заставляя меня идти вперед.

Нас, оставшихся в живых, согнали на голый, открытый со всех

сторон пригорок, и начался грабеж. Фашисты приказали разуться, стали отбирать сапоги, часы, шарили по карманам. Расхаживавший гитлеровский офицер при малейшем неповиновении бил пленных стеком. Несколько ударов по голове получил и я. Затем нас построили в колонну, вывели на дорогу и погнали по ней.

Растерянный и подавленный всем случившимся, еще не пришедший окончательно в себя после контузии, я шел, низко опустив голову, а когда поднял ее, мне показалось, что впереди мелькнула приметная шевелюра однокурсника Муни Скобло. "Не может быть! - пронеслось в голове. Почудилось...". Стал пробиваться вперед, и вскоре нагнал человека с пышными черными волосами.

- Муня! Ты?

Он испуганно шарахнулся в сторону, но тотчас же, узнав меня, обрадованно протянул руку. Однако мы не успели поговорить с ним, колонну вдруг остановили. Немецкий офицер, тот самый, который у переправы бил нас стеком, приказал всем пленным разделиться на группы по национальному признаку. Образовалось несколько групп: русских, украинцев, кавказцев, евреев. Евреев немцы сразу же увели к огороженному проволокой участку поля, загнали их туда, поставили у входа двух часовых. В этой группе оказался и Муня Скобло.

Сгустились сумерки. Немцы приказали нам располагаться на ночлег. Измученные, голодные, мы расселись на голой земле. Долго никто не спал, люди негромко переговаривались. Лишь далеко за полночь наступила тягостная тишина.

Еще с вечера я приступил к выполнению своих обязанностей врача. Переходил от группы к группе, тихо спрашивал, есть ли раненые. Их было немало, причем раны у всех забинтованы наспех, кое-как, каждую пришлось перевязывать заново. Проработал почти всю ночь. Лишь к утру забылся неспокойным сном.

Разбудили выстрелы. Я вскочил. Было уже светло, алел горизонт, вот-вот взойдет солнце. Выстрелы повторились. Они доносились с той стороны поля, куда вчера угнали евреев. Я пробился к передним и увидел за колючей проволокой полураздетых пленных. Среди них резко выделялись своими темно-зелеными мундирами немецкие солдаты. Они что-то кричали и стреляли...

Как мы узнали потом, на рассвете немецкие солдаты вошли внутрь огороженного участка и приказали пленным евреям раздеться. Тех, которые отказались, начали расстреливать.

Охранники стали поспешно наводить порядок среди нас, так

как все заволновались. Они приказали нам построиться, снова вывели на дорогу. Впереди погнали группу полураздетых евреев. Среди них я снова увидел Муню Скобло и обрадовался: он жив, ночной расстрел его миновал.

Мы подходили к Днепру. Через реку был наведен понтонный мост.

Никогда не забуду эту переправу. Группа немецких офицеров решила здесь, на переправе, устроить себе забаву. Они расположились попарно на берегу и, едва колонна ступила на мост, стали выборочно расстреливать военнопленных. Когда очередная жертва, взмахнув руками, падала в реку, фашисты шумно аплодировали и смеялись. Вдруг, после очередного выстрела, резко остановился, зашатался и упал в Днепр Муня Скобло. Пуля варвара настигла и его.

Вскоре мы подошли к Киеву. Нас разместили на окраине города в больших длинных сараях, в которых до войны, вероятно, размещались какие-то склады. От голода, жажды и усталости мы буквально валились с ног, но и в этот день нам не дали ни есть, ни пить. Немцы окружили лагерь автомашинами, осветили фарами. Дневных охранников сменили новые, с овчарками. И хотя мысль о побеге не покидала меня, о том, чтобы бежать сейчас, не могло быть и речи. Да и сам я был настолько измучен, что не пробежал бы и сотни шагов.

Только на следующий день немцы привезли полевую кухню и раздали нам по черпаку вонючей баланды. Каждый забирал свою порцию во что мог: в консервную банку, в кружку, в пилотку, прямо в горсть. По черпаку баланды получили мы и на ужин.

Так начался для меня плен.

Я родился и вырос в Советской стране. Школа и родители воспитали меня в духе нашей советской морали. Я вырос в обществе, где всегда царила обстановка взаимоуважения, где принципы дружбы, братства, взаимной выручки и взаимопомощи были нормой поведения. Для меня, как и для всех советских людей, слово "человек" действительно звучало гордо. И вот я был словно отброшен в самое мрачное средневековье: все эти нормы морали были попраны фашистами.

В первую очередь гитлеровцы постарались унизить наше человеческое достоинство. Делали они это путем страха, голода, жестокости. При раздаче баланды рядом с тем, кто черпал ее из котла и раздавал пленным, обязательно стоял немец с дубинкой и каждому, кто получал порцию еды, наносил удар. Когда подавали сигнал на подъем, всякого, кто мешкал, немцы били плетками, прикладами винтовок. Если же человек был болен или ранен и не мог быстро подняться, он получал пулю в затылок. Сколько нас,

пленных, осталось лежать на обочинах дорог навсегда! Стоило во время перехода кому-то споткнуться, упасть, как на него спускалась овчарка. Образовывалась свалка, собаки загрызали людей до смерти. А фашисты покатывались со смеху, им было очень весело.

Это была продуманная, строго направленная жестокость. Цель ее добиться того, чтобы мы постепенно потеряли свое человеческое достоинство, превратились в покорных рабов.

От Киева нас погнали на запад. Конвойные офицеры были на конях, они ехали по обочинам дороги, торопили нас, наезжали на идущих, били плетками, стреляли в воздух из пистолетов. А через несколько переходов стали стрелять в пленных.

Нас было несколько тысяч человек, людей не одинакового здоровья и возраста, разной силы духа, выносливости. Естественно, что раненые, больные, слабые здоровьем начали отставать. Охранники безжалостно пристреливали их.

Я был физически крепок, в расцвете сил, когда попал в плен. Но не думаю, что только это помогло мне выдержать все нечеловеческое напряжение тех дней, пересыльные лагеря. Помогли ненависть к врагу, которая разгоралась с каждой минутой, и вера в час отмщения...

Большую часть пути мы держались вместе с высоким темноглазым красноармейцем, которого звали Гаик Казарян. До плена я не знал его. Познакомился, когда делал перевязки раненым. У него было пулевое ранение правой руки выше локтя. Мы перебросились несколькими фразами. Выяснилось, что он тоже родом из Крыма. Это нас сблизило. Я остался возле него.

Гаик оказался человеком практичным.

- Самое опасное теперь - отстать, - говорил он мне. - Отстанешь, пристрелят, гады. Кому это надо?

И мы старались с утра, пока еще свежи силы, протолкнуть других раненых поближе к голове колонны. Так меньше шансов отстать. В случае чего, поддержат более крепкие. Когда немцы объявляли привал, Гаик ложился на обочине дороги ногами кверху. Так, по его словам, они быстрее отдыхали. Свою порцию похлебки он не проглатывал сразу, а ел медленно, тщательно и подолгу разжевывая каждое зернышко. Он предлагал остальным делать так же. Эти простые житейские советы помогли многим перенести трудности перехода.

По обе стороны дороги простирались богатые украинские поля. Иногда на них попадалось что-либо съедобное, и, как ни отгоняли нас конвоиры - били плетками, прикладами, стреляли, - нам все же удавалось выдернуть из земли несколько морковок, репу, свеклу, вывернуть качан капусты. Гаик всегда оказывался

проворнее нас, быстрее добегал до поля. Потом он делился с другими своей добычей.

Однажды дорога проходила через поле брюквы, рассекая его надвое. Брюква, желтея мясистыми толстыми корнями, торчала из земли сразу же за придорожной канавой. Вся колонна ринулась на поле, и, как всегда, сзади раздались щелканье плеток, выстрелы. Немцам удалось быстро загнать нас снова на дорогу. Я не успел выдернуть ни одного корня. Но Гаик возвращался с добычей. Он спешил к колонне, неся несколько брюквин перед собой за зеленые листья. Конвоир поднял пистолет и выстрелил. Гаик упал, уткнувшись головой в мягкую землю. Жалобно звякнула кружка, прицепленная к поясу. Офицер подъехал к нему и выстрелил еще раз, в затылок. Потом вернулся к колонне, на ходу пряча пистолет в кобуру.

Нас погнали дальше.

Оторванные от всего мира, отделенные от него конвойными с собаками, мы не знали, что происходит за пределами дороги. Не знали мы и того, что наша армия продолжает отступать. Нам казалось, что под Киевом произошел просто нелепый случай, не больше, что Красная Армия давно уже остановила врага и вот-вот придет нам на помощь, освободит из плена. И эта надежда тоже помогала переносить все издевательства фашистов.

Чувство товарищества не покидало нас. Если рядом кто-то готов был упасть, его подхватывали соседи по колонне, помогали дойти до привала. А на привалах мы, медики, продолжали выполнять свой долг: оказывали посильную помощь раненым. Но, лишенные инструментов, лекарств, мы, к сожалению, могли делать только освежающие перевязки.

Иногда отдельные немцы неожиданно проявляли к нам сочувствие. Но, кажется мне, продиктовано это было не состраданием, а стремлением продемонстрировать населению свое, якобы гуманное, отношение к пленным. Как-то на ночлег колонну остановили возле небольшой деревушки под Житомиром. К тому времени все наши индивидуальные пакеты были израсходованы, перевязывать раны было нечем. У многих они начали гноиться, распространяя вокруг зловонный запах. Немцы, оставив необходимое количество конвойных, разошлись по хатам. Мы же, как всегда, провели ночь на улице.

Утром к нам подошел офицер, поморщился и что-то сказал по-немецки.

- Спрашивает, чем может помочь, - перевел кто-то.

Мы - человек десять врачей - сказали, что необходимо сменить повязки раненым, и стали просить для этого бинты и вату. Офицер ушел, вернулся минут через двадцать, приказал

врачам и раненым выйти из колонны.

Вышли. Раненых оказалось около пятидесяти человек. Офицер приказал нам следовать за ним. Вокруг собралось почти все население деревни. Люди жадно вглядывались в наши лица, надеясь узнать родственника, знакомого. Гитлеровец подвел нас к одной из крайних хат, показал на ящик с индивидуальными пакетами, стоявший в углу на полу. Потом конвойный принес немного марганцовки.

Мы сдвинули скамейки по две, соорудив таким образом примитивные перевязочные столы. У многих раны, не получив даже первичной хирургической обработки, были в ужасном состоянии. Все, что мы могли сделать в таких условиях, - это промыть их раствором марганцовки, наложить повязки. Вместо медикаментов мы прикладывали к ранам листы подорожника, мягкие лапки тысячелистника.

В этой же деревне мы впервые за несколько дней утомительных переходов вволю напились. До этого конвоиры не давали пить даже из придорожных канав. Дни стояли знойные, жажда мучила нас не меньше, чем голод, и при виде воды многие не выдерживали. Не обращая внимания на ругань, плетки и выстрелы, они бежали к речке. Для некоторых глоток мутной воды оказывался последним в жизни... Здесь же нас оставили на ночь возле колодца, и, едва конвоиры отошли, послышались нетерпеливые голоса: "Котелки давайте! Связывайте ремни...". До глубокой ночи добывали мы котелками воду из колодца, поили раненых, пили сами.

Под утро один из раненых позвал меня громким шепотом:

- Доктор! Доктор! Посмотри, что у меня с ногой...

Это был молодой боец с бледным до синевы лицом. Чувствовалось огромнейшим усилием воли сдерживает он стоны. У него оказалось осколочное ранение в области правой голени. Я разбинтовал рану, в глаза сразу бросились признаки начавшейся интоксикации (отравления организма ядовитыми веществами).

Чем помочь раненому? Что можно предпринять в наших условиях?

Я позвал на помощь еще одного врача, хирурга Савельева. Он был старше меня, намного опытнее. Внимательно осмотрев рану, Савельев сказал:

- Начинается газовая гангрена... Видите, резкий отек мягких тканей, наличие фиолетовых пятен. Спасти его может только немедленная операция.

Операция... У нас ни инструментов, ни медикаментов, ни условий для ее проведения. В нашем положении об операции не могло быть и речи. Да и если бы мы смогли ее провести, раненый

уже не мог бы идти вместе с нами. А это значит... Мы хорошо знали, что делают гитлеровцы с теми, кто отстает от колонны.

Боец смотрел на нас полными надежды и отчаяния глазами.

Савельев осмотрелся. Конвойные расположились поодаль, на нас не обращали внимания.

- Вот что, - негромко сказал он мне. - Попробуйте пробраться вон в ту крайнюю хату. Вечером хозяйка там раздавала нашим хлеб и картошку. Поговорите с ней. Может быть, она согласится оставить у себя раненого. И еще... Попросите у нее немного спирта или самогона.

Я понял - Савельев решил оперировать, хотя еще совершенно не представлял, как он это сделает. Ползком, стараясь не привлечь внимания конвоиров, пробрался к хате, нырнул в сени.

Хозяйка была дома. Когда я появился на пороге, она испуганно всплеснула руками, бросилась навстречу:

- Уходите! Уходите, ради бога! - просила она, стараясь вытолкнуть меня из сеней. - Немцы узнают, убьют и меня и вас...

- Да не обо мне речь! - перебил я. - У нас в колонне тяжелораненый. У него началась газовая гангрена. Если не сделать операцию, он погиб. Понимаете?

Женщина умолкла, горестно сложила на груди руки. Я рассказал ей, что после операции наш раненый не сможет идти вместе с нами, спросил, согласна ли она на время оставить его у себя.

Постепенно в ее темных и больших глазах испуг уступил место решимости. Она приоткрыла дверь, выглянула на улицу и попросила:

- Подождите здесь. Пойду к соседке. У нее, кажется, есть самогон.

Оперировали мы прямо на земле, положив под раненого взятую у доброй хозяйки самотканую дерюжку. Мы так и не спросили, как зовут бойца, для нас он остался одним из многих безымянных, которым в то время оказывали посильную помощь. Мы дали ему стакан самогона. Ослабленный организм не мог долго сопротивляться алкоголю, и боец быстро уснул. Хозяйка принесла бритву. Савельев промыл ее в растворе марганцовки и сделал несколько разрезов ткани в области раны, чтобы дать выход ядовитым газам. Потом он очистил рану, наложил повязку.

Хозяйка тем временем побывала у других женщин деревни, собрала в узелок кое-что из продуктов: десяток яиц, кусок сала, баночку меда. Все это для того, чтобы задобрить офицера, с которым придется вести переговоры. Обо всем мы с ней договорились заранее: она должна была "узнать" в раненом своего родственника. Иногда немцы отпускали пленных, если у них

находились родные из местных жителей. И вот, когда мы по приказу поднялись и построились, она вышла из толпы женщин, стоявших поодаль и бросилась к раненому.

Офицер долго и придирчиво о чем-то расспрашивал ее, показывая плеткой то в сторону нашего бойца, то в ту сторону, откуда мы пришли. Но узелок с подарком сделал все же свое дело. Он наконец приказал вывести раненого из колонны. Женщины с хозяйкой подхватили его под руки, повели в дом. Мы вослед давали им советы, как ухаживать за ним, как делать перевязки.

А колонна снова растянулась по дороге. Опять лай собак, ругань конвоиров, выстрелы в хвосте...

В тот же день нас привели на маленькую станцию, где колонну уже ждал состав грузовых вагонов. Перед погрузкой нас разделили на группы по пять человек, на каждую пятерку выдали по котелку несоленой каши из каких-то твердых эрзац-круп. Есть пришлось на ходу, конвоиры торопили с погрузкой. Вагонов не хватило, в каждый набивали до отказа, с трудом можно было стоять. А когда закрыли тяжелую дверь вагона, мы оказались в полной темноте.

Поезд тронулся.

Никто не знал, куда нас везут. Поезд шел несколько дней, часто делал длительные остановки. За все это время нам ни разу не дали поесть, и живые уже стояли рядом с мертвыми. Когда наконец открыли вагоны, люди стали вываливаться из них, как мешки. Свежий воздух опьянил, какое-то время мы не могли двигаться. Это привело немцев в ярость, выгрузка сопровождалась ругательствами, побоями.

Нас выгрузили на станции Шепетовка. Здесь оставшихся в живых снова построили и погнали в лагерь, который находился в нескольких километрах от станции.

Потянулись кошмарные дни лагерной жизни.

Бежать! Снова вернуться к своим, чтобы с оружием в руках уничтожать ненавистного врага. Эта мысль не оставляла меня ни на минуту. Да и не только меня. Но каждый до поры до времени держал эту мысль при себе, боялся делиться ею с незнакомыми людьми. И на это были основания. То и дело немцы устраивали публичные расстрелы, ликвидировали всех, кто возмущался режимом, кто неосторожно поделился с незнакомым соседом по нарам мыслью о побеге. В каждом бараке у фашистов были специально подосланные доносчики.

В нас едва теплилась жизнь, а голод, побои и непосильный труд делали свое дело. Каждый день умирали десятки, сотни людей.

Казалось, гитлеровцы делали все, чтобы поскорее избавиться от нас. Вот как выглядел "режим дня" в этом лагере смерти. В пять часов подъем. Всех выгоняли на плац, выстраивали, и старосты по баракам докладывали фельдфебелю, сколько в наличии людей, сколько умерло за ночь... Потом гнали нас получать вонючую, похожую на рвотные массы баланду. Каждый получал свою порцию одновременно с несколькими ударами.

После завтрака приступали к работе. Рыли большие ямы для уборных, глубокие рвы для общих могил, ремонтировали дороги. Работали без перерыва до трех часов дня. Если человек падал от изнеможения, на него набрасывались конвоиры и пинками, ударами плеток, дубинок заставляли подняться и вновь продолжать работу. Но часто уже ни пинки, ни плетки не помогали. И тогда один из конвоиров расстегивал кобуру пистолета. Раздавался негромкий выстрел - и немцы приказывали пленным отнести труп к общей могиле.

В три часа - обед. Он отличался от завтрака тем, что в жидком вареве плавал тонкий кусочек мяса. Это была конина, мясо дохлых лошадей, но и ему были рады. Без этих микроскопических доз белка мы все умерли бы.

Смерть на каждом шагу. И не только от истощения, от непосильной работы. Люди умирали десятками от гнойных осложнений в результате плохого ухода за ранами. Не раз мы, врачи, обращались к коменданту лагеря с просьбой оборудовать санитарный блок, снабдить его минимумом необходимых лекарств, инструментов, перевязочных средств. Но просьбы наши оставались без ответа.

Варварским был и сам процесс погребения. Немцы заставляли нас раздевать мертвых догола. Одежда убитых и умерших потом тщательно сортировалась и отправлялась в тыл. Затем специальная команда из военнопленных относила трупы к рвам и сбрасывала их туда. Вначале нам не разрешали закапывать трупы до следующего утра, чтобы для тех, кто умрет за ночь, не рыть новые могилы. Над рвами роились тучи мух. И только страх, что разлагающиеся тела могут оказаться источником инфекций для самих немцев, заставил их изменить этот порядок. Они стали приказывать нам по вечерам присыпать трупы тонким слоем земли.

Сперва трупы сбрасывались в ямы в беспорядке, потом лагерное начальство решило, что площадь используется нерационально, и приказало укладывать умерших рядами. Мы спускались в яму, ходили по трупам, и каждый думал, что завтра здесь свое место займет и он.

Уборная находилась в центре лагеря. Она представляла собой

широкую и длинную яму, поперек которой было уложено несколько круглых бревен. Нам даже не разрешили настелить на них доски. Полно было случаев, когда люди срывались с бревен вниз. У охранников это вызывало неудержимый смех, а нам не всегда удавалось спасти товарища.

Работы прекращались лишь с наступлением темноты. Поздно вечером нас разводили по баракам, и с этого времени всякое хождение по лагерю запрещалось. Стреляли без предупреждения. Всю ночь лагерь освещался яркими прожекторами с караульных вышек.

Утром все повторялось сначала.

Однажды в лагерь приехал верхом на лошади какой-то немецкий посыльный. Он привязал коня к столбу и ушел к коменданту. Неподалеку от лошади ремонтировала дорогу группа военнопленных. Лошадь пугливо косилась на них, тревожно переступала с ноги на ногу, прижимала уши к голове... Пленные решили убить и съесть лошадь. Конечно, это была безумная затея, на все могли решиться только люди, доведенные голодом до отчаяния. Воспользовавшись тем, что конвоиры находились далеко, пленные стали медленно подходить к лошади. Почуяв недоброе, та испуганно взметнулась на дыбы, сорвалась с привязи и понеслась по плацу. С вышек открыли пулеметный огонь, к пленным бросились охранники.

Началась расправа. Нас выстроили возле барака, отсчитали каждого десятого и здесь же расстреляли. Около ста трупов осталось лежать на земле.

Уже стемнело, когда истязания прекратились. Пленных разогнали по баракам. Прошел слух, что утром расстрелы возобновятся. Ночь была неспокойной.

К счастью, рано утром немцы получили приказ готовить нас к отправке в другой лагерь. На этот раз - в стационарный, в городе Славута.

"Гросслазарет Славута цвай, лагерь 357" - так именовали наш лагерь фашисты. Он представлял собой огороженный колючей проволокой участок, внутри которого находилось пять каменных в несколько этажей построек. Недалеко от него была большая ровная площадка - бывший ипподром. Эту площадку немцы стали именовать "аппельплац", а казармы - блоками. Каждый блок тоже был окружен колючей проволокой.

В первом блоке, находившемся поодаль от других, размещались немцы, в остальных - военнопленные. В отличие от шепетовского лагеря здесь один блок был отведен под лазарет. В остальном же режим и питание для военнопленных ничем не отличались от прежнего лагеря. Только сами охранники в

большинстве своем были еще более жестокими.

Особенно свирепствовал фельдфебель Вальтер Срока. Он числился начальником внешней охраны, может быть, поэтому на территории лагеря появлялся не часто. Но не было случая, чтобы его появление обходилось без надругательств, побоев и расстрелов. Достаточно было в его присутствии замешкаться, не снять вовремя головного убора - и провинившегося избивали плеткой до потери сознания. Если же военнопленный, занятый работой, стоял к нему спиной, не сразу оборачивался на окрик, фельдфебель брал у конвойного винтовку и стрелял...

Почти ежедневно в лагерь прибывали новые партии военнопленных. Соседи по блоку часто менялись. И все же здесь у меня вскоре появилось несколько единомышленников, с которыми я мог откровенно делиться мыслями. Первым среди них был молодой врач Роман Лопухин. Светловолосый, выше среднего роста, с совсем еще юношеским лицом. Из многих положительных качеств, которыми он обладал, особенно выделялись два: незаурядный организаторский талант и природные конспиративные способности. Не удивительно, что вскоре он оказался в числе руководителей нашего лагерного подполья.

Как-то я сказал ему, что готов убить Вальтера Срока и, наверное, при первом же удобном случае сделаю это. Он спокойно объяснил, что никакой пользы нам, военнопленным, это не принесет. Убийство одного садиста вызовет лишь массу репрессий, мы же должны готовить побеги из лагеря.

Роман посоветовал мне чаще попадать в рабочие команды, посылаемые за пределы лагеря. Это необходимо было по многим причинам. Во-первых, надо было познакомиться с самим городом, чтобы мы могли легче ориентироваться во время побега. Во-вторых, было больше возможностей связаться с городским подпольем, в существовании которого мы были твердо уверены. И, наконец, тем, кто работал в городе, изредка перепадало что-либо из съестного от местных жителей: кусок хлеба, вареная картошка, свекла, яблоко.

В городе мы работали на пилораме, на ремонте дорог. Уже в ноябре ценой невероятных усилий нам удалось установить связь с некоторыми местными жителями. Это были честные люди, но, к сожалению, не подпольщики. Естественно, с подпольем они нас не связали. Помогли лишь освободить из лагеря несколько человек под видом своих родственников.

Однако гитлеровцы отпускали пленных с далеко идущими целями. Приказ об освобождении зачитывался перед всем лагерем, а потом начиналась усиленная агитация за вступление в

полицию и другие фашистские формирования. Немцы заявляли, что по мере продвижения на восток фашистское командование будет все больше пленных отправлять к своим семьям. Они недвусмысленно давали понять, что личная свобода каждого зависит от успехов немецкой армии, от того, как активно будут помогать ей изменники.

Находились люди, которые попадались на удочку фашистской пропаганды. Но таких было мало. Очень мало.

Следуя наставлениям Романа Лопухина, я несколько раз попадал в рабочие команды. Но мне не повезло. Нас уводили на ремонт дорог за город. Местных жителей мы почти не видели. Первые неудачи все же не огорчили, я продолжал верить в счастливый случай. Вскоре, однако, произошли события, которые резко изменили характер моей деятельности.

Осенью наш лагерь превратили в пересыльный. Ежедневно через него теперь проходило большое количество пленных, среди которых было много больных и раненых. Раны были запущенные, общее состояние больных тяжелое. Мест в лазарете не хватало. Раненых и больных располагали в других бараках, где они находились почти без присмотра. И вот однажды Лопухин подозвал меня к себе.

- Понимаешь, нужно помочь раненым, которые лежат вне лазарета, - сказал он.

- Как это сделать? - развел я руками. - Ты же хорошо знаешь, что ночью из блока в блок немцы никого не пускают. А днем всех выгоняют на работы...

- Попробуй осторожно переговорить с переводчиком, - посоветовал он. Кажется мне, он не сволочь.

Я сам давно уже присматривался к старшему переводчику лагеря Александру Софиеву. Молодой, черноволосый, одет он был всегда в опрятную командирскую форму, подтянут, щеголеват. Отношение к нему вначале было такое же, как и ко всем предателям. Тем более, что он никогда и ничем не старался вызвать нашего к себе расположения, был подчеркнуто предупредителен с немцами. Однажды, наблюдая, как он внимательно выслушивал какое-то приказание немецкого офицера, с какой торопливостью записывал все его указания в блокнот, я укрепился в своем мнении о переводчике. "Сволочь! - подумал я тогда. - Спасает свою шкуру".

Но время шло, а со стороны Софиева мы ни разу не почувствовали недоброжелательства к себе. Наоборот, часто при переводах приказов лагерного начальства голос его звучал участливо. И я рискнул.

Однажды, когда Софиев сопровождал коменданта при обходе

лагеря, я выбрал удобный момент, подошел и обратился с просьбой разрешить мне помогать раненым.

- Вы врач? - быстро спросил Софиев, с опаской поглядывая в сторону коменданта, который, разговаривая с офицерами, стоял к нам спиной.

- Да, - так же быстро ответил я. - Я мог бы хоть чем-то быть им полезен...

- Вы правильно решили, - перебил он. - Я поговорю...

В этот момент комендант круто повернулся, направляясь прямо к нам.

Софиев шагнул ему навстречу и, указывая на меня глазами, стал что-то быстро ему докладывать. Комендант заложил руки за спину, выпятив вперед живот, некоторое время слушал Софиева молча, потом коротко кивнул.

На следующий день меня перевели в корпус-блок, где размещались раненые и больные.

Люди лежали на голых нарах. Воздух в корпусе был спертый, насквозь пропитанный запахом разлагающихся ран. Раненые и больные даже не стонали настолько они были обессилены. Лишь глаза, полные мук и страдания, говорили о том, что люди еще живы.

В этом корпусе уже работал один врач - Симон Кадакидзе. Он был намного старше меня, уроженец города Зестафони. По специальности тоже хирург, с большим практическим стажем. Высокого роста, массивного телосложения, широкоплечий, он даже внешним своим видом внушал уважение. Красивая копна седоватых волос довершала портрет этого человека.

Сблизиться с Симоном Кадакидзе оказалось делом не легким. Он был крайне неразговорчив, замкнут. Первое время мы перебрасывались лишь несколькими лаконичными фразами, и то в случае крайней необходимости. Об условиях жизни в лагере, о немцах он вообще избегал разговоров. Такая осторожность имела основание.

Я тоже старался поменьше говорить, побольше слушать. Но давалось это мне нелегко. По натуре я человек эмоциональный. Каждый раз, когда я начинал ругать немцев, Симон поворачивался ко мне спиной и уходил к раненым. На ходу сердито бросал:

- Чем попусту болтать, лучше бы осматривал перевязки.

Работы действительно хватало. С утра до позднего вечера, зачастую и ночью обрабатывали мы раны, ухаживали за больными. Не хватало самого необходимого - бинтов. Мы использовали их по нескольку раз, предварительно выстирав. Мыло нам отпускалось раз в месяц, микродозами. Оно было

черное, немыльное, но мы были рады и такому.

В тех условиях, в которых приходилось работать, сложных операций, естественно, делать мы не могли. Ограничивались перевязками и первичной обработкой ран. Во время перевязок удаляли омертвевшие участки тканей, обрабатывали раны дезинфицирующими растворами. Марганцовку немцы нам давали изредка. Но на этом их помощь и заканчивалась.

Постепенно Симон стал мне доверять. Он убедился, что немцев я люто ненавижу, и наши отношения становились все дружелюбнее. По ночам мы вели долгие беседы. Рассказывали друг другу о себе, о родных, знакомых, вспоминали довоенную жизнь, обстоятельства, при которых попали в плен. А однажды Симон откровенно заявил, что давно мечтает о побеге, но пока не знает, как это сделать. До поры до времени я не раскрывал ему своих планов, лишь осторожно намекнул, что в лагере не он один желал бы совершить побег.

- Кто еще? - спросил он. - Ты знаешь этих людей?

- Не всех, но кое-кого знаю, - ответил я.

- И что же, у вас уже есть какой-то план?

Я ответил, что пока определенного плана нет, но в лагере есть люди, которые помогут нам. Он с удивлением посмотрел на меня, вздохнул, потом коротко предложил:

- Давай спать, Ибрагим.

Я слышал, как он долго ворочался на своем топчане. Не мог уснуть и я. Этот ночной разговор окончательно сблизил нас. Теперь я уже точно знал, что наши с Симоном судьбы одинаковые.

Утром нас долго продержали на перекличке под холодным осенним дождем, а когда наконец распустили и я возвращался в блок, меня нагнал незнакомый военнопленный.

- Вы доктор Друян? - шепотом спросил он.

- Да, - ответил я. - В чем дело?

- Идемте.

Вместе со мной он прошел в наш блок и, когда мы остались вдвоем в крохотной боковушке, где делали перевязки, стал торопливо доставать из-за пазухи и выкладывать на топчан медикаменты: марганцовку, йод, риванол. Потом выложил несколько индивидуальных пакетов, немного лигнина - мягкой бумаги, которую немцы применяли вместо ваты.

У меня в руках оказалось целое богатство.

- Откуда?! - обрадовавшись, удивился я. - Кто дал?

- Тише... - испугался военнопленный. - Переводчик прислал.

- Софиев! Ну, спасибо.

Теперь уже не было сомнения в том, что Софиев - наш

человек. Я поблагодарил незнакомца, спросил:

- Как вас зовут?

- Зачем вам мое имя? - ответил он вопросом на вопрос. - Впрочем... Алексей Манько.

Так я познакомился еще с одним хорошим человеком, ближайшим помощником Софиева.

Алексей Манько стал постоянным связным между нами и Софиевым, а передачи от него мы теперь стали получать довольно часто. Между тем при встречах Александр Софиев делал вид, что не знает меня. Лишь однажды, когда немцев не было поблизости, он едва заметным кивком головы подозвал к себе, тихо спросил:

- Получаете от меня приветы?

- О да! - горячо зашептал я. - Спасибо! Слушайте, как вам удается все это доставать?..

Переводчик сердито оборвал:

- Вы мне больше таких вопросов не задавайте!

Круто повернулся и ушел. Я понял, что спросил лишнее. Вечером я рассказал об этом разговоре Симону. Тот немного подумал, потом начал рассуждать:

- Кажется мне, Софиев - фигура более значительная, чем мы думаем. Он наверняка связан с...

И оборвал себя на полуслове, словно испугался, что и так сказал больше, чем нужно. Опять по обыкновению замкнулся в себе.

Вечером снова появился Манько. Он передал нам очередную партию медикаментов и впервые за все время, как мы были знакомы, задержался в блоке дольше обычного. Мы разговорились, и он поведал свою, так похожую на наши, историю плена.

Война застала Алексея в Калуше Ивано-Франковской области. Здесь 15-й гаубичный полк, в котором он проходил практику как курсант, находился на учениях. На рассвете 22 июня их обстреляли из пулеметов вражеские самолеты. Полк подняли по тревоге, и через несколько дней он уже вел бои с врагом под Бердичевом. Там полк оказался в окружении. Несколько раз пытался прорваться к своим. В одном из таких боев Манько попал в плен. Дальше - путь, который прошли все мы: тяжелые переходы в составе колонны военнопленных, пересыльный лагерь.

Страшно худой, Манько все же резко выделялся среди других военнопленных. У него были пышные каштановые волосы. Несмотря на крайне тяжелые условия плена, он сумел сохранить подвижность, завидную энергию, а главное - непоколебимую уверенность в том, что обязательно вырвется из лагеря.

- Мы еще будем воевать, - говорил он нам. - Еще постреляем гадов.

Манько люто ненавидел фашистов, и не удивительно, что Софиев доверил ему столь опасное дело. Мы хорошо понимали, чем рискуют эти люди. В случае, если бы наша связь раскрылась, их ждал бы неминуемый расстрел.

Вскоре после последнего посещения Алексея я встретился с Лопухиным, рассказал ему о передачах Софиева и о своем желании откровенно поговорить с переводчиком.

- О чем? - спросил Лопухин.

- Как о чем? - удивился я. - О побеге. О нашей группе...

- Группу не трогай, - перебил Лопухин. - Говори только от своего имени.

Через несколько дней мы с Симоном попросили Манько устроить нам встречу с Софиевым. Она состоялась рано утром у нас в блоке. В маленькой боковушке находились Симон, я и еще один член нашей группы, санитар Сенька-цыган. Фамилию Сеньки мы не знали. Как потом выяснилось, имя у него тоже было не настоящее. Лишь много позже он открылся нам.

Как только Софиев вошел в боковушку, он внимательно осмотрел каждого, затем сухо спросил:

- Итак, о чем хотели поговорить со мной медики?

Мы с Симоном переглянулись. Чувствовалось, что по каким-то непонятным для нас причинам Софиев хочет избежать откровенного разговора. Что ж, пусть будет так. И мы с Симоном начали жаловаться на трудности в нашем санитарном блоке. Не хватает медикаментов, нет самого необходимого хирургического инструмента, совершенно нет лекарств... Софиев слушал внимательно, потом произнес:

- Обо всем я докладывал коменданту. Вы только для этого позвали меня?

- Нет, не только для этого! - неожиданно вырвалось у меня.

Софиев дождался, пока выйдет Сенька посмотреть, нет ли поблизости немцев, и заговорил:

- Вот что, медики. Я догадываюсь, о чем вы хотели бы поговорить. Не вы одни мечтаете оказаться по ту сторону колючей проволоки. Понимаю вас, сочувствую, но пока считаю разговоры на эту тему преждевременными. У вас что, в санитарном блоке уже нет ни больных, ни раненых?

Мы молчали.

Софиев направился к выходу. У самых дверей остановился, закончил:

- Когда наступит срок, скажу...

И быстро вышел.

Несмотря на то, что по сути дела Софиев отказался быть откровенным с нами, все же этой встречей мы остались довольны. Хотя прямо ничего не было сказано, мы поняли, что в лагере немало людей, готовящихся к побегу, и что, очевидно, сам Софиев уполномочен кем-то координировать наши действия. И этот кто-то пока считает нужным, чтобы мы оставались в лагере. Ведь число раненых не уменьшалось. Одновременно мы еще больше укрепились в мысли, что старший переводчик связан с внешним миром. А что это так, вскоре убедились окончательно.

Как-то после очередного посещения Алексея Манько мы решили передать часть полученных медикаментов в соседний блок, где также были раненые и больные. Я взял немного индивидуальных пакетов, марганцовки, йода и понес к их врачу. К моему удивлению, он категорически отказался от помощи.

- Не нужно, - заявил он. - Вам самим не хватает. А у нас еще кое-что есть.

А ведь неделю назад он сам приходил к нам в блок, просил хотя бы несколько стиранных бинтов. Из этого случая мы с Симоном сделали вывод, что Софиев стал помогать не только нам.

Через несколько дней Софиев передал, чтобы мы были исключительно осторожны: немцы заслали в блоки большую партию доносчиков. Мы предупредили об этом всех больных и раненых. Сообщение Софиева подтвердилось. В некоторых блоках (там Софиев, наверное, не успел предупредить пленных) начались расстрелы. Военнопленных обвиняли в саботаже, в подрыве авторитета фюрера, в распространении вредных слухов.

Немцы всячески стремились сломить наш дух, волю к борьбе. Одновременно с массовыми расстрелами они пытались растлить, искалечить нас морально. Выдавай комиссаров и коммунистов, евреев и непокорных - и мы тебя накормим, дадим несколько лишних черпаков баланды. А пойдешь в полицию - будешь сыт, одет, сам почувствуешь силу над другими.

Мы, врачи, старались не только лечить раненых и больных, но и вселить в них надежду на удачный побег после выздоровления, поддержать духовно и оберегали таким образом от развращающей души пропаганды гитлеровцев. Заводили беседы с больными и ранеными, исподволь узнавали их настроения, намерения, подбирали верных людей, преданных, смелых, стойких.

После массовых репрессий, которые прокатились по лагерю в середине ноября, работать стало еще труднее. Немцы уменьшили и без того скудную выдачу медикаментов, а помощи Софиева не хватало. Между тем в процессе лечения мы все чаще встречались

с очень серьезными осложнениями. Участились случаи газовой гангрены. Здесь мы, как правило, применяли широкие лампасные надрезы в области раны с последующей обработкой ее марганцовокислым калием. Это самое большее, что мы могли сделать в условиях лагеря. Но в большинстве случаев мы все же спасали жизнь. Правда, сами операции приносили раненому невыразимые страдания. Обезболивающих средств у нас почти не было.

Мучительные страдания доставляли больным и перевязки. Раны долго не заживали: ослабленный организм имел малую сопротивляемость различным инфекциям, обладал низкими восстановительными способностями. Перевязки очень часто доводили раненых до шокового состояния.

Как-то зимой к нам из Изяславля перевели новую группу военнопленных. Их разместили в блоке неподалеку от нашего "лазарета". Однажды один из вновь прибывших, он назвался Олегом, пожаловался на сильные боли в области правого бедра. Я попросил его показать рану. Она была от разрывной пули, уже начала заживать. Но вокруг появились покраснение и отек. Вдобавок у раненого была высокая температура. Налицо, таким образом, все признаки флегмоны бедра гнойного воспаления клетчатки и более глубоких слоев мягких тканей. Единственное спасение - операция. Иначе воспалительный процесс может распространиться, и тогда уже ничто не спасет раненого.

Вечером возле раненого собрались вместе с нами врачи из соседнего блока. Стали обсуждать сложившуюся ситуацию. И все пришли к единому мнению делать операцию без наркоза невозможно. Но и не оперировать тоже нельзя. Еще день-два - и будет поздно.

- Что ж, тогда пошли спать, - заявил вдруг Роман Лопухин.

- Ты что-нибудь придумал? - спросил я.

- Утро вечера мудренее, - уклончиво ответил он.

Мы сами хорошо понимали, что все равно до утра ничем не сможем помочь больному, и разошлись. А утром Роман Лопухин первым заявился к нам в блок и выставил на топчан флакон эфира.

- Где достал? - удивились мы с Симоном.

- Мое дело, - улыбнулся Лопухин одними глазами. - Придет время узнаете.

Мы промолчали, однако каждый еще больше укрепился в мысли, что Роман Лопухин входит в группу, которая связана с патриотами на воле, но до поры до времени не хочет нам об этом говорить. Ну что ж, подождем.

Операцию делал Симон, я ассистировал, Лопухин давал

наркоз, следил за общим состоянием больного. Прошла она хорошо. Удалили гной, сделали перевязку, вывели Олега из состояния наркоза и отнесли на свой топчан. Обычно после таких операций больной быстро идет на поправку, но наш Олег был крайне истощен, обессилен, и вначале мы даже опасались за его жизнь.

Несколько суток подряд мы дежурили возле него, сменяясь каждые три часа, пока окончательно не удостоверились, что Олег начал поправляться. Все это время наша медики делились с ним своим скудным пайком, чтобы поскорее поставить на ноги.

Через месяц Олег уже мог самостоятельно передвигаться. Сдержанный по натуре, он обошел всех врачей, каждого благодарил скупыми, но очень сердечными словами:

- Спасибо, братцы! Жив останусь, детей вашими именами назову.

Не удалось Олегу осуществить свою мечту. После выздоровления он сумел бежать из лагеря, сражался с фашистами в партизанах на Брянщине и погиб в одном из боев при подрыве железнодорожного моста.

Мечту о побеге вынашивали многие. Осуществляли ее по-разному. Было несколько групп, которые готовились к организованному побегу. К таким принадлежала и наша. Мы тогда думали, что действуем одни. Потом оказалось, что действия групп направлялись и координировались единым центром, через доктора Федора Михайловича Михайлова. Нити, таким образом, вели за колючую проволоку. Ф.М.Михайлову удалось создать в городе мощное подполье, которое имело связи и с руководителями наших лагерных групп.

Однако до поры до времени нашему "центру" было выгодно у тех, кто входил в лагерное подполье, поддерживать мнение, что каждая группа действует независимо. Эти группы в какой-то мере страховались на случай провала.

К побегу готовились и многие одиночки.

Как-то весной сорок второго один из наших раненых, грузин Георгий, не пришел на перевязку. Не явился он и на следующий день. Я послал Сеньку-цыгана узнать, в чем дело. Возвратился Сенька довольно быстро.

- Совсем плохо ему, - сообщил он. - Лежит.

- Надо сходить посмотреть, что с ним, - заволновался я.

- Не надо! - возразил Сенька. - Говорит, хочу умереть.

Я пожал плечами и рассказал обо всем Симону. Тот сам пошел к Георгию. Вернувшись, сообщил, что свою порцию баланды на ужин Георгий съел, а до хлеба не дотронулся. Между тем общее состояние его удовлетворительное. Было ясно, что

Георгий что-то замышляет, и мы решили ему не мешать. Доложили главному врачу лагеря, что он снова заболел, освободили от работ.

Через несколько дней рано утром была объявлена тревога по лагерю. Нас согнали на плац, выстроили, сделали перекличку. Потом комендант через переводчика сообщил, что ночью бежал пленный. Он напомнил, что за побег полагается расстрел.

Бежал Георгий. Ночью, пользуясь дождливой погодой, он с тыльной стороны корпуса подполз к проволочному ограждению, подкопал землю под проволокой и, поднимая ее руками, пробрался через ряды на спине. При этом он сильно расцарапал себе тело. На всех нижних рядах проволоки остались следы крови. Немцы организовали погоню с овчарками.

Мы всей душой желали Георгию успеха, но понимали, что побег для него был очень рискованным. Он плохо говорил по-русски, совершенно не знал города и вообще тех мест. Но вот наступил вечер. Погоня вернулась без Георгия. Все же комендант перед ужином объявил, что беглец пойман и расстрелян.

Действительно, больше Георгия в лагере мы не видели, но сомневаюсь, чтобы он был расстрелян на самом деле. Обычно всех "провинившихся" немцы казнили публично, в назидание остальным. Для Георгия, если бы он был пойман, конечно же, не сделали бы исключения.

После Георгия было еще несколько одиночных побегов, в большинстве своем неудачных. Не раз становились мы свидетелями того, как охранники волочили по площади окровавленные тела заключенных, пытавшихся бежать. Они были настигнуты собаками-ищейками. Их потом на глазах у нас вешали или расстреливали. И все же каждый раз после нового побега я спрашивал у Софиева, скоро ли наш черед. И всякий раз он отвечал:

- Рано. Вы пока здесь нужны.

Да, мы, врачи, нужны были в самом лагере, чтобы спасать жизнь десяткам и десяткам больных и раненых. И каждый удачный побег снова убеждал нас в том, что нельзя терять надежду на освобождение. Можно и надо бороться.

Мы продолжали выискивать такой вариант побега, который гарантировал бы нам больший шанс на успех. Мертвые уже никому не будем нужны, а вот живые сможем бороться с врагом.

За долгие месяцы пребывания в плену мы привыкли видеть в каждом немце фашиста, изверга и садиста, и ненависть к ним стала составной частью нашего характера. Но враждебность эту надо было тщательно скрывать. Немало было случаев, когда за один лишь не понравившийся начальству взгляд военнопленный

прощался с жизнью. Если же среди немцев попадались люди, еще не потерявшие человеческого облика, то сами же фашисты старались от них избавиться.

В январе сорок второго в лагере сменили коменданта. Вместо ненавистного всем нам палача прибыл майор, кажется, Зепп Брудер. Как мы потом узнали, адвокат по образованию. Внешность Брудера была крайне непривлекательна: низкорослый, коротконогий, с большим животом. Он перекатывался по дорогам между бараками, и мы за глаза прозвали его "колобком". Когда впервые увидели этого человека со столь отталкивающей внешностью, каждый подумал: "Этот, пожалуй, будет похлеще прежнего".

Однако с приходом нового коменданта уменьшились издевательства над пленными, баланда стала вроде бы лучше, а редкие кусочки мяса - больше. А однажды, впервые за все время нашей лагерной жизни, к нам приехал с целью обследования условий какой-то немецкий врач. Когда он обходил блоки, мы, по совету Софиева, обратились к нему с просьбой оказать помощь медикаментами и перевязочными материалами. Немец выслушал нас, подробно все записал в роскошный большой блокнот. Сверх всяких ожиданий через некоторое время нам привезли и раздали несколько ящиков индивидуальных пакетов, около десяти килограммов лигнина, немного флаконов эфира, хлороформа и новокаина.

Но изменения к лучшему продолжались недолго. В начале февраля Брудер был снят с должности коменданта лагеря, как сообщил вам Софиев, "за либеральное отношение к пленным". Он был отправлен на восточный фронт на "перевоспитание".

Новый комендант оказался еще хуже того, который был до Брудера. Сразу же резко уменьшился дневной паек, а хлеб стали выдавать наполовину из опилок и гречишной мякины. У пленных появились кровавые поносы и запоры - верный признак начавшейся эпидемии дизентерии. Никаких лекарств от этой болезни у нас не было. Здесь мы были бессильны. Эпидемия с каждым днем охватывала все больше людей, от нее ежедневно умирали в лагере десятки пленных.

Вскоре на нас обрушилась новая эпидемия - сыпной тиф. Санитарные нормы в бараках не поддерживались. Помещения не отапливались, белье никогда не менялось, от верхней одежды остались одни лохмотья. Скученность в блоках была огромная, дезинфекция там никогда не проводилась. Мы были буквально обсыпаны вшами.

С началом эпидемии сыпного тифа положение врачей еще более усложнилось. Единственное, что мы могли в этих условиях

сделать, это наладить круглосуточное дежурство у каждой группы больных. Мы меняли им компрессы, поили водой.

Сыпняк перекинулся и на врачей. Первый заболел я. Как-то вечером я почувствовал, что меня начинает знобить, стала кружиться голова. Сразу понял, что болезнь добралась и до меня, и" обратился к Симону с просьбой осмотреть. Он поставил диагноз - тиф.

Ночью мне стало еще хуже. Жар усилился, и я потерял сознание.

Болезнь длилась долго. Я пластом отлежал более трех недель. И все это время у моих нар находился Симон. Он делал все возможное, чтобы спасти мне жизнь. С помощью Софиева он достал немного сердечных лекарств. Делал холодные компрессы, поил с ложки баландой. Когда я время от времени приходил в себя, он как мог подбадривал меня.

Наконец кризис прошел, и я стал медленно поправляться.

- Ну, брат, вроде выкарабкался, - заявил Симон. - Думаю, через недельку станешь на ноги.

Я сам был полон надежд на скорое выздоровление. Но однажды днем к блоку, где лежали тифозные больные, подкатило несколько машин. В помещение вбежали немцы и с криками, руганью набросились на здоровых пленных, приказали им стаскивать с нар больных, грузить в машины. "Все. Назад мы не вернемся!" - подумал я.

Симон бросился к немцам. Он стал объяснять им, что я врач и нужен ему как помощник. Но эта попытка оставить меня в блоке оказалась безуспешной. Немец выругался и прикладом автомата оттолкнул его. Мы попрощались взглядами, и меня поволокли к машине, туда, где уже лежали другие, обреченные на смерть.

Машины тронулись.

Везли весь день, и уже по одному этому можно было понять, что расстреливать нас, по крайней мере сейчас, не будут. Чтобы уничтожить группу больных, их не нужно было так далеко увозить. Немцы никогда так не делали. Они расстреливали узников или в самом лагере, или поблизости от него.

К вечеру нас привезли в город Острог. Остановились на площади.

Нас выгрузили возле небольшого одноэтажного домика, который оказался городской больницей. Все последующее было настолько невероятным, что стало казаться сном. Нам всем сделали санобработку, выдали чистое белье и халаты, разместили в настоящих больничных палатах. Мы вдруг оказались на койках, застланных белыми простынями. Нас обслуживали медицинские сестры и осматривал настоящий врач.

Чудом показалась нам и пища. После баланды, которой мы питались в лагере, нас накормили настоящим супом, горячим, даже наваристым, а на второе дали картофельное пюре. Правда, дозы были микроскопическими, если принять во внимание наш аппетит.

Ночью, когда остались одни, мы долго терялись в догадках: что же случилось? Почему немцы впервые поступили столь благородно, чутко по отношению к пленным? Может, за всем этим кроется новый, еще более жестокий замысел? Так ничего и не придумали. Все выяснилось позже.

Медицинский персонал, особенно сестры из местных жителей, относились к нам сердечно. Не раз в глазах женщин мы видели слезы, сочувствие и участие. А мы действительно выглядели страшно: обросшие, невероятно худые, в буквальном смысле слова - кожа да кости.

По мере того как мы поправлялись, увеличивался аппетит, но порции оставались прежними. Чувствовалось, что в больнице туго с продовольствием.

Прошло две недели. Я уже мог подниматься с постели, делать несколько шагов без посторонней помощи. И снова мысли о побеге овладели мной. "Может быть, именно здесь я смогу их осуществить? Ведь я не в лагере, городская больница, наверное, не охраняется".

Когда в палате, кроме больных, никого не было, я решил добраться до окна. Хватаясь руками за спинки коек, с трудом передвигая ноги, подошел к окну, заглянул во двор. За оградой из темного штакетника чернели мундиры полицаев: больница усиленно охранялась. Я вернулся и лег. Товарищ по койке посмотрел на меня понимающим взглядом, отвернулся к стене. Оказывается, не один я мечтал о свободе.

Оборвалось все это так же неожиданно, как и началось. Ночью нас разбудили крики немцев. Они ходили по палатам, приказывая всем встать и спуститься вниз. В приемной нам раздали наше лагерное тряпье, потом стали выгонять на улицу. Мы снова оказались в машинах. По бокам расселись конвоиры.

Куда теперь? Лагерная жизнь приучила нас к тому, что каждая перемена в судьбе пленного - к худшему. Мы были уверены, что эпизод с больницей больше не повторится.

Ночь была лунной, морозной. Когда машины остановились и нас выгнали на снег - сердце у меня сжалось. Перед нами были знакомые деревянные столбы у ворот славутского лагеря.

Товарищи встретили нас с радостью и удивлением. Они были уверены, что две недели назад нас увезли на расстрел. Поэтому теперь смотрели на нас, как на явившихся с того света.

Волнующей была встреча с Симоном. Мы бросились друг другу в объятия, расцеловались.

А утром следующего дня я снова приступил к своим врачебным обязанностям.

ПОБЕГ. СНОВА В СТРОЮ

В лагере удивлялись, чем была вызвана столь неожиданная доброта со стороны фашистов к нам, кучке тифозных больных. Между тем все объяснялось очень просто. Решив отправить нас в городскую больницу в Остроге, немцы преследовали две цели. Во-первых, они хотели продемонстрировать населению свою гуманность, показать, что они вовсе не так жестоки, как о них говорят. Во-вторых, фашисты тешили себя надеждой, что такой поступок с их стороны сделает пленных более сговорчивыми, нас можно будет легче завербовать в полицию или "освободительную" армию.

Еще во время нахождения в больнице к нам заявилась большая делегация женщин, якобы представительниц от города. Они принесли немного сала, хлеба, раздали каждому по горсти табаку-самосада. Мы обрадовались подаркам, приняли их с чувством глубокой благодарности. На оказалось, что это лишь приманка, на которую мы должны были клюнуть. Как только немцы, сопровождавшие женщин, вышли из палаты, те стали уговаривать нас после выздоровления записаться в полицию и помогать оккупантам укреплять новый порядок в самом Остроге, в деревнях. Не жалея красок, они расписывали "райскую" жизнь в полиции. Там, дескать, и служба не тяжелая, и денег платят много, и все полицаи хорошо одеты, обуты.

Особенно, помню, старалась одна монашка. У нее были маленькие мышиные глазки, которые ни на секунду не оставались на месте, все время воровато перебегали с предмета на предмет. Она села на табурет у изголовья моей койки и начала вкрадчивым голосом, часто поминая имя бога, уговаривать меня послужить "воинству Христову". Смысл ее проповеди сводился к следующему: большевиков, которые двадцать пять лет царствовали в России, теперь постигло справедливое возмездие. Бог опустил на них свою карающую десницу в образе немецкой армии. Следовательно, помогая фашистам, я помогал бы богу очистить Россию от "антихристов". А что может быть справедливее этого "святого" дела?

С каким удовольствием я сыпанул бы в лицо ей ту горсть табаку, которую она мне дала, плюнул бы в глаза! Но нужно было сдержаться, быть осторожным: за дверями стояли гитлеровцы. Стараясь говорить спокойно, ответил монашке, что я врач, в лагере у меня остались раненые и больные и не могу их бросить

на произвол судьбы. Монашка недовольно поджала губы, отошла.

Не поддались на провокацию и остальные больные. Делегация ушла ни с чем. Такой исход взбесил фашистов, поэтому они вернули нас в лагерь в ту же ночь.

Снова потянулись безрадостные дни тяжелой жизни. Став на ноги, я еще с большим рвением помогал Симону лечить больных и раненых.

Мы не знали, что делается по ту сторону лагеря, каково положение на фронте. Немцы старались использовать это обстоятельство, чтобы подавить у нас дух сопротивления. Их пропаганда носила откровенно профашистский характер. Все чаще они "успокаивали" нас такими словами: "Наша армия снова обстреливает Москву из пушек. Еще немного - и мы возьмем вашу столицу. Кончится война, и вы отправитесь по домам".

Мы понимали, что ни одному слову фашистов верить нельзя, наглая ложь направлена на то, чтобы сломить нашу волю к сопротивлению. И все же тревожила мысль: неужели враг опять сумел дойти до Москвы?

Мы с Симоном решили снова встретиться с Александром Софиевым, поговорить с ним откровенно. Не может быть, чтобы он не знал истинного положения вещей на фронте. Мы были почти уверены, что он связан с городским подпольем, а там-то наверняка знают правду.

На этот раз встреча произошла у входа в больничный барак. Софиев опасался слежки, и разговор произошел буквально на ходу.

- Неужели это правда?.. - спросил у него Симон.

- Что правда? - резко перебил Софиев.

- То, что немцы уже...

- С каких это пор вы стали верить всякой брехне! - еще злее оборвал Софиев. - Да, нашим нелегко, это правда. Но Москву немцы никогда, слышите, никогда не возьмут!

Он ушел. У нас с Симоном отлегло от сердца.

В тот же вечер, соблюдая всяческую осторожность, передали суть нашего разговора с Софиевым раненым. И мы видели, как у многих радостно заблестели глаза, как люди посветлели лицом.

А через несколько дней по лагерю прошел невероятный слух: у кого-то из военнопленных есть номер "Правды". Эта потрясающая новость передавалась под огромнейшим секретом, но вскоре о ней знали все военнопленные. "Заполучить газету хотя бы на десять минут! Подержать ее в руках! Своими глазами удостовериться в том, что наша армия сражается, бьет врага", - эта мечта целиком завладела нами.

- Сенька, - обратился Симон. - Ты можешь все. Сделай так,

чтобы газета побывала у нас.

И вот однажды ночью Сенька-цыган позвал нас, таинственно прошептал:

- Достал!

Провел в перевязочную и, сияющий, вручил Симону номер "Правды". Затасканный, зачитанный до дыр, порванный на изгибах. Но это была наша советская газета!

Номер оказался довоенным. Это несколько разочаровало нас, и все же с огромной радостью мы держали его в руках, просматривали. Мы словно вышли на волю, вернулись в тот мир, откуда пришли, где каждая мелочь, каждая деталь были родными и дорогими до боли в сердце...

Софиев, вероятно, все же сделал из нашего последнего разговора соответствующие выводы, потому что время от времени намеками, обиняком стал сообщать, что делается на фронте. Однажды шепнул:

- Ну, ребята, держитесь! Немцы еще больше свирепеют...

- А в чем дело? - спросили мы.

- Под Москвой у них опять осечка получилась. Наши дали прикурить!

Глаза его улыбались.

Теперь было понятно, почему охранники в лагере словно взбесились. Из баланды исчезли даже те микроскопические кусочки мяса, которые изредка в ней попадались. Хлеб стали выдавать полусырой, почти несъедобный. Немцы придирались к каждому нашему движению. Не было дня, который не заканчивался бы расстрелами ни в чем неповинных людей. Одновременно лагерное начальство усилило пропаганду за вступление в полицию. Мы понимали, в чем дело: свои подразделения гитлеровцы перебрасывали на укрепление фронта.

На стенах бараков немцы стали вывешивать номера грязного предательского листка "Нова Шепетовщіна". В этой продажной газетенке много было трескучей болтовни о мощи и непобедимости фашистской армии, о ее победоносном шествии на восток. Но мы уже умели хорошо читать между строк. И если, скажем, в газете говорилось о том, что "выравнивая линию фронта, доблестная армия фюрера" отошла за Мосальск, значит наша Красная Армия заставила ее это сделать.

Потом в лагере появились немецкие листовки. Отпечатанные на дрянной, шершавой бумаге, они раздавались каждому во время получения баланды. И здесь, обращаясь с призывом ко всем бойцам и командирам Красной Армии прекратить сопротивление, фашисты не удержались от своей хвастливой болтовни. В листовке говорилось, что Сталинград якобы давно пал, Кавказ

полностью занят победоносной армией фюрера, что вот-вот падет Москва, Гитлер въедет в город на белом коне.

- Что это значит? - воспользовавшись удобным случаем, спросил я у Софиева, показывая ему листовку.

- Удивляюсь! - Он вскинул тонкие брови.

- Чему ты удивляешься? - не понял я.

- Удивляюсь, как ты можешь всерьез воспринимать всю эту гадость! ответил Софиев. - Неужели ты до сих пор не изучил фашистов?

Больше ни о чем не нужно было спрашивать.

Софиев между тем осмотрелся, проверил, не наблюдает ли кто за нами, тихо произнес:

- Скажи Симону, что я хотел бы с ним повидаться. Завтра.

Я передал его слова Симону, и на следующий день они встретились. Разговор оказался очень важным для нас.

По ночам ко мне иногда приходили сны, в которых я все еще был студентом. Свободным, счастливым, среди друзей. Иной раз я подолгу беседовал с мамой, с отцом и всегда встречался с ними на маленьком нашем дворике позади дома, который был облит теплым и ласковым крымским солнцем... Потом почти каждую ночь во сне я стал убегать из лагеря. И побеги всегда были удачными. Уверенность в том, что наконец смогу вырваться из неволи, была настолько сильной, что я часто просыпался с чувством полной свободы. И в тысячу раз тягостнее было разочарование.

Мысль о побеге становилась все неотвязнее. У нас с Симоном было уже продумано около десятка различных вариантов. В одном из них мы хотели воспользоваться опытом грузина Георгия. Но это оказалось невозможным. Вскоре после его побега немцы пустили по проволоке электрический ток. Второй вариант строился на случае, если мы попадем в рабочую команду за пределы лагеря. Но и это оказалось неосуществимым: мы уже числились как врачи, на работы в город нас перестали посылать. Кроме того, связанные с подпольем Софиева, мы имели право бежать только с его разрешения. А Софиев не однажды давал нам понять, что мы в лагере пока нужны больше, нежели на воле.

Но вдруг он сам заговорил о нашем освобождении. Заговорил в тот день, когда они встретились с Симоном. Разговор происходил в перевязочной, мы с Симоном принесли ему больничный журнал, якобы для проверки. Встреча была одной из тех редких, когда нам никто не мешал.

- Ну что, - спросил Софиев у Симона, - все же думаете бежать?

- Мы никогда не отказывались от этой мысли, - откровенно признался тот. - Ты же хорошо об этом знаешь.

- Знаю. Что же, и план уже разработали?

- Планов у нас хоть отбавляй, - вмешался я. - Только вот как их осуществить? Сейчас дожди пошли, по ночам охрана не так бдительна. Если подкопаться под проволоку...

- Самоубийство, - коротко возразил Софиев. - Кое-кто предлагает другой вариант...

Мы с Симоном насторожились. Неужели пробил час! Кажется, у меня даже сердце замерло. Мы поняли, что "кое-кто" - это руководители Софиева по ту сторону проволоки. Значит, о нас уже был там разговор...

Софиев продолжал:

- Завтра вы попросите господина Вальтера Шнитке разрешить вам в сопровождении охраны сходить в городскую больницу за перевязочным материалом. Вы покажите ему бинты, которыми вам приходится перевязывать раненых. Ясно?

Еще бы! Но отпустит ли немец? Правда, Шнитке был одним из тех немногих, которые не издевались над пленными.

- Отпустит ли... - высказал вслух сомнение Симон.

- Попробуем уговорить втроем, - ответил Софиев, - Конечно, гарантировать ничего не могу, но... Ну, до завтра. Ровно в десять мы будем проходить по площади. Вы случайно попадетесь нам на глаза... Про бинты не забудьте.

Десять часов утра. Мы с Симоном давно уже через щели барачной двери наблюдаем за плацем. Но пока он пустынен, время от времени проходят лишь группы пленных в сопровождении конвоя. Несут мешки с гнилой капустой на кухню, тянут бревна для новой виселицы, уносят трупы умерших за ночь.

Вот наконец показался Шнитке, худой и длинный как жердь, в блестящем черном дождевике. Несколько позади и сбоку от него - Софиев в сером пальто. Как только они оказались на середине плаца, мы вышли из барака и направились к ним. Не доходя десяти шагов, вытянулись в струнку. Симон, как того требовал лагерный устав, назвал себя, обратился к Вальтеру с просьбой отпустить нас в городскую больницу. Может быть, там дадут немного перевязочного материала.

Вальтер поднял брови, посмотрел на Софиева. Тот перевел. Для большей убедительности Симон вытащил из кармана штанов сверток с прогнившими бинтами. Вальтер брезгливо поморщился, на ходу бросил:

- Я. Нур мит караул.

- Господин офицер разрешает вам завтра отлучиться в городскую больницу за перевязочным материалом, - перевел Софиев. - Но в сопровождении охраны...

Он смотрел на нас с равнодушным видом, будто видел

впервые. Потом добавил:

- Благодарите господина офицера!

А когда Шнитке отошел, быстро шепнул:

- В больнице обязательно повидайтесь с главным врачом Михайловым. Внимательно выслушайте, что он скажет. Повинуйтесь беспрекословно! В случае неудачи - о нашем разговоре забудьте...

Итак, завтра! Или мы будем на воле, или... Мы были готовы на все.

Но случилось непредвиденное. Рано утром из соседнего блока к нам прибежал мой хороший знакомый Артем Осипян и сообщил, что у них беда: немцы ранили военнопленного, сейчас он в тяжелом состоянии.

Мы бросились туда. Когда склонились над раненым, к ужасу своему узнали Алексея Манько. Он лежал бледный, весь в холодном поту, часто и тяжело дышал. Алексей задыхался, ему не хватало воздуха. Сняли наспех наложенную на грудь повязку, осмотрели рану. У Алексея оказалось сквозное пулевое ранение в верхней половине грудной клетки с открытым пневмотораксом. Воздух, накапливаясь в полости плевры, давил на легкое, оно по существу выключилось из акта дыхания. Раненого могла спасти только неотложная операция.

Началась борьба за жизнь Алексея. Мы сделали Манько давящую повязку, превратили таким образом открытый пневмоторакс в закрытый. Это немного улучшило его состояние, но жизнь все равно оставалась под угрозой. Операция или смерть - другого выхода не было.

- Вот что... - решительно заявил Симон, - оставайся здесь, а я пойду к главному врачу лагеря. Надо, чтобы он разрешил перевезти Манько в городскую больницу. Только там можно сделать операцию. Попробую упросить.

Я остался у топчана раненого один. Манько стало немного лучше - воздух больше не поступал в плевру. Он стал дышать ровнее, уснул.

- Как это случилось? - спросил я у Артема.

Тот поведал одну из историй, которые в лагере случались нередко.

После ужина Манько зашел в соседний блок к Игнату Кузовкову и задержался там до потемок. С его стороны это, конечно, было неосмотрительно: с наступлением темноты всякое хождение по лагерю запрещалось. Немцы стреляли без предупреждения. Когда Алексей вышел из блока, раздался окрик:

- Вогин геест ду?

И сразу же - выстрел.

"В грудь словно ударило сверлом, - вспоминал потом Манько. - По спине потекла теплая струйка крови. К счастью, я не потерял сознания. Я понимал, еще мгновение - и вторым выстрелом немец меня прикончит. Собрав все силы, стараясь не упасть, вошел в корпус. Здесь силы оставили меня. Упал - и больше ничего не помню..."

Товарищи перенесли его, положили на топчан. Прошла ночь.

Вскоре вернулся Симон, с ним прибыли старший врач Коробко, Александр Софиев и немец. Выслушав рассказ Артема Осипяна, Софиев стал что-то быстро говорить немцу, тот отдал короткое приказание.

- В городскую больницу! - с облегчением в голосе перевел Софиев.

Мы переложили Алексея на носилки, вынесли из корпуса. Подъехала подвода, и солдат один увез его.

День подошел к концу, а команда идти в город так и не поступила. Не было ее и на следующий день. Мы с Симоном терялись в догадках. И только спустя дней десять, когда мы уже потеряли всякую надежду вырваться в город, утром в блок заявился немецкий солдат и приказал нам троим - Симону, Сеньке-цыгану и мне - собираться в городскую больницу.

Солдат был молодой. Мы его немного знали, он часто стоял на посту у ворот лагеря. Сюда приходили местные жители, в большинстве своем женщины, приносили военнопленным что-нибудь съестное. Появлялись они в воскресенье или в те дни, когда в лагерь прибывала новая партия пленных. Женщины надеялись встретить мужа, родственника.

Передавать продукты пленным в руки не разрешалось, свои скромные приношения женщины складывали в старый платяной шкаф с оторванной дверцей, который лежал у ворот лагеря. Конечно, все лучшее из продуктов - сало, яйца - немцы забирали себе, остальное - подмороженная картошка, куски черствого хлеба - доставалось нам. По приказу Софиева эти продукты поступали в блоки с больными и ранеными, где и распределялись между ними. Забирали продукты мы, врачи, и часто бывало, когда я приходил к шкафу, этот молодой солдат тайком, чтобы не видели другие немцы, передавал мне несколько сигарет.

Он узнал меня, поздоровался кивком головы.

Симон покосился на немца. Я догадался, о чем он подумал. Замысел наш был такой. Мы выходим из лагеря и по шоссе, которое шло параллельно ипподрому, направляемся в город. Сразу же за ипподромом начинался молодой сосновый лесок. Там мы по сигналу Симона набрасываемся на конвоира, убиваем его и бежим.

Был и другой вариант. Мы все же доходим до больницы, встречаемся с Михайловым. Получив от него необходимые распоряжения, возвращаемся назад и опять-таки по дороге убиваем конвойного. И в том и в другом случав предусматривалась расправа с охраной.

Но как поступить теперь? Как убить человека, который ничего плохого нам не сделал, наоборот, даже пытался помогать, рискуя быть отправленным на фронт? Мы хорошо знали, что с теми из своих, кто проявлял к нам хотя бы малейшее участие, немцы жестоко расправлялись.

- Вот что... - шепнул я Симону, - убивать не будем.

- Я тоже об этом подумал. Свяжем, заткнем чем-нибудь рот и уйдем. Годится?

- Годится, - поддержал Сенька.

Однако ни один из задуманных вариантов побега нам осуществить не удалось. Все произошло совершенно иначе, чем мы затевали.

Сборы были недолгими, немец торопил нас. Взглядами попрощались с товарищами, с ранеными, двинулись к воротам. Обернулись, окинули лагерь последним прощальным взглядом. Сегодня мы были твердо уверены, что выходим из лагерных ворот в последний раз. Свобода или смерть, другого не могло быть. Мы очень волновались, наверное, излишне суетились, но немец, довольный тем, что предстоит прогулка в город, не заметил этого.

Стоял теплый майский день. Небо было уже по-летнему голубым, дорога подсохла, идти было легко. На пригорках вдоль

дороги ярко зеленела молодая трава. Высоко над нами, приветствуя весну, заливался жаворонок.

Молодой немец тоже радовался весне, хорошему дню. Он то и дело подставлял лицо солнцу, жмурился от удовольствия, пытался что-то нам объяснить на смешанном немецко-польско-русском языке.

- Что он там бормочет? - спросил у меня Симон.

- Стихи какие-то. Что-то про любовь, про цветы, - ответил я.

- Просит, чтобы не убивали, - мрачно пошутил Сенька. - Говорит, в такой день помирать обидно.

- Тоже сказал! Помолчи! - прикрикнул на него Симон.

Дальше мы шли молча.

Кончился безлесый участок дороги, вот и сосняк. Мы с Сенькой стали понемногу отставать, готовые по первому знаку Симона наброситься на немца. Тот шел сзади нас, небрежно опустив винтовку дулом к земле. Он все еще мечтательно улыбался.

- Совсем одурел наш конвоир, - проговорил Сенька. - Впрочем, это нам на руку...

Когда вошли в лесок, напряжение достигло предела. Мысли работали ясно и четко. Я почти зримо представил себе, как это произойдет. Вот здесь у поворота Симон подаст нам команду, я сразу же падаю всем телом на винтовку, Сенька тем временем валит немца на землю. Вдвоем с Симоном они закручивают ему руки за спину... Я видел, что Симон готов поднять руку, сделать условный знак, но вдали на дороге показались какие-то фигуры. Нам навстречу двигались двое ребятишек с тощими котомками за плечами. Наверное, шли в деревню обменять что-либо из барахлишка на продукты. Поравнявшись с нами, они свернули на обочину и ускорили шаг.

Снова мы на дороге одни, снова я не свожу глаз с правой руки Симона. Вот мне кажется, что сейчас он подаст сигнал... И опять неудача - на дороге показались новые прохожие. Навстречу шли две женщины. С посошками в руках, одинаково сгорбленные, укутанные в рваное тряпье... А лесок уже кончился, пошли крохотные домики пригородной улицы.

Больница находилась почти в центре города. Она состояла из нескольких одноэтажных каменных зданий, огороженных невысоким штакетником. В глубине двора виднелся двухэтажный главный корпус, рядом - небольшой флигель, в котором жил главврач больницы Федор Михайлович Михайлов.

Оказалось, что наш немец бывал уже здесь, он направил нас сразу к главному корпусу, завел в ординаторскую, спросил у дежурной сестры, где главврач.

- Вам зачем? - с удивлением поглядывая на нас, пленных, спросила сестра.

Симон сказал ей о цели нашего прихода, попросил позвать главного врача.

Сестра вышла. Мы остались в ординаторской вчетвером. Наш конвоир стал скучать. Он зевал, смотрел в окно, часто курил. Потом посмотрел на часы, сердито покосился на нас.

Вдруг распахнулась дверь, в ординаторскую вбежала молодая девушка в белом халате. Ярко накрашенные губы, высокая прическа, подведенные брови... Я. раскрыл рот от удивления: такое видел впервые. Девушка не обратила на нас внимания, подбежала к немцу, протянула руку.

- Нила, - с очаровательной улыбкой представилась она.

Немец вскочил. Лихо щелкнул каблуками кованых сапог, потянулся поцеловать девушке руку. Она мило высвободила ладонь, села на стул у окна, усадила немца рядом. Заложила ногу на ногу, из-под халата соблазнительно блеснуло красивое колено.

Наш немец снова преобразился. Он оживился, заулыбался, придвинулся поближе к девушке, предложил сигарету. Та взяла, неумело вставила ее между пальцами, прикурила от зажигалки и закашлялась. Кашляя, она доверительно положила руку на плечо немца. Тому это очень понравилось, он придвинулся поближе.

Девушка посмотрела в нашу сторону, недовольно поморщилась:

- А вы что здесь сидите? Идите на второй этаж. Главврач вас ждет.

Мы дружно поднялись, направились к двери.

- Вег! Вег! - заторопил немец. Мы ему явно мешали.

За дверью мы еще немного постояли, ожидая, что немец вот-вот выйдет, будет нас сопровождать. Но он не выходил. Из ординаторской доносился заразительный девичий смех. Мы направились к лестнице.

- Ну и гадина! - негромко произнес Сенька. - Повесил бы...

- Это кого так? - послышался сверху строгий голос.

Подняли головы. На лестнице стоял коренастый, средних лет мужчина в белом халате. Из-под насупленных бровей нас прощупывали темные внимательные глаза. Верхние пуговицы халата были расстегнуты, под ним виднелась гражданская одежда.

- Да так... - смутился Сенька. - Между собой мы...

Симон выступил вперед, спросил:

- Скажите, как нам повидать главврача больницы? Мы военнопленные, у нас к нему дело.

- Вижу, что пленные, - ответил незнакомец и сделал

несколько шагов вниз по лестнице. - Ну, допустим, я главврач.

Он спустился к нам, подошел к окну. Прислушался к смеху за дверями ординаторской, потом повернулся к нам:

- Только я вам сейчас не нужен. Вон дверь, а вон лес...

Это было настолько неожиданно, что мы стояли, но зная, что делать. А Михайлов продолжал:

- Не тяните время. Ваш конвоир может вот-вот спохватиться... Бегите! Как можно дальше. Утром вас встретят...

Он круто повернулся и неторопливо стал подниматься по лестнице. Потом наверху хлопнула дверь и стало тихо.

Первым пришел в себя Сенька. Он сорвался с места, бросился к Симону, потянул за полу рубахи:

- Что же мы стоим?! Быстрее! За мной!

Сенька первым нырнул в низенькую узкую дверь, которая вела во двор больницы. За ним протиснулся Симон, я выбежал последним. Сердце бешено колотилось: "Свобода! Свобода! Наконец-то...". Так тщательно, так долго готовились мы к побегу, разрабатывали столько вариантов, а вот - на тебе! все получилось совсем не так, как предполагали...

Выбежав во двор, мы бросились в противоположную от парадного входа сторону, мигом перемахнули штакетник и побежали к лесу. Я задыхался, не хватало сил, воздуха, сердце работало на пределе...

Но мы оказались способными на невозможное - в состоянии крайнего истощения бежали более тридцати минут. Наконец достигли леса. Петляя между соснами и березами, добежали до оврага, скатились в него и прошли по сырому дну, наверное, не менее километра. И только тогда услышали со стороны города беспорядочные винтовочные выстрелы. Наш конвоир обнаружил побег.

Как нам позже рассказали подпольщики, Ниле удалось продержать немца в ординаторской около двадцати минут. Действовала она по заданию Михайлова. Солдат становился все развязнее, и ей пришлось вырываться от него. Она выбежала из комнаты, сказав, что скоро вернется. Оставшись один, немец вспомнил про нас. Бросился к нянечке. Он тряс ее за плечи, спрашивал по-русски и по-немецки, куда мы ушли. А старенькая нянечка лишь испуганно моргала и разводила руками. Она действительно ничего не знала.

Немец бросился наверх к Михайлову.

- Где пленные?! - спрашивал он. - Куда они подевались?

Михайлов спокойно ответил, что никто к нему не приходил, никаких пленных он не видел, с утра не выходил из своего кабинета. Тогда немец бросился во двор и открыл отчаянную

пальбу.

Как только затихли выстрелы, мы остановились. Бежать больше не было сил. Упали на землю, на мягкую прошлогоднюю листву, немного передохнули. Пахло разнотравьем. Медуницы розовели неподалеку на поляне. Где-то рядом, скрытый от нас мелким подлеском, журчал ручей. Я прополз несколько метров, нашел его, напился. От холодной воды заломило в зубах. Любопытная сорока уселась над головой на ветку ольхи, тревожно заверещала.

- Надо идти, - Симон с трудом поднялся, взял с земли палку, оперся о нее. - Слышите...

Деревья только недавно полностью распустились. Легкий ветерок играл в листве, сквозь которую пробивалось яркое солнце. Симон сориентировался по солнцу, стал так, чтобы оно светило в затылок, и мы торопливым шагом направились дальше в глубь леса.

"Что же предпринял конвоир? - думалось мне. - Хорошо, если вернулся в лагерь, чтобы вначале доложить начальству о нашем побеге. Тогда мы выиграли бы по крайней мере еще полчаса. А если он сразу обратился к городским властям? Поднял на ноги полицаев, и те уже организовали погоню? В любом случае надо, пока нас окончательно не оставили силы, уходить глубже в лесные заросли".

И мы шли, шли. Спустились в низину, выбирая самые заболоченные места, чтобы сбить со следа ищеек. Впереди шагал Симон. Он опирался на палку, тяжело дышал. За ним следовал я, последним - Сенька. Он время от времени останавливался, прислушивался, нет ли погони, потом догонял нас. Вот мы выбрались к болотцу, поросшему камышом и рогозом, перешли его. Поднялись по косогору на поляну, остановились передохнуть. Прислушались. Кругом тишина, лишь шумят вершинами сосны.

Впереди просветы между деревьями стали шире. Там лес кончался, его сменял низкорослый кустарник. Мы пошли кромкой леса.

На ночлег остановились, когда уже было совсем темно. Нашли какую-то яму, улеглись в ней, плотно прижавшись друг к другу. Измученные, забылись в каком-то полусне.

Ночь была холодной, к утру окоченели. Едва начало светать, поднялись, чтобы идти дальше.

Только сделали несколько шагов, как чуткий Сенька-цыган вдруг замер, прислушался:

- Тихо! Кто-то идет.

Мы затаили дыхание. И явственно услышали в кустах шорох, а потом негромкий свист. Тишина. Потом опять свист и шорох, но

уже ближе.

Мы переглянулись, теряясь в догадках. Погоня? Слежка? Сенька опустился на землю, пополз вперед, чтобы выяснить обстановку. Вдруг перед ним из кустов вынырнул мальчик лет четырнадцати, в длинной не по росту телогрейке, подпоясанной немецким солдатским ремнем. Он пробирался тоже ползком, иногда приподнимался, внимательно осматривался и снова исчезал в кустарнике. Нас он пока не видел, мы следили за каждым его движением. Вот мальчик снова остановился, приподнял голову, негромко свистнул. Прислушался, пополз дальше.

Он был один и кого-то искал. Сразу вспомнились слова Михайлова: "Там вас найдут..." Наверное, он послан за нами. Сенька-цыган приподнялся, ответил мальчику коротким негромким свистом. Тот бросился на свист. Когда заметил нас, обрадовался, уже не прячась, побежал навстречу.

- Наконец-то нашел! Я от Михайлова. Через Одуху он приказал отвести вас к леснику.

Вторая фамилия была нам незнакома, мы насторожились. Мальчик тотчас же успокоил:

- Да не бойтесь, не бойтесь... Одуха тоже наш!

Пошел впереди, мы двинулись за ним.

- Ну и забрались! - произнес он на ходу, косясь на нас быстрыми, живыми глазами. - Чуть разыскал...

Неожиданно остановился, воскликнул:

- Да! Вы же голодные! Сейчас накормлю.

Вытащил из-под телогрейки кусок сала, пару луковиц, краюху хлеба. У нас загорелись глаза. Давно мы не видели таких деликатесов. Мальчик разделил еду на три равные части, роздал нам.

- А себе? - спросил я.

- Кушайте, кушайте! Я поел.

Дважды просить не пришлось, мы с жадностью набросились на еду.

Сало с луком и хлебом! Впервые за столько месяцев лагерной жизни! Такое нам виделось только во сне...

Шли мы долго, но уже не так торопливо, как вчера. Изредка отдыхали. Мальчик вел себя непринужденно, держался с нами свободно. Он заводил нас все глубже в лес, но чувствовалось, что знает его хорошо, ориентировался в нем как дома. К нам постепенно стало приходить чувство относительной безопасности, напряжение, вызванное побегом, постепенно спадало. Мы незаметно привыкали к свободе.

- Слушай, как тебя зовут? - спросил я у мальчика.

- Стасик. А тебя?

- Ибрагим.

- Ибрагим? - удивленно протянул он. - Ты что, татарин?

- Да нет. Армянин.

- А я вот грузин, - улыбаясь, сообщил Симон.

- А я цыган, - добавил Сенька.

- Ого! - еще больше удивился мальчик.

Наш маленький "интернационал" между тем вышел на полянку, в дальнем конце которой показалась хибарка лесника. Стась смело пошел вперед, мы же остановились. Страшно было вот так, сразу, подходить к домику. Кто его знает, что нас там ждет! Вдруг засада?

- Пошли, пошли... - торопил нас Стась. - Не бойтесь.

Подвел почти к самому домику, остановился:

- Ну, бывайте. Заходите сами. Там уже есть люди.

Нырнул в кусты и исчез, словно растворился. Это еще больше насторожило нас.

Долго простояли мы за деревьями неподалеку от домика, не решаясь войти. Но ничего подозрительного не обнаружили, и Симон наконец решился:

- Пошли!

Мы ступили на порог. Симон распахнул дверь и сразу резко отпрянул. Через его плечо я успел заметить в комнате... немецкого солдата.

Засада! Предательство?! Мы кубарем скатились с порога, бросились снова в лес под защиту деревьев.

- Куда?! Назад! Чего испугались? - послышались за спиной веселые, удивленные голоса. - Да стойте вы, черти!

Мы осторожно выглянули из-за стволов деревьев. Возле хаты стояло несколько человек. Среди них я различил знакомую фигуру Игната Кузовкова. Значит, все же наши! От сердца отлегло. Но немец! Неужели он нам почудился?

Мы возвратились.

- Ну, с благополучным вас... - Игнат обнял каждого, повел в дом.

За столом сидели люди, и первым, кто бросился в глаза, был человек в немецкой форме. Молодой, круглолицый, он приветливо улыбался нам. Мы с опаской приблизились к нему, а он живо вскочил, каждому крепко пожал руку. Потом, обращаясь к Игнату и показывая на нас глазами, что-то сказал. Игнат засмеялся, перевел:

- Говорит, сейчас возьмет вас под конвой, опять в лагерь отведет.

Кругом заулыбались, и мы окончательно успокоились - немец

наш!

Осмотрелись. В глубине комнаты был еще человек. Он полулежал на койке, смотрел на нас лукавыми глазами.

Алексей Манько! Неужели... Мы бросились к нему.

- Как ты здесь оказался?

- Так же, как и им. Благодаря Михайлову, - весело ответил он.

Таким образом, в доме лесника собралось несколько военнопленных, которым с помощью Михайлова удалось вырваться на свободу. Они познакомили нас с немецким ефрейтором Станиславом Шваленбергом.

Товарищи угостили нас горячей картошкой в мундирах, каждому налили по кружке кислого молока, дали по куску добротного, без опилок и гречишной шелухи хлеба. Пока мы ели, они рассказали, что о нашем появлении были предупреждены, что вот-вот должны подойти хозяин дома, Антон Одуха и Александр Софиев.

- Софиев? - удивились мы. - Он что, тоже бежал?

- Бежал. - ответил Игнат. - Пробил и его час.

- Кто такой Одуха? - поинтересовался я.

- Один очень хороший человек, - ответил Игнат. - Самый близкий товарищ Михайлова.

Оказывается, Одуха - учитель, работает в школе в соседней деревне Стриганы. Днем учит детей, а по ночам ходит на диверсии. У него есть небольшая группа таких же, как и он, смельчаков, которая уже немало насолила немцам. Одуха, сообщил Игнат, пользуется безграничным доверием у Михайлова, тот поручает ему самые сложные и ответственные операции. Немало уже немцев и полицаев погибло от руки Одухи и его верных товарищей.

Рассказ Игната подогрел мое любопытство, хотелось поскорее встретиться с этим необыкновенным человеком, познакомиться. Но в тот день встреча не состоялась.

Пока мы беседовали, за окном понемногу смеркалось. Кто-то зажег коптилку, разговор продолжался при ее мерцающем свете. У дома выставили охрану, часто прислушивались, не идут ли Софиев и Одуха. Ждали их до поздней ночи, но так и не дождались.

- Что ж, хлопцы, - предложил Игнат, - давайте спать.

В эту ночь мы впервые за столько месяцев спали под настоящим одеялом, а в изголовьях у нас были подушки. Измученные событиями дня, уснули быстро и крепко.

Рано утром дежуривший у дома Тенгиз Шавгулидзе громко постучал в дверь, сообщил:

- Идут!

Мы сразу все проснулись. Игнат вскочил первым, выбежал встречать Софиева и Одуху. Вскоре он ввел их в дом.

- Ну, с добрым утром, хлопцы... Все живы, здоровы?

Мы обступили Софиева, стали горячо благодарить за освобождение.

- Ладно, ладно, - отмахнулся он. - Спасибо скажете потом, когда всех оккупантов перебьем. А сейчас некогда. Вот, знакомьтесь...

Он представил нас невысокому мужчине с несколько резкими чертами лица, с широким разлетом бровей.

- Антон Захарович Одуха. Он вам все объяснит.

- А чего объяснять, - отозвался Одуха несколько глуховатым голосом. Надо собираться и снова в лес. Поговорим по дороге.

Мы наскоро позавтракали простоквашей с хлебом и двинулись в путь. Впереди шел Одуха, за ним Софиев, сзади, гуськом, мы. Одуха шел быстро, споро, легко ориентируясь в лесу. Видно было, что здесь ему знакомы каждое дерево, каждая полянка. И походка была у него как у настоящего следопыта бесшумная и легкая.

Шли часа два. Наконец Одуха остановился, присел на пенек, жестом подозвал всех поближе.

- Вот что, товарищи! Вы знаете, кто мы и за что боремся. Надеюсь, что вы вырвались на свободу не для того, чтобы отлеживаться на печке. Согласны помогать нам?

Вопрос был излишним. Заполучить любое оружие, чтобы иметь возможность своими руками убивать врагов, - об этом мечтал каждый из нас.

- Так вот, - продолжал Одуха, - подпольный центр решил из вашей группы создать ядро нового партизанского отряда. Уверен, что вскоре он пополнится военнопленными, местными жителями. Действовать будете в строгом соответствии с нашими указаниями. Командиром предлагаю назначить...

Обвел всех нас внимательным взглядом, задержался на Софиеве.

- Вот его. Рекомендации не надо, сами хорошо знаете.

Своим помощником Софиев назначил Казбека, кадрового командира Красной Армии, осетина по национальности. К сожалению, фамилия его так и осталась неизвестной.

Оружие! Есть ли оружие? Это был первый вопрос, с которым мы обратились к Одухе.

- Немного есть, - отметил он. - В городе. Его надо сюда переправить. Ну а в дальнейшем все будет зависеть от нас...

Он отобрал несколько человек, увел с собой. К вечеру то принесли пилу, топоры, лопаты. Утром мы приступили к

устройству землянок.

Начиналась партизанская жизнь.

Через два дня Антон Захарович Одуха снова пришел к нам и отобрал группу товарищей на первое боевое задание. Он объяснил, что пока носит оно довольно мирный характер. Нужно было ночью пробраться в Славуту, забрать с чердака больницы партию оружия, припрятанную там Михайловым специально для нас.

Вышли с наступлением потемок. Миновали лес, подобрались к мосту, что на реке Горынь, и вдруг из темноты раздался окрик:

- Стий! Хто идэ?

- Полицаи! - шепнул нам Одуха. - Ложись!

Мы упали на землю, замерли. Одуха сделал несколько шагов вперед, ответил:

- Та корова, щоб ее бис побрав... Шукаемо разом з сыном...

В темноте помолчали, потом из нее вынырнула фигура полицая. Он крикнул:

- Одын хай до мэнэ йдэ, а други хай почакае.

Полицай демонстративно сбросил с плеча винтовку, направил ее прямо на Одуху. Тот смело подошел к полицаю, резким движением отклонил дуло винтовки в сторону и одновременно направил на полицая пистолет.

- Тихо! Молчать! - спокойно приказал он.

Полицай оказался невероятным трусом. Он выпустил из рук винтовку и с криками: "Мамо! Ратуйте..." - бросился на мост. Мы слышали, как громко застучали по деревянному настилу сапоги, потом вдруг затрещали перила и раздался всплеск. Полицай с перепугу набежал на ограждение моста, проломил его и свалился в речку.

- Сюды! Ратуйте! Партизаны... - благим матом кричал он. - Ой, топлюсь...

На том берегу загремели выстрелы.

- Отходить! Без паники... - приказал Одуха.

Он сунул в руки Казбеку трофейную винтовку, круто свернул в сторону от моста к ближайшему лесу.

К своим мы добрались под утро. Первая попытка вынести из города оружие не удалась.

Через два дня мы решили повторить операцию. На этот раз выбрали маршрут несколько западнее моста. Речку переходили вброд. Группа была в том же составе: Алексей Иванов, Алексей Манько, Максим Сидненко (так, оказывается, звали Сеньку-цыгана), Симон Кадакидзе и я. Ночь стояла теплая и лунная. В воздухе с громким жужжанием носились майские жуки. На этот раз без приключений перебрались через речку, лесом дошли до

самой водокачки на окраине города. Здесь группа разделилась. Одуха, Манько и Иванов направились к больнице.

Там их поджидал Михайлов. Провел к главному корпусу, забрались на чердак. Быстро вынесли семь винтовок, ящик патронов, несколько гранат. В лесу мы разобрали оружие и боеприпасы. К утру уже были "дома".

Теперь мы почувствовали себя настоящей боевой единицей. Хотелось быстрее в бой, но пока Одуха никаких конкретных заданий не давал.

- Ждите. Наступит и ваш черед, - успокаивал он.

Отряд тем временем понемногу увеличивался за счет местных жителей, которых присылали Михайлов и Одуха.

Постепенно обживались в своих партизанских буданах. Кстати, о лесе. Мне, человеку, который вырос на просторах крымских степей, этот лес под Славутой казался настоящей тайгой. А между тем состоял он из редких порослей ольхи и сосны. На пригорках негусто росла сосна. Что такое настоящий лес, узнал я несколько позже, когда попал на Полесье... Но и в этот лес до поры до времени немцы и полицаи боялись заходить. Поэтому чувствовали мы себя здесь довольно свободно.

Ни на минуту не забывали, что кругом враги. В лесу круглосуточно дежурили посты, ежедневно группы разведчиков выходили на дороги, собирали данные о противнике. Эти данные потом забирал Одуха, который приходил к нам довольно часто, или же зубной врач больницы Иван Яковчук - один из ближайших помощников Михайлова.

Наконец Одуха дал нам первое боевое задание.

Однажды он заявился утром раньше обычного, позвал Софиева, сказал:

- Выдели мне одного человека. Есть дело.

Софиев назвал Иванова.

- А в чем дело? - поинтересовался он.

- Сегодня днем из Березdова в Славуту немцы должны отправить обоз с продуктами. Надо отбить.

- Справитесь вдвоем?

- Должны, - ответил Одуха. - Охрана намечается небольшая, зачем же рисковать людьми.

Вернулись они к вечеру, живы и невредимы, пригнали с собой несколько телег с продовольствием. Продукты мы рассортировали, часть переправили к Михайлову. Кроме не его прочего, на телегах оказалось бидонов двадцать сметаны. Она быстро портится. Встал вопрос, что с ней делать? Долго ломали голову, пока кто-то не предложил сбить из сметаны масло. Затея понравилась, и работа закипела. Мы наливали половину бидона

сметаной, привязывали его за ручки к деревьям, начинали туда-сюда переворачивать... На следующий день уже ели масло. Несколько килограммов передали и Михайлову.

Начались боевые будни нашего отряда. Операция следовала за операцией.

В конце лета нас постигло большое несчастье. Арестовали и заключили в тюрьму руководителя подполья Федора Михайловича Михайлова. Вместе с ним по доносу предателя немцы схватили его соратников - Цыганкову, Андреева, Куявского, Полищука. Как только мы узнали об арестах, Александр Софиев принял решение, которое поддержал весь отряд, - любыми средствами, вплоть до штурма тюрьмы, выручить Михайлова и его соратников.

Началась тщательная подготовка к операции. Одуха целиком поддержал нас и взял командование отрядом на себя. В партизанских делах он был много опытнее нас. И вот, когда к выполнению задания все было готово, даже назначен срок выступления, неожиданно прибыл посланец из Славуты и передал командиру отряда записку. В ней рукой Михайлова было написано: "Ничего не предпринимать - погубишь людей и дело. Прощайте, братья!".

Одуха временно отложил начало операции, ринулся в Славуту, чтобы самому разведать, в чем дело. Вернулся на следующий день утром мрачный и подавленный. От друзей, оставшихся на свободе, он узнал, что немцы, предвидя нападение партизан на тюрьму, решили побыстрее покончить и с руководителями подполья, и с партизанским отрядом. Они укрепили гарнизон, устроили засады.

О том, что именно готовят нам фашисты, Михайлов узнал от полицейского, который охранял его в камере и сам искал удобного случая, чтобы перебежать к партизанам. Через него Михайлов сумел передать свой последний приказ и последнее "прости". Одуха хорошо понимал, что и на этот раз руководитель подполья был прав. Что могли бы поделать несколько десятков партизан, если при налете на город против каждого будет в два-три десятка раз больше врагов, к тому же лучше вооруженных?

Михайлов заботился о том, чтобы сохранить отряд как боевую единицу.

Операция была отменена. А через два дня, 1 августа 1942 года, варварски избитого, истерзанного, но так и не сломленного Федора Михайловича Михайлова немцы повесили во дворе Славутской больницы. Последними словами его были:

- Да здравствует Советская власть!

9 мая 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР

Федору Михайловичу Михайлову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Тех, кто желает подробнее узнать о жизни и деятельности этого замечательного человека, выдающегося партизанского руководителя, я отсылаю к документальной повести Альберта Доманка и Максима Сбойчакова "Подвиг доктора Михайлова". Выпущена эта книга издательством "Советская Россия" в 1971 году.

Приближалась осень. Мы хорошо понимали, что в небольших лесах под Славутой на зиму оставаться нельзя. Было решено выделить группу, которая связалась бы с белорусскими партизанами, а через них - с Большой землей. Чтобы ускорить дело, решили раздобыть машину, а для этого разработали план, в котором ведущее место отводилось немцу Станиславу Шваленбергу. Тому самому, который так напугал нас своим видом, когда мы впервые заявились в дом лесника.

Кстати, о самом Шваленберге. Это был кадровый солдат гитлеровской армии, который, несмотря на свою молодость, уже участвовал в оккупации Франции, Югославии, Польши. Сын рабочего, погибшего в первую мировую войну, воспитанный матерью в духе пролетарского интернационализма, Шваленберг не был заражен идеями фашизма. Победы гитлеровцев на западе Европы не вскружили ему голову. Начальство заметило, конечно, отсутствие надлежащего пыла у Шваленберга при выполнении им солдатских обязанностей, и в Россию он пришел в скромном звании ефрейтора.

Но Станиславу Шваленбергу повезло: вместо того чтобы попасть на фронт, он оказался в шепетовском лагере, где охранял военнопленных. Он не допускал над ними никаких издевательств, наоборот, старался помогать, чем мог, тайно от остальных охранников. Лагерному начальству показалось подозрительным, что именно во время его дежурства совершено несколько удачных побегов, и Шваленберга решили отправить на фронт.

Сам Станислав между тем делал отчаянные попытки, чтобы выполнить завет матери: при первом же удобном случае перейти на сторону русских. Он исподволь завязывал в городе знакомства с местными жителями. И вскоре ему повезло: познакомился с подпольщиками Адамом Павлюком и Иваном Музалевым. Для славутского подполья это знакомство оказалось очень ценным. Благодаря Шваленбергу удалось наладить связь с подпольными группами военнопленных в шепетовском лагере.

И вдруг Шваленберг исчез. Несколько дней подпольщики осторожно нащупывали его следы. Оказалось, что в числе других "провинившихся" его отправили на фронт. Но однажды глубокой ночью в окно к Адаму Павлюку тихо постучали. Павлюк набросил

на плечи шубу, вышел в сени.

- Кто?

В ответ услышал знакомый голос:

- Здравствуй, Атам. Я есть Станислав. Пусти скорей, я весь как ледяной сосулька.

Оказывается, Станислав бежал из эшелона в Казатине, где поезд попал под бомбежку. Таким образом, желание его матери было наконец исполнено.

Адам Павлюк отвел Шваленберга к Михайлову, который под вымышленной фамилией устроил его сперва в больнице, а затем переправил к леснику, где мы и встретились.

Станислав Шваленберг оказался хорошим партизаном, мужественным бойцом. В характеристике комиссара соединения партизанских отрядов Каменец-Подольской области Игната Васильевича Кузовкова сказано, что Станислав снабжал партизан ценной информацией, лично участвовал в подрыве пяти эшелонов противника, сжег фашистский продовольственный склад, где было уничтожено 600 тонн продовольствия. 30 наших военнопленных обязаны ему освобождением из-под фашистского ярма.

После войны судьба этого мужественного человека-патриота долгое время была нам неизвестной. Но вот в 1970 году в газете "Труд" от 5 и 7 июня я прочитал документальный очерк "К выполнению задания приступил". Посвящен этот очерк Станиславу, его дальнейшей судьбе. Оказывается, 24 октября 1943 года по приказу генерала Набатова И.Е. Станислав Шваленберг был отозван из партизанского соединения в Москву. А через год, после специальной подготовки, уже в качестве советского разведчика, был заброшен в тыл к немцам в районе города Пилица в Польше. Через два дня после приземления он послал шифровку "профессору" (генералу Набатову И.Е.), что приземлился благополучно, приступает к выполнению задания. Эта первая шифровка оказалась и последней. Связь с разведчиком была прервана. И только весной 1945 года удалось установить, что его выдал фашистам предатель. Станислав Шваленберг погиб в застенках тюрьмы.

За активное участие в партизанском движении Украины Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1944 года Станислав Шваленберг был награжден орденом Красной Звезды.

Узнав о геройской гибели своего сына, мать Станислава, 83-летняя Вероника Шваленберг, писала в Советский Союз: "Я горжусь, что мой сын сбросил фашистский мундир и дрался с немецкими захватчиками вместе с советскими партизанами...".

Итак, Станиславу Шваленбергу поручалось раздобыть

автомашину, на которой группа, выделенная для связи с Большой землей, могла бы значительно быстрее, чем пешком, добраться до линии фронта. Вместе с ним на операцию вышли Василий Шантар и Максим Сидненко. Около шоссе Славута - Шепетовка партизаны замаскировались в придорожных кустах.

Сидели долго, но нужная машина не проходила, все время шли грузовики с солдатами. Наконец показалась пустая полуторка с гражданским шофером за рулем. Шваленберг, одетый в форму немецкого фельдфебеля, вышел на шоссе, поднял руку. Шофер резко затормозил, открыл дверцу кабины. Дальнейшее произошло в считанные секунды. Станислав направил на водителя пистолет, приказал ему залезть в кузов. За руль сел Шантар, рядом Станислав, а Сидненко уселся в кузове возле насмерть перепуганного водителя.

Шантар, механик по специальности, был первоклассным водителем. Он лихо развернул машину и направил ее снова в Славуту. Чтобы попасть в расположение партизан, нужно было обязательно проехать город. Дорога проходила как раз мимо лагеря военнопленных. И вот здесь, когда Шантар на подъеме несколько уменьшил газ, шофер кубарем скатился на землю, с криками: "Ратуйте! Партизаны!" - побежал к лагерю.

К машине бросились немцы и полицаи. Станислав распахнул дверцу кабины, дважды выстрелил в предателя. Тот упал, продолжая звать на помощь. Шантар дал полный газ, фашисты в панике рассыпались по обочинам дороги. Они открыли беспорядочный огонь, но машина уже въехала в лесок, который начинался за лагерем.

Первая опасность миновала. Но предстояло еще проехать мост через Горынь, охраняемый полицаями. Они проверяли документы у каждого, кто въезжал на него, но группа смельчаков понадеялась на немецкий мундир Шваленберга.

Расчет оказался правильным. Мост проскочили благополучно. Заметив, что в кабине немец, полицаи пропустили машину, отдали честь.

Таким образом наша тройка миновала опасную зону. Первая часть операции удалась. Группа направилась в расположение отряда.

В партизанском лагере готовились к встрече товарищей. На дорогу к тому месту, где предполагалась встреча, было выслано двое партизан, в лесу цепочкой были расставлены посты, чтобы с появлением машины быстро уведомить отряд.

Потянулись томительные часы ожидания. Заранее было договорено, что группа, выделенная для связи с Большой землей, двинется в путь ночью, к вечеру тройка Шантара, с машиной или

без нее, должна была вернуться. Но вот уже вечер, начало смеркаться, а товарищей нет. Мы начали волноваться, терялись в догадках.

Наконец, когда уже стало совсем темно, передовые посты услышали на дороге гул мотора. Наши или враги? Сразу же по цепочке была передана команда приготовиться к бою. Все залегли у дороги. Машина, не включая фар, подъехала к условленному месту, замедлила ход, остановилась. Из кабины вышли двое. Раздался двойной свист. Мы вскочили, с криками "ура!" бросились к товарищам, окружили, стали обнимать.

Члены группы, выделенной для связи с Большой землей, начали уже садиться в машину, но Шантар остановил. Он рассказал о стычке с немцами возле славутского лагеря, высказал предположение, что за машиной, вероятно, организована погоня. Если это так, вполне вероятно, что немцы начнут прочесывать лес, натолкнутся на лагерь. Может завязаться бой, а в этой ситуации ослаблять отряд нельзя.

Доводы Шантара были убедительными, и после некоторого раздумья Софиев принял следующее решение: машину отогнать подальше в лес, а всему отряду перебазироваться. О новом месте дислокации сообщить Одухе и ждать дальнейших его распоряжений.

Машина уехала. Некоторое время мы прислушивались, нет ли погони. Дорога была безмолвна. Мы стали отходить. Едва прошли несколько сот метров, как Софиев остановился, снова собрал нас, сказал:

- Думаю, товарищи, несколько изменить план.

Мы в недоумении переглянулись. Софиев продолжал:

- За одной машиной немцы большой погони не пошлют. Зачем же нам уходить, если мы можем устроить засаду... Задача наша бить фашистов, а не бегать от них, верно?

Новое предложение командира понравилось всем, мы вернулись к дороге, залегли.

Снова потянулись часы ожидания.

Перед рассветом на дороге опять послышался гул мотора. Машина шла с той стороны, куда вечером уехали наши товарищи. Немцы? Возвращаются наши? Почему? На всякий случай Софиев приказал приготовиться к бою.

Машина шла медленно. Вот она остановилась, послышался двойной свист. Мы выбежали на дорогу.

- Ехали мы, ехали, - объяснил Шантар, - а потом решили: погони вроде нет, зачем же бросать машину, добытую с таким трудом? Вот и вернулись.

- Да, теперь ясно, что погони не будет, - согласился Софиев. -

Что ж, товарищи, не будем терять зря времени.

Мы попрощались с друзьями, и вот наша группа - Софиев, Казбек, Кадакидзе, Шваленберг, Манько, Кузовков, Шантар, Сидненко, Шавгулидзе и я двинулась в путь. По дороге нам предстояло заехать в деревню Бачмановка, взять еще одного члена группы - Анатолия Гоголя.

В Бачмановку мы приехали, когда было уже совсем светло. Никто не знал, в какой хате живет Гоголь, пришлось расспрашивать жителей деревни. Конечно, это нарушало правила конспирации, но другого выхода у нас не было. И, откровенно признаться, очень уж хотелось нам показать местным жителям, что мы, партизаны, живем, действуем, воюем с немцами. Пусть знают, что покой на нашей земле враг найдет только в могиле...

Взяли Гоголя, двинулись дальше.

Со второй половины ночи пошел дождь, к утру он усилился, дорога размокла, ехали медленно. Впереди уже показались первые дома райцентра Березdова, когда навстречу из-за поворота вынырнул старомодный фаэтон с кучером-украинцем на облучке и немецким офицером в коляске. Заметив буксовавшую в грязи машину, немец приподнялся с намерением выйти из коляски. Но вдруг резко изменил решение, приказал кучеру гнать что есть мочи. Фаэтон промчался мимо.

Кто-то из наших вскинул винтовку, по Софиев крикнул:

- Не стрелять! Отставить...

Потом, когда фаэтон скрылся, Софиев объяснил: мы, конечно, вызвали какие-то подозрения у немца, иначе он бы так быстро не умчался, но стрельбой мы бы окончательно раскрыли себя. А это значит, с самого начала поставили бы под угрозу операцию, от исхода которой зависит судьба десятков людей.

- И все же надо было стрелять, - недовольно бросил Гоголь. - Мертвый он бы молчал.

- А если бы промахнулся? - возразил Софиев.

- Надо было залп дать, - поддержал Анатолия Казбек.

- А теперь ясно, что на машине нам отсюда не выбраться, - продолжал Гоголь. - Вот что, хлопцы, бросаем машину, идем дальше поодиночке...

- Ты что?! - возмутился Софиев. - Это же самоубийство!

Они заспорили. Мы все, кроме Казбека, поддержали Софиева, полезли в машину. Гоголь и Казбек постояли немного на дороге, потом медленно пошли по направлению к лесу. Нас осталось девять...

Забегая вперед, хочется сказать, что Гоголю повезло, ему удалось самостоятельно пробраться к партизанам, а Казбек исчез бесследно.

Немцы подняли тревогу. Мы еще подъезжали к Березdову, а по телеграфным проводам во все ближайшие села уже летели тревожные сигналы: "Ахтунг! Ахтунг! В районе Березdова обнаружена группа партизан! Припять все меры к ее уничтожению!".

Срочно начали перебрасываться в район Березdова славутские и шепетовские полицейские. Старостам окрестных сел было дано указание до прихода основных сил собрать местное население, вооружить его косами, вилами и топорами, организовать облаву. Начальнику полиции в Березdове было приказано задержать нас во что бы то ни стало.

Мы тем временем, ни о чем не подозревая, на малой скорости въехали в Березdов.

Первым заметил опасность Кузовков. Он показал рукой вперед на дорогу. Там возле одного из домов нас уже ждали полицейские с винтовками. Двое вышли вперед и знаками приказали остановиться.

- Держись, ребята! - приоткрыв дверцу кабины, крикнул Шантар и дал полный газ.

Полицейские мигом сбежали с дороги.

Мы благополучно проскочили Березdов. Едва выехали из него, как машина наша снова забуксовала. Засела в грязи в самый неподходящий момент, когда дорога каждая секунда... Мы напрягались из последних сил, старались вытащить ее, а на окраине ближайшего села уже показались верховые. Они галопом мчались в нашу сторону.

Нужно было принимать бой.

Мы залегли. Всадники быстро приближались.

- Огонь! - скомандовал Софиев.

Раздался дружный залп. Двое всадников упало, остальные поспешно соскочили с лошадей, залегли вдоль дороги и тоже открыли огонь. Продолжая отстреливаться, мы короткими перебежками стали отходить к лесу. Силы были явно неравными.

Вот и спасительный лес. Полицаи прекратили погоню. Мы почувствовали себя в относительной безопасности. Софиев на ходу сделал перекличку. Убедившись, что никого не потеряли, выбрались на поляну. И здесь нашим глазам представилась неожиданная картина.

На поляне мирно паслось стадо коров, за ними с длинным кнутом через плечо ходил мальчик лет тринадцати. Нашему появлению он нисколько не удивился, не испугался, подошел поближе, стал с интересом нас рассматривать.

Разгоряченные недавним боем, готовые в любую секунду снова открыть огонь, мы остановились, уставились на мальчика.

Так несколько мгновений рассматривали его, потом пастушок спросил:

- Вы кто?

- Партизаны, - ответил Софиев. - Ты что же не прячешься? Слышал ведь стреляли!

- А теперь каждый день стреляют, - спокойно ответил он. - Пора и привыкнуть.

Совсем осмелел, подошел еще ближе.

- Только зря вы сюда прибежали.

- Это почему? - удивились мы.

- Потому... Лесок-то маленький. Вот поокружают вас зараз полицаи, перебьют всех.

Мы переглянулись. Час от часу не легче. Как быть?

- Слушай, мальчик, - снова обратился к нему Софиев. - А большой лес далеко?

- Да недалече. Километры четыре. Во-он там. - Он показал кнутовищем на север. - Только ведь поле перед лесом. Жито растет...

- Ну, спасибо тебе, браток, - поблагодарил Софиев и приказал двигаться дальше.

Лесок, действительно, оказался крохотным. Через километр он кончился. Начиналось поле ржи. Рядом зеленел участок, оставленный на зябь. В лесу этом оставаться нам было нельзя, мальчик прав.

- Вот что, - остановился Софиев, - разбиваемся на мелкие группы по два человека и рожью пробираемся к большому лесу. Там снова соберемся вместе. Вперед!

Он первым вышел из-за деревьев, за ним двинулись остальные.

Только мы сделали несколько шагов, как справа и слева раздались автоматные очереди. Бросились назад. Полицаи, выходит, успели окружить лесок. Теперь они не выпустят нас из него, а когда дождутся подкрепления, снова пойдут в наступление...

Мы опять собрались вместе. Вырываться из окружения надо было дружно, решительно. Мы проверили оружие. Девять винтовок, один наган, два десятка гранат, пулемет. Чудо-пулемет. Дело в том, что он был собран из двух! ствол и диски от танкового, а кожух, подвижная система - от Дегтярева. Работал этот необычный гибрид ненадежно, отказывал в самые неподходящие моменты. За что и получил кличку "чудо-пулемет". Маловато было патронов, но на один бой должно хватить. Что ж, будем драться до последнего!

Софиев послал в разведку Алексея Манько. Тот ползком

пробрался к полю, вскоре вернулся, коротко доложил:

- Идут!

Всей группой двинулись мы к опушке леса. И увидели следующую картину к нам приближалась большая толпа крестьян, вооруженных вилами, косами, топорами. За ними виднелись черные мундиры полицейских.

Замысел врага был ясен. Под наш удар немцы подставляли мирных жителей и полицейских, рассчитывая уничтожить нас с меньшими потерями. Крестьяне шли не по своей воле, мы слышали сердитые окрики гитлеровцев.

В своем дьявольском плане фашисты допустили одну большую оплошность. Они не учли того, что волей-неволей будут двигаться с той скоростью, с какой идут крестьяне, а те, естественно, шли неохотно, медленно. Вот этим обстоятельством и решил воспользоваться Софиев. Он приказал нам разделиться на две группы, пока позволяло время, перебежать в рожь и попытаться незаметно добраться до большого леса.

Я попал в группу, куда кроме самого Софиева вошли Симон Кадакидзе, Тенгиз Шавгулидзе и Максим Сидненко. Мы скатились в канаву, потом один за другим нырнули в рожь. Благополучно выбралась из леска и вторая группа. Едва залегли в хлебах, как сзади, совсем близко от нас, раздались выстрелы. Немцы и полицаи начали прочесывать рощу. Потом послышались удивленные возгласы:

- Куда же подевались эти бандиты? Как сквозь землю провалились...

Таким образом мы оказались за спиной у карателей. Самый удачный момент для нападения! Глупо было бы им не воспользоваться. Во ржи рядом со мной раздался громкий голос Софиева:

- Вперед! За Родину!

Подхваченные одним порывом, мы дружно бросились в атаку. Загремели выстрелы, взрывы гранат, где-то сбоку застрочил наш "чудо-пулемет". Но вскоре он захлебнулся и больше уже на протяжении всего боя не работал.

Немцы и полицаи не ожидали атаки в спину. Беспорядочно отстреливаясь, они бросились врассыпную. Крестьяне с первыми же нашими выстрелами разбежались кто куда. Мы полностью овладели инициативой.

- Все к лесу! - раздалась новая команда Софиева.

Я бежал рядом с ним, видел, как он часто оборачивался, отстреливаясь. Но вот вдруг резко остановился, пригнулся, схватился за правую руку. Ранен! Я бросился к нему, но Софиев оттолкнул меня, поднял оружие левой рукой, побежал дальше.

Неожиданно выстрелы раздались впереди. Совсем близко мелькнула фигура в гражданской одежде. Александр прицелился, выстрелил. Человек упал. К нему подбежал Алексей Манько, поднял винтовку...

- Не убивайте, люди! - услышали мы отчаянный крик. - Не по своей воле я...

- Стой! Не стреляй! - крикнул Алексею Софиев. - Он нам нужен.

Поднял раненого за шиворот, встряхнул, спросил:

- Знаешь, где полицейские засады?

- З-з-знаю... - дрожа от испуга, выдавил человек.

- Проведешь - оставим живым. Ну, согласен?

- Согласен, - обрадовался тот.

- Ибрагим, посмотри, что там у него, - повернулся ко мне Софиев.

Я осмотрел раненого. Легкое ранение в ягодицу.

- Царапина, - сообщил я. - Доведет...

- Пошли! - приказал Софиев.

Проводник шел быстро, испуганно косясь на Васю Шантара, который шагал за ним след в след, держа наготове винтовку. Когда рожь кончилась, проводник вывел нас на голое поле и подался не к ближнему краю леса, а к дальнему.

- Ты куда?! - крикнул Софиев. - Пулю захотел?

- Туда нельзя, - проводник показал рукой в сторону ближних деревьев. Там засада.

Словно подтверждая его слова, у самого леса возникли фигуры полицейских. Они приветственно махали проводнику руками, что-то кричали. В ответ тот ускорил шаг.

- Надо быстрее, - сказал он на ходу. - Вот-вот из Славуты еще немцы должны приехать...

Чувствовалось, что жизнь ему дороже всяких других соображений.

Проводник перешел на бег, ему не меньше нашего хотелось поскорее добраться до леса. Когда до него оставалось несколько десятков шагов, полицаи в засаде наконец догадались, что не проводник нас ведет, а мы его, и открыли огонь. Но было уже поздно. Последний рывок - и мы за деревьями. Теперь пули врага не страшны.

Вася Шантар отвел проводника в сторону, крикнул:

- Ну, гад, беги! Да больше нам не попадайся...

Проводник, боязливо оглядываясь, побрел прочь. Вася поднял винтовку, выстрелил в воздух. Проводник присел, потом, прихрамывая, пустился бежать и вскоре исчез за деревьями.

Собрались вместе. Все живы, даже невредимы, лишь Софиев

легко ранен в правую руку. Мы с Симоном осмотрели рану, промыли, сделали перевязку.

Забравшись поглубже в лес, мы остановились, прислушались. Погони не было, никто не рискнул преследовать нас в лесу. Напились из ручья, присели передохнуть.

- Налетай, хлопцы! - Сидненко снял с плеча дорожную сумку, с которой никогда не расставался, извлек из нее начатую буханку хлеба, несколько луковиц, кусок сала.

Голодные, мы дружно навалились на еду. Максим оказался самым предусмотрительным из нас, из съестного больше никто ничего не прихватил.

Подкрепившись и немного передохнув, снова двинулись в путь.

Пока цель была одна - уйти подальше от места, где нам так не повезло. Шли весь день, и к вечеру уже буквально валились с ног. Вдобавок во второй половине дня пошел дождь, мы промокли до нитки. На ночь остановились, когда уже стало совсем темно. Выставили часовых, развели небольшой костер. Обогрелись, обсушились, стали укладываться спать. Наломали веток, устроили возле костра что-то вроде общего ложа. Игнат Кузовков лег рядом со мной. Укладываясь, мечтательно произнес:

- Покурить бы...

- А ты потруси в карманах, - посоветовал я.

- И верно!

Он приподнялся, стал шарить в карманах. На землю выпал небольшой коричневый бумажник.

- Откуда это у тебя? - спросил я.

- В жите подобрал, - ответил Игнат. - Возле того, который нас в лес привел... Посмотрим, что там.

Он придвинулся поближе к костру, развернул бумажник. Из него выпало несколько денежных купюр, какая-то книжечка. Игнат развернул ее и удивленно воскликнул:

- Ну и ну! Посмотрите-ка, хлопцы, кто у нас проводником был!

Мы придвинулись. Игнат показал удостоверение. С фотографии на нас смотрело знакомое лицо проводника. А в удостоверении значилось, что он является начальником березовской полиции. Фамилия его была Семенюк, Владимир Семенюк.

- Ах, досада! - воскликнул Александр Софиев. - Такую птицу упустили! Теперь понятно, почему те из засады не стреляли. Что же ты, Игнат, раньше этот бумажник не показал?

- Да забыл я совсем о нем! - оправдывался Игнат. - Подобрал, сунул в карман... До этого ли было!

Обидно, конечно, что отпустили живым предателя, но делать нечего, обратно не вернешь. Легли спать.

Спустя несколько месяцев я узнал, что начальник березовской полиции не избежал справедливого возмездия. Прежде всего наше спасение не прошло ему даром. За то, что он провел нас через полицейские засады, немцы его арестовали, порядком избили. Потом, в наказание, направили в шепетовскую каменоломню. Вскоре, однако, вернули на прежний пост. В 1944 году его поймали украинские партизаны и расстреляли.

Дальнейший путь пролегал вдоль старой советско-польской границы. Население сел и хуторов тепло встречало нас, охотно делилось продуктами, указывало наиболее безопасные лесные дороги. Через несколько дней пути в одной из небольших деревушек нам в руки попал помер оккупационной газеты, которая выпускалась немцами на украинском языке. Большая часть материала в ней была посвящена бою под Березовом. Фашисты представили его как крупное сражение, сообщали, что якобы в нем была наголову уничтожена большая "банда партизан", захвачены огромные трофеи. В конце отмечалось, что теперь в этом районе партизан больше нет, там восстановлен порядок. Как говорится, голодной куме хлеб на уме.

У Софиева была крупномасштабная карта, она давала лишь общее представление о местности. Шли мы большей частью по глухим лесным тропам, ориентируясь по компасу. Несмотря на радушие жителей, в деревни заходили редко. Питались грибами, ягодами. У ребят расстроились желудки. Я посоветовал побольше налегать на чернику, благо в глухих лесных падях ее было еще много. Иногда специально заходили поглубже в лес, чтобы "подлечиться" этой чудодейственной ягодой.

Прошло две недели после боя под Березовом. Трудности пути давали о себе знать, мы физически измотались. По ночам у всех ныли ноги, из-за этой беспрерывной боли долго не могли уснуть. Утром все труднее было заставить себя идти дальше, много времени проходило, пока организм снова начинал нормально работать. И все же Софиев торопил, он знал: там, под Славутой, товарищи с нетерпением ждут радостных вестей.

Чем ближе подходили мы к Белоруссии, тем чаще слышали от населения рассказы о смелых действиях партизан. Из этих рассказов выяснялось, что на территории Белоруссии действуют хорошо организованные, крупные партизанские соединения, которые имеют прочную связь между собой и с Большой землей. Так что не зря пробираемся мы на белорусскую землю, не зря переносим все невзгоды и лишения.

Однажды присели отдохнуть у полотна узкоколейки. Только

закурили, как где-то близко за деревьями чмыхнул паровозик. Мы вскочили, спрятались в кустах. Показался состав крохотных вагончиков, нагруженных дровами и торфом.

- Ребята, давайте остановим, проедем немного, - предложил Максим Сидненко. - Все-таки транспорт.

- Идея! - подхватил Софиев. - Кажется, один машинист, немцев нет...

Мы выбежали на полотно, жестами приказали машинисту остановиться. Паровозик резко затормозил, из окошка выглянуло добродушное лицо машиниста. Он приветливо заулыбался, снял кепку, с явным польским акцентом спросил:

- Что желают господа партизаны?

Эта неожиданная встреча, казалось, нисколько его не удивила. Наоборот, обрадовала.

- Партизаны желают проехать на твоем паровозике! - ответил Софиев.

- О! С удовольствием! Проше, панове...

Станислав Шваленберг и Александр Софиев устроились рядом с приветливым машинистом, остальные расселись по вагончикам на мягком, немного сыроватом торфе. Машинист лихо сдвинул промасленную кепку на затылок, уверенно задергал рычагами. Паровозик помчался что есть духу. По бокам замелькали деревья.

- Хорошо! - воскликнул Симон. - Так бы всю дорогу...

К сожалению, с комфортом проехали всего километров тридцать. Не доезжая до станции, машинист высадил нас, галантно пожелал счастливого пути. Мы тепло попрощались - все же он нам сэкономил полдня дороги.

Обошли станцию лесом, снова выбрались на узкоколейку и подались по шпалам. К вечеру вышли к будке обходчика. Была она с выбитыми стеклами, в ней давно уже никто не жил. Решили здесь заночевать. Софиев выслал Шавгулидзе, Шантара и Сидненко в разведку. Мы проголодались и надеялись, что нашим товарищам, может быть, посчастливится достать чего-нибудь съестного. Прилегли отдохнуть.

Прошел час, другой, разведка не возвращалась. Вдруг в будку вбежал часовой, тревожно сообщил:

- Ребята! Какой-то подозрительный тип приближается...

Мы вскочили, заняли круговую оборону. К полотну железной дороги неторопливой походкой приближался коренастый, широкоплечий мужчина в серой холщовой рубахе. Не доходя метров ста до будки, остановился, негромко крикнул:

- Эй! Есть кто?

- Спроси, что ему надо, - обратился Софиев к Алексею

Манько.

Алексей поднялся, держа винтовку наготове, подошел к незнакомцу. Они перекинулись несколькими короткими фразами, потом Манько повел мужчину к будке.

- Вот, - представил он его Александру. - Говорит, есть разговор к командиру.

- Слушаю, - Софиев встал.

Мужчина низко поклонился, умоляюще сложил руки на груди.

- Помогите, товарищ командир! - просил он. - У вас здесь два доктора есть, так нехай они со мной в деревню сходют...

- Это зачем? - удивился Софиев.

- Да с женой у меня плохо. Третий день разродиться не может... Вот горечко какое!

Софиев посмотрел на Симона, на меня, ответил:

- Что ж, попробуем помочь. Только откуда вы узнали, что мы здесь и что два врача у нас?

- Так ваши ж и сказали, - ответил крестьянин. - Они зараз у нас в деревне...

Оказывается, в нескольких километрах от будки была деревня.

Когда наши заявились туда, жители их радушно встретили, накормили, предложили накопать на огороде картошки. Попутно рассказали про несчастье. Жена Максима - так звали нашего крестьянина - не может разродиться. Врача нигде поблизости нет, а бабка бессильна чем-либо помочь. Наши разведчики посоветовались и решили направить Максима к Софиеву. Так он оказался у нас.

- Ну что, Леонидович, пойдешь? - обратился ко мне Софиев. - Ты помоложе, а Симон вон чуть живой.

- Надо идти, - я с готовностью перебросил через плечо санитарную сумку, взял в руки винтовку.

Крестьянин с недоверием посмотрел на меня. Вид у меня был действительно далеко не докторский. Обросший, оборванный. Однако Софиев успокоил Максима:

- Ты, брат, не смотри, что он у нас в таком виде. Доктор что надо! Такие роды устроит, залюбуешься!

Все засмеялись. Мы двинулись в путь.

- Как деревня-то называется? - спросил я у Максима.

- Бобрики, - коротко ответил он.

Всю остальную часть дороги мы молчали. Когда пришли в деревню, Максим завел меня в хату, стоявшую немного на отшибе. В доме оказалось полно людей: родственники, соседки роженицы.

- Вот. Доктора привел, - представил меня Максим.

Женщины тоже посмотрели на меня с недоверием, однако расступились, освобождая место возле печки, где стояли ведра с водой.

Я вымыл руки, прошел за полог к больной.

Роды я принимал впервые в жизни. Знакомое волнение, связанное с чувством ответственности, с желанием помочь человеку, охватило меня. И в то же время одолевал страх. А вдруг нужно будет хирургическое вмешательство? У меня же ни опыта, ни инструментов. Что тогда? Но выхода не было, надо спасать мать и ребенка.

Внимательно осмотрел роженицу. К счастью, никаких отклонений от нормы не обнаружил. Но требовалась немедленная хирургическая помощь. Из институтского курса вспомнил, что рекомендуют в таких случаях специалисты. Так решил поступать и я.

Попросил вскипятить воды, в кипятке продезинфицировал обычный столовый нож, моток льняных ниток. Обработал руки самогоном-перваком и приступил к операции.

А вскоре комнату огласил крик новорожденного. Новый человек появился на свет!

Я облегченно вздохнул.

- Кто? - прошептала молодая мать.

Услышав, что родился мальчик, слабо улыбнулась, закрыла глаза.

Роды закончились благополучно. Я был рад не меньше матери и ее родственников.

В доме засуетились. Добрые, полные благодарности люди приготовили угощение, пригласили к столу. Я не отказывался. Теперь, когда напряжение улеглось, приступ голода начался с новой силой. Ведь со вчерашнего дня ничего не ел.

А у моих товарищей по оружию происходили тем временем следующие события. Трое наших - Шавгулидзе, Шантар и Сидненко - уже заканчивали копать картошку, когда заметили, что на дороге появилась группа вооруженных людей в гражданском. Местные партизаны? Полицаи? На всякий случай решили немедленно вернуться к своим, предупредить. Они не знали, что я уже в деревне, принимаю роды. Огородами добежали до мелколесья, скрылись в нем и вскоре были уже в будке железнодорожного обходчика. Они рассказали нашим о подозрительном отряде, и Софиев принял решение уходить. За мной послали Станислава, Симона и Алексея.

Я же уплетал за обе щеки яичницу, наедался впрок. Беспокоила мысль о ребятах, но хозяин сказал, что трое наших

тоже хорошо накормлены, остальным жители соберут хлеба, яиц, сала. Чарка самогона еще больше разогрела аппетит, я с новой силой налег на еду.

И вдруг в дом вбежала женщина, испуганно сообщила, что в деревню вошли вооруженные люди. Я схватил винтовку, пулей вылетел на улицу. Хозяин же не проявил ни испуга, ни удивления. Он выбежал за мной:

- Не вздумай стрелять, доктор! Это наши.

Кто его знает, кого он имел в виду под словом "наши"! Ведь сколько было случаев, когда гостеприимный хозяин оказывался полицейским агентом, партизаны не раз попадали в такие ловушки.

Я дослал патрон в патронник, притаился у калитки. Дешево свою жизнь не отдам!

Хозяин поспешил со двора на улицу. Через некоторое время распахнулась калитка, и во двор вошли несколько вооруженных людей. У всех на кепках и фуражках были красные ленточки и наши пятиконечные звезды.

Я выбежал из укрытия, бросился им навстречу.

- Товарищи!

Но один из партизан, высокий худощавый юноша, направил на меня автомат, строго приказал:

- Бросай винтовку! Руки вверх!

Не успел опомниться, как сзади на меня набросились, быстро обезоружили.

- Так-то лучше, - уже более дружелюбно сказал молодой человек и отвел автомат. - А теперь пошли в хату, поговорим.

Недолго выясняли мы отношения. Оказалось, что молодой человек начальник штаба местного партизанского отряда, командиром которого был Болотников. Отряд входил в соединение Василия Ивановича Козлова. Пока мы находились в деревне и я принимал роды, местные жители сообщили в отряд, что здесь появились неизвестные. Командир выслал группу выяснить, что за люди.

Коротко рассказав о себе, Николай - таким именем назвался начальник штаба - начал подробно выяснять, кто мы такие. Я рассказал ему о славутском подполье, об отряде, о нашей группе и о том, с каким заданием пришли мы на территорию Белоруссии.

- Что ж, очень рады встретиться с украинскими друзьями, - с улыбкой в заключение сказал Николай. - Поможем, чем можем...

Он вышел из хаты, отдал какое-то приказание бойцам, стоявшим на улице. И вскоре к дому подкатила повозка. Мы с Николаем и еще двумя партизанами уселись в нее, через полчаса

были уже возле будки.

К своим я пошел один. На ходу стал громко насвистывать условный пароль. Из будки осторожно вышли Софиев, Манько. Потом появились и остальные. Они медленно направились к повозке.

- Ну, здарова, украинские сябры! - Николай первым протянул Софиеву руку. - Рады бачыць вас на беларускай зямли!

Они крепко обнялись.

Это произошло 18 августа 1942 года. Первая часть задания Одухи была выполнена.

Нас разместили по хатам в деревне, и мы впервые за много дней вволю отоспались.

НА БЕЛОРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Наши новые товарищи рассказали нам много интересного и радостного о партизанском движении в Белоруссии. Здесь оно приняло поистине всенародный размах. Из местных жителей и бойцов, попавших в окружение, образовывались все новые группы, которые формировались в отряды по сто и более человек. Партизанские отряды не давали покоя врагу ни днем, ни ночью.

К тому времени, когда мы попали в Белоруссию, там уже целые районы контролировались партизанами. Фактически была восстановлена Советская власть в Октябрьском районе, изгнаны немцы из многих деревень Глусского, Старобинского, Стародорожского, Слуцкого, Осиповичского районов. Все действия партизанских отрядов координировались и направлялись Минским подпольным обкомом партии, который в свою очередь имел прочную связь с Большой землей.

Руководители белорусского партизанского движения приняли самое теплое участие в нашей судьбе. 20 августа вся наша группа прибыла в штаб соединения, а вечером того же дня нас приняли Василий Иванович Козлов и Михаил Петрович Константинов. Эта памятная встреча хорошо запомнилась, потому что оказалась поворотной в моей судьбе.

Состоялась она в одной из хат деревни Альбинск Октябрьского района, где в то время базировался штаб соединения. Когда мы, все девять, вошли в хату, там нас уже ждали. В просторной горнице за большим столом кроме Козлова и Константинова сидели Роман Наумович Мачульский и Иосиф Александрович Бельский. Все были одеты в полувоенную форму - защитного цвета кителя с отложными воротниками без знаков различия, галифе.

Сразу обратил на себя внимание своим внешним видом Василий Иванович Козлов. Подтянутый, лицо открытое, глаза строгие. У Михаила Петровича Константинова были большие

"буденновские" усы. Смотрел он на нас веселыми глазами. Роман Наумович Мачульский выделялся высоким ростом, светлыми волосами. Иосиф Александрович Бельский казался рассудительным, уравновешенным.

Партизанские руководители поздоровались с нами, познакомились с каждым в отдельности, пригласили поближе к столу.

- Ну, дорогие друзья-украинцы, рассказывайте, с чем вы к нам пришли? обратился Василий Иванович к Софиеву.

Завязалась неторопливая беседа. Мы рассказали о славутском подполье, его руководителе докторе Михайлове, о нашем небольшом отряде, первых боевых операциях, о том, с какой целью послана наша группа на связь с белорусскими партизанами.

Слушали нас внимательно, не перебивали, лишь изредка задавали уточняющие вопросы: когда вышли в путь, куда решили податься Казбек и Гоголь, какие потери понесли в бою под Бересдовом, с нами ли "чудо-пулемет"? Слушая, Василий Иванович потирал ладонью свой высокий лоб, Константинов что-то записывал, Бельский и Мачульский время от времени выходили из хаты, потом возвращались.

За окнами тем временем стемнело, хозяйка внесла в горницу две коптилки, сделанные из снарядных гильз.

- Думаю, дальше вам идти незачем, - обращаясь ко всем, сказал Козлов. Связь с Большой землей у нас хорошая, сегодня же доложим о вашей группе. Ну, а там... Будем думать, что дальше делать. Верно?

Он посмотрел на Константинова, тот, соглашаясь, кивнул. Мачульский встал из-за стола, подошел к Шантару, спросил:

- Вы сказали, ваша фамилия Шантар? У нас в одном отряде командиром Шантар. Случайно, не родственник ваш?

- Как его зовут? - насторожился Вася.

- Владимир.

- Владимир?! - Вася вскочил. - У меня брат Владимир!

- Что ж, - вмешался в разговор Василий Иванович Козлов. - Устроим вам встречу. Может быть, действительно брат.

Встреча эта состоялась через несколько дней. Владимир оказался на самом деле братом нашего Васи. Радости обоих не было границ. По просьбе Владимира Вася Шантар был зачислен в отряд к своему брату рядовым бойцом.

Мы же ожидали решения с Большой земли. Оно по каким-то причинам задерживалось, и мы пока жили в соединении Козлова. Несли внутреннюю охрану, участвовали в боевых операциях. Разместили нас по хатам. Хозяева отнеслись к нам радушно. Они

уже знали, кто мы и откуда. Все это были наши, советские люди, у которых родные - глава семьи, сын, брат - или служили в Красной Армии, или сражались с врагом в партизанах.

Мне, как врачу, с первых же дней поручили санитарную службу. Контролировал санитарное состояние пищеблоков, партизанских бань, занимался лечением больных и раненых партизан.

В середине сентября 1942 года немцы активизировали действия против партизан. Тревожные сообщения о том, что фашисты накапливают силы для большого наступления, стали поступать все чаще. Командование соединения решило дать врагу бой.

Бой этот произошел 16 сентября. В этот день рано утром наши передовые посты доложили, что на село Альбинск наступают два гитлеровских батальона. Враги вооружены автоматами, пулеметами, минометами. Наши отряды к тому времени еще не имели достаточно автоматического оружия. Вот почему, несмотря на то что сражались все мужественно - бой длился несколько часов, врагу удалось вытеснить нас из деревни.

Однако дальше противник не пошел.

В альбинском бою погиб мой друг Симон Кадакидзе.

Руководил обороной генерал Константинов. Эмоциональный, подвижный, он успевал бывать повсюду и везде вовремя. В одном подразделении он появлялся, чтобы поднять боевой дух партизан, в другом - чтобы предложить командиру удачный обходный маневр, в третьем - чтобы лично повести в атаку. Человек большой храбрости, он, казалось, совсем не остерегался пуль. И был словно заколдован от них. Всегда впереди, всегда на виду у партизан... "С таким командиром не пропадешь!" - говорили о нем бойцы. Все мы были прямо-таки влюблены в. этого мужественного человека.

В нашем подразделении он появился, когда уже была получена команда отходить в лес. Ловко перепрыгнул через плетень, кубарем скатился в ложбинку к командиру, сдвинул на затылок фуражку, сказал:

- Вот что, Пущин... Остаешься прикрывать отход. Держись, пока не отойдем в лес. Продержишься?

- Постараюсь, - ответил Казимир Францевич. - Как, ребята, продержимся?! - повернулся Пущин к нам. - Генерал приказывает.

- Продержимся! - дружно ответили партизаны.

- Великолепно! - весело похвалил Константинов. - Ну, я пошел. До встречи в лесу.

Пригибаясь, он отбежал на несколько шагов, повернулся, крикнул:

- Следи за огородами! Сдается мне, они думают тебе в спину зайти...

Действительно, в конце огородов на грядках с почерневшими кустами картошки появились фигуры врагов. Они пока не стреляли, накапливали силы для решающего броска.

- Кадакидзе, Голиков! - скомандовал Пущин. - Надо подползти поближе к ним по меже. Как только поднимутся в атаку, открывайте фланговый огонь!

Я видел, как Кадакидзе и Голиков ползли по меже, потом скрылись в лебеде. Враг между тем пошел в атаку. Мы открыли огонь. Гитлеровцы залегли, метнули несколько гранат. Взрывы справа, слева. На несколько мгновений все исчезло в клубах дыма. А когда он рассеялся, я увидел, как по меже торопливо ползет один Голиков.

- Друян! - тревожно позвал он. - Симон ранен...

Я бросился к нему.

Когда мы подползли к Симону, он был уже мертв. Осколки гранаты угодили в голову и в живот. Струйка крови запеклась на лбу, затерялась в густых седых волосах Симона. Глаза его были открыты, на лице застыло выражение какого-то трогательного детского удивления. Мы уже ничем не могли ему помочь. Я закрыл глаза товарища. Прощай, друг...

Сидненко тронул меня за плечо, тихо сказал:

- Идем, Друян. Наши отходят...

Мы прикрыли Симона лебедой, вернулись к своим.

Когда снова отбили деревню у врага, на ее окраине, на холме, который виден издали, вырыли братскую могилу. Со всеми почестями перенесли сюда останки наших боевых товарищей. Вперед вышел Константинов, снял фуражку. Стало тихо, так тихо, что слышно было, как в лесу за деревней поют птицы.

- Прощайте, дорогие наши боевые товарищи! - проговорил Константинов. Умолк, долго молчал. - Спите спокойно... Мы отомстим за вас... Клянемся!

Раздался прощальный залп.

Через несколько дней Александра Софиева вызвали в штаб. Боец, который пришел за ним, сообщил, что получена радиограмма с Большой земли, касающаяся нашей группы. Подробностей он не знал. Мы поняли, что сейчас решится наша судьба, и с нетерпением стали ожидать возвращения Софиева.

Вернулся он довольно скоро.

- Поздравляю! - радостно произнес Софиев, оглядывая нас веселыми глазами. - С Большой земли получено указание выделить нашей группе необходимое количество боеприпасов и вооружения. Нам приказано возвращаться в отряд на Украину. -

Задержался взглядом на мне, на Тенгизе, добавил:

- А с вами будет особый разговор. Пошли в хату!

Когда мы втроем вошли в дом, он усадил нас за стол, сам сел напротив, произнес:

- Командование соединения предлагает вам остаться здесь. Сами понимаете, чем это вызвано... У них при штабе соединения нет ни одного врача.

- Но я-то не врач! - воскликнул Тенгиз. - Мне-то можно с вами...

В голосе его звучала обида. Признаться, мне тоже не хотелось расставаться с товарищами, с которыми столько вместе пережито.

- Тебя они решили оставить как специалиста-подрывника. Слава богу, успел показать себя...

Софиев встал, давая понять, что разговор окончен.

- Сами понимаете, это приказ, а приказ, как известно... - не закончил он, первым направился к выходу.

- Не понимаю, чем я им так показался! - Тенгиз с удивлением развел руками.

- Что же здесь не понимать, - ответил я. - Все ясно.

Инженер-железнодорожник по образованию, Тенгиз Шавгулидзе действительно оказался талантливым изобретателем различных подрывных устройств. Изготовленные по его чертежам специальные клинья срабатывали безотказно, пускали под откос вражеские эшелоны не хуже толовых шашек, а гранаты и гранатометы, сделанные под его руководством, наводили страх на неприятеля. Нередко именно они в значительной мере помогали нам одерживать победу над противником, который во много раз превосходил нас и по численности, и по вооружению. Естественно, командование соединения решило оставить Тенгиза при штабе.

Что касается меня, то после некоторого раздумья я решил, что и здесь командование поступило весьма логично. Во время возвращения на Украину наша группа больших боевых операций предпринимать не будет, следовательно, сможет обойтись без врача. В случае же надобности первую помощь окажет товарищам любой из группы, все они в медицинском отношении подготовлены на уровне санинструктора. Когда же придут на место, там уж Одуха сумеет позаботиться, чтобы при необходимости переправить в отряд нужных врачей из Славутской больницы.

Здесь же, в Белоруссии, в условиях широко развернувшейся партизанской войны с врагом, моя помощь необходима уже сегодня. Вот почему, когда меня вызвали в штаб, как я догадывался, чтобы получить личное согласие, решение уже было

мной принято.

Штаб к тому времени размещался в большом болотистом лесу неподалеку от деревни Альбинск, на острове Зыслов. Партизаны из охраны провели меня в просторную землянку, где за столом сидели В.И.Козлов, Р.Н.Мачульский, М.П.Константинов и другие члены подпольного обкома партии. Я поздоровался, Василий Иванович предложил сесть.

- Ну, говорил тебе Софиев о нашем решении? - спросил он.

- Говорил, - ответил я. Внутренне я волновался, но старался держаться как можно спокойнее.

- Каково твое мнение? Согласен?

- Я комсомолец. Решение обкома партии и командования для меня закон.

- Это понятно, - как-то очень мягко возразил Василий Иванович. - Но ведь ты, собственно, не в нашем подчинении. Поэтому, если просто по-человечески... Сам знаешь, как нам тяжело без медиков.

- Думаю, товарищи мои возражать не будут, - сказал я.

- Вот и хорошо! - обрадовался Козлов.

Итак, мы с Тенгизом оставались у белорусских партизан. Остальные члены нашей группы стали готовиться в обратный путь. По приказу командования соединения группу усилили саперами Михаилом Петровым, Александром Перепелицыным и Иваном Долгополовым. Наши товарищи получили от белорусских друзей пять автоматов, две бесшумные винтовки, взрывчатку и взрыватели, пистолеты, много других боеприпасов.

Грустно было расставаться, но ничего не поделаешь. Мы тепло попрощались с товарищами, пожелали им счастливого пути.

Хорошо вооруженная группа 10 октября двинулась в обратный путь. Проделала она его без особых затруднений и уже 28 октября была "дома", в лагере под Хоровицей. В дальнейшем многие члены этой группы были выдвинуты на командные посты. Все они награждены боевыми орденами и медалями.

Что греха таить, мы с Тенгизом долго еще скучали по ушедшим товарищам, жалели, что не с ними. Частенько вспоминали, думали: как там они?

Уже после войны, когда со многими товарищами из славутского подполья удалось встретиться или списаться, узнали, что немало славных дел совершили они во имя Родины. Это и ряд смелых диверсий на железных дорогах под Шепетовкой и Славутой, и организация побега большой группы военнопленных из славутского лагеря, и уничтожение большого военного склада врага. А к концу 1943 года отряд был преобразован в соединение, которое стало носить имя доктора Михайлова. В соединении уже

насчитывалось 1200 человек, провело оно триста двадцать пять боевых операций. К тому времени соединение имело свою типографию, в которой кроме листовок печаталась партизанская газета "Удар с тыла".

Мы с Тенгизом быстро обжились на новом месте, сразу окунулись в работу. А работы обоим хватало.

Тенгиз стал "главным изобретателем" в соединении и этим сумел быстро прославиться. Первым удачным его изобретением был так называемый "партизанский клин", о котором я мельком упоминал. Он предназначался для спуска вражеских эшелонов под откос. В то время мы еще остро нуждались во взрывчатке, и клин Шавгулидзе оказался очень кстати. Он был небольшим по величине, легко укреплялся на рельсах и мало бросался в глаза обходчикам. Правда, первый спущенный под откос с его помощью эшелон оказался порожняком, но нас радовал сам факт: изобретение Тенгиза действует!

Работа закипела. Специально выделенные в помощь Тенгизу партизаны начали "массовое производство" таких клиньев, и вскоре первые эшелоны с боеприпасами и живой силой врага полетели под откос.

А творческая мысль изобретателя не стояла на месте. Тенгиз решил сконструировать гранату, которая при малом количестве взрывчатки обладала бы большой взрывной силой и в то же время собиралась из недефицитных в наших партизанских условиях материалов.

Мудрил он над этой гранатой, наверное, с месяц. Наконец чертежи были готовы, и он показал их секретарю Минского подпольного обкома партии Иосифу Александровичу Бельскому. Тот ухватился за эту идею, но, будучи человеком технически грамотным, долго и придирчиво рассматривал чертеж, забрасывал Тенгиза вопросами. Его интересовало все: и радиус поражающего действия гранаты, и материал, из которого она будет изготавливаться, и вес, и принцип работы...

- Дело очень и очень нужное, - вынес он приговор. - Что ж, благословляю. Торопитесь, все мы будем с нетерпением ожидать первый образец.

Вскоре первая, пока единственная, граната была готова. Тенгиз показал ее начальнику штаба соединения Григорию Васильевичу Гнусову. Тот взял в руки несколько обрезков водопроводных труб, соединенных вместе, внимательно осмотрел, произнес:

- Сделай еще несколько штук. Мы назначим комиссию, проведем испытания... Чтобы все, как положено.

Я держал эту первую гранату Шавгулидзе в руках. Внешне

она была неуклюжей: несколько кусков водопроводных труб соединены воедино и начинены взрывчаткой, кусочками железа и проволоки. В качестве запала использовался бикфордов шнур и капсюль-детонатор.

Первые пять гранат испытывались в присутствии командира соединения Василия Ивановича Козлова. К этим испытаниям Тенгиз готовился как к празднику, гладко выбрился, выстирал рубаху. Утро выдалось туманным, уже в нескольких шагах ничего не было видно. Пришлось ждать, пока туман поднимется. Василий Иванович нетерпеливо расхаживал по лесной поляне, где решили провести испытания, то и дело посматривал на часы. Здесь же собрались члены комиссии, командиры партизанских отрядов. Мы с Тенгизом стояли поодаль, молчали. Я очень волновался за своего товарища, от всей души желал ему успеха.

Тенгиз был, как всегда, очень спокоен. Среднего роста, плотный, черноволосый, один из тех, о которых говорят: широк в кости. С непроницаемым лицом он осматривал испытательную площадку, лишь блеск в черных глазах выдавал волнение.

Наконец туман стал медленно таять, сквозь его пелену пробилось солнышко. Можно было начинать испытания.

- Все в укрытие! - скомандовал Гнусов.

- Ну, ни пуха... - сказал я Тенгизу.

- Уходи, дорогой! - ответил он и спрыгнул в свой, вырытый отдельно от других окоп.

Несколько секунд напряженной тишины - и над окопом Тенгиза взвился в воздух темный предмет. Описав большую дугу, он упал за кустом, и снова стало тихо. Мгновение, еще мгновение... И вот огромной силы взрыв потряс воздух. Вздрогнули вершины сосен, над головой засвистели, густо пронеслись осколки.

Одну за другой Тенгиз метнул все пять гранат, и ни одна не подвела.

Тенгиз вылез из окопа. Все бросились его обнимать. А он стоял бледный, серьезный и казался немного удивленным: он сам не ожидал таких великолепных результатов. Василий Иванович вместе с руководителями штаба и командирами отрядов подошел к нему, улыбаясь, протянул руку:

- Поздравляю! Слушай, инженер, это же не гранаты, это бомбы!

Комиссия пришла к единому мнению: граната Шавгулидзе обладает отличными боевыми качествами. Здесь же на полигоне ее окрестили "Партизанской ручной гранатой Шавгулидзе", а сокращенно - ПРГШ-1. Название это вскоре стало фигурировать в наших боевых документах. Тут же Василий Иванович дал

указание выделить необходимое количество людей и помещение для "серийного" изготовления гранат.

Мастерскую устроили на бывшей усадьбе МТС. Под руководством Шавгулидзе партизаны быстро освоили дело и стали изготовлять по 10-15 гранат в день. Филиалы мастерской были организованы в отрядах имени Пономаренко и Александра Невского. Дело приняло широкий размах.

В одном из складов, отбитых у фашистов, оказалось много бикфордова шнура и капсюлей-детонаторов. Все это было передано Тенгизу. Подбирая различные по величине трубы, он наладил производство гранат, различных по силе взрыва. Правда, первое время были затруднения со взрывчаткой, но вот после очередной операции к нам в руки попало несколько авиабомб. Со всеми необходимыми предосторожностями они были перевезены в лес, и проблема взрывчатки тоже была решена.

Вскоре гранаты Шавгулидзе были уже на вооружении всех отрядов соединения. Забегая вперед, скажу, что в июне 1943 года была даже проведена специальная гранатная операция против фашистов. Это был период, когда немцы готовили наступление на курском направлении, перебрасывали на фронт большое количество войск и техники. Вот тогда-то командование соединением и организовало массированный гранатный удар по эшелонам врага на станциях Фаличи и Самой.

Операция прошла успешно. Ночью партизаны буквально забросали гранатами несколько эшелонов врага с живой силой и техникой, подорвали два железнодорожных моста, разрушили пристанционные пути.

А у Тенгиза после создания гранаты ПРГШ-1 возникла новая идея. Он решил сконструировать гранатомет, который по своим боевым качествам будет не хуже немецкого миномета и в то же время прост в обращении, удобен в пользовании. Короче, он хотел создать наш, партизанский, гранатомет.

И такой гранатомет Тенгиз сконструировал. Принцип его действия был такой. К обычной винтовке прикрепляли "мортиру" - пустую гильзу от 45-миллиметрового снаряда. Выбрасывание гранаты из "мортиры" происходило от выстрела холостого патрона.

Испытания гранатомета проводили 5 сентября 1943 года. Снова приехали руководители соединения и члены подпольного обкома партии. К этому времени Тенгизу уже настолько доверяли, что в окопах никто не прятался, он сам находился лишь несколько поодаль от членов комиссии.

Вот Тенгиз зарядил винтовку, приложился... Негромкий выстрел - и черный предмет полетел в дальний конец поляны.

Едва коснувшись земли, он с ужасным грохотом взорвался. А когда дым рассеялся, вместо песчаного бугра на месте взрыва темнела довольно глубокая воронка.

Комиссия была в восторге! Все поздравили Тенгиза с новой творческой удачей, а он, как всегда, оставался серьезен и несколько удивлен.

Гранатометы Шавгулидзе не однажды наводили на врага панику.

...Шестеро партизан, вооруженные гранатометами, сидят в засаде на дороге Любань - Уречье. Разведка донесла, что по этой дороге вот-вот должны пройти враги. И действительно, из-за поворота вышла рота карателей. Вот они уже совсем близко. Партизаны поднимают к плечам гранатометы.

Один за другим раздаются негромкие выстрелы - и у ног фашистов рвутся гранаты. Враг в панике! Немцы разбегаются кто куда, а на дороге остается лежать несколько десятков солдат...

Таких примеров можно было бы привести немало. За короткое время гранатомет Шавгулидзе стал любимым оружием партизан, они прозвали его "партизанской Катюшей".

В заключение рассказа о Шавгулидзе приведу несколько выдержек из архивных документов. Вот что писал в одном из приказов в 1945 году Главный маршал артиллерии Н.Н.Воронов:

"...Автор (имеется в виду Т.Е. Шавгулидзе. - И.Д.) разработал и применил в тылу врага несколько типов партизанских боевых средств. Указанные средства применялись партизанами Белоруссии и дали хороший боевой эффект. В условиях тыла противника стало возможным в партизанских мастерских изготовлять эти средства и обеспечивать боевые задания...".

А вот строки из характеристики Тенгиза Шавгулидзе, которую Василий Иванович Козлов написал ему для представления во Всесоюзный научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта в июле 1945 года:

"Все изобретения тов. Шавгулидзе являлись простыми по устройству, доступными по изготовлению в партизанских условиях и удобными в боевом применении...".

Приведу также выдержку из боевой характеристики, подписанной секретарем Минского подпольного обкома партии Бельским и начальником штаба соединения Гнусовым:

"...6 января 1943 года Шавгулидзе работал в соединении партизанских отрядов Минской области инструктором подрывного дела, и как инструктор подрывного дела тов. Шавгулидзе изобрел ручную гранату трех типов: ПГШ-1, ПГШ-2, ПГШ-3, которые изготовляются в массовом количестве в организованных тов. Шавгулидзе партизанских мастерских. Всего

в партизанских отрядах Минской области изготовлено этих гранат более 7000 штук.

В сентябре 1943 года тов. Шавгулидзе изобрел гранатомет ПРГШ. Эти гранатометы штабом руководства партизанскими отрядами Минской области приняты на вооружение и изготавливаются в партизанских мастерских в массовом количестве. По состоянию на 1/I-43 г. изготовлено 120 гранатометов и более 3000 гранат.

За работу в партизанских отрядах и боевые действия тов. Шавгулидзе представлен к правительственной награде орденом Красного Знамени".

Эта высокая и вполне заслуженная награда была ему вскоре вручена.

И последняя выдержка - из письма мне:

"...Живу там же, откуда уходил в армию, в Москве, на Новой Басманной улице. Имею 55 авторских свидетельств, 11 из них внедрены в серийное производство.

Являюсь членом нашей славной Коммунистической партии".

В Москве, в Центральном музее Советской Армии хранится портрет Тенгиза Евгеньевича кисти художника Модорова. Под ним надпись: "Партизан-изобретатель карманной артиллерии и ручного гранатомета Т.Е.Шавгулидзе",

Пока Тенгиз довольно успешно занимался своими изобретениями, я решал не менее сложные вопросы организации санитарной службы. Нужно было наладить лечебную работу не только в самом штабе соединения, но и объединить усилия всех наших медиков для коренного улучшения медицинской службы в отрядах и бригадах. Трудности на каждом шагу: нет медикаментов и даже самого необходимого инструментария, очень тяжело достать перевязочный материал, в соединении совсем мало медицинских работников, поэтому срочно надо было решать вопрос с подготовкой кадров.

Предстояли большие бои с врагом, следовательно, в каждом подразделении должен быть медик: врач, медицинская сестра, санинструктор.

С чего начинать?

Первым делом я решил побывать во всех партизанских отрядах и бригадах, чтобы лично познакомиться с медработниками, определить возможности каждого. Врачей было немного: И.К.Крюк, А.Н.Дудинская, Л.Зубченок, С.М.Швец, В.Хлыстов, В.П.Лаптейко. Несколько больше было работников из среднего медицинского персонала. Это медицинские сестры М.Л.Вежновец, М.Костюкович, Дубовик, А.Котова, Д.Шпаковская, О.Ф.Булацкая, Ф.П.Чирун и некоторые другие.

С большинством из этих медиков я встретился лично. Люди были хорошие, добросовестные, в медицинском отношении подготовлены неплохо, а некоторые Лаптейко, Хлыстов, Швец - имели довольно большой практический опыт. Но у всех была та же беда, что и у меня: крайняя нехватка медикаментов и перевязочных материалов, не говоря уже о медицинских инструментах.

Некоторым исключением был доктор Крюк со своей супругой Дудинской, которые работали в участковой больнице в деревне Заболотье. Они располагали небольшим количеством медикаментов, перевязочным материалом, скудным набором хирургических инструментов, но поделиться с нами не могли. Им самим этих запасов хватило не надолго.

В организации медицинской службы была и еще одна большая трудность все наши работники оказались разбросанными по партизанским отрядам и боевым группам. Учитывая специфику партизанской деятельности, это было правильно, но плохо то, что контакт между медиками почти не поддерживался. Каждый в отдельности надеялся только на себя, в силу своих способностей проявлял инициативу, находчивость, смекалку. Наладить связь между нашими врачами, координировать их действия - эта задача тоже требовала неотложного решения.

В приобретении перевязочных материалов, некоторых медикаментов все врачи, как правило, обращались за помощью к местному населению. Жители деревень помогали нам, как могли, зачастую отдавали последнее, но их возможности также были очень ограничены.

А ведь мы знали, что боевые операции, которые проводятся отрядами соединения против фашистов, - только начало, что впереди большие и тяжелые бои. И о том, как спасти раненых, как снова вернуть их в строй, мы должны думать уже сейчас.

В связи с этим первоочередной задачей мы считали организацию партизанских госпиталей. Конечно, мы и мечтать не могли о лечебных учреждениях типа военных госпиталей, но иметь какое-то помещение, пусть землянку, пусть палатку, где можно было бы сделать операцию, перевязку, разместить какое-то количество раненых и больных, мы обязаны были. И в то же время такой госпиталь надо создать с полным учетом условий партизанской жизни. Он должен быть мобильным, удобным для быстрой перевозки раненых, имущества, оснащения, чтобы можно было развернуть его вне населенных пунктов, быстро свернуть.

Когда мы, врачи, со всеми этими вопросами обратились к командованию соединением, встретили у него полное понимание и поддержку. Оно дало указание строить в лесах землянки

специально для партизанских госпиталей, размещать санчасти и в деревнях, конечно, там, где была возможность. С согласия хозяев для этого отводились отдельные дома.

В тех бригадах, где были врачи, мы получили возможность делать операции средней сложности. Но все равно из-за нехватки инструментария, соответствующих медикаментов и условий к проведению сложных полостных операций мы были не подготовлены. И обидно было до слез, до боли в сердце, когда из-за этого мы теряли многих боевых товарищей.

В конце ноября сорок второго года командование соединением разработало план разгрома крупного немецкого гарнизона, который дислоцировался в деревне Ломовичи. Успешному проведению этой операции придавалось большое значение, так как гарнизон фашистов связывал действия партизан в этом районе. Он находился всего в 12 километрах от столицы партизанского края - райцентра Октябрьского. Враги могли в любую минуту совершать отсюда вылазки против партизан. Этот гарнизон был прямо-таки у нас бельмом на глазу.

Операция была назначена на утро 24 ноября. Ее проведение было поручено отрядам Бумажкова, Далидовича, Розова, Шваякова. Их поддерживала группа московских комсомольцев. В числе этих шестидесяти бойцов-комсомольцев, в июне 1942 года переброшенных в тыл врага, находилась и семнадцатилетняя Римма Шершнева.

К тому времени наши отряды уже располагали несколькими пушками, отбитыми у немцев. Вначале произвели огневой артиллерийский налет, потом перешли в атаку. С дружным "ура!" партизаны бросились в деревню.

Неожиданно на перекрестке дорог заговорил вражеский дзот с круговым обстрелом. Он был хорошо замаскирован, и партизанская разведка его не обнаружила. Под шквальным пулеметным огнем партизаны залегли, отдельные группы начали отходить.

Атака захлебнулась. Артиллерию уже нельзя было пустить в дело: бой развернулся на улицах, мы рисковали поразить своих.

В этот критический момент к дзоту бросился один из московских комсомольцев - Саша Бондарчук. Но он пробежал всего несколько метров. Вражеская пуля сразила его. Тогда поднялась Римма Шершнева. Она пробежала метров пятнадцать, упала в снег, быстро поползла к дзоту. Когда до него оставалось несколько шагов, она поднялась и метнула гранату.

Громовое "ура!" разнеслось над заснеженным полем. Партизаны снова рванулись в атаку. Через несколько минут вражеский дзот перестал существовать. В нем было уничтожено

24 фашиста, захвачены большие трофеи. Фашистский гарнизон в деревне был разгромлен наголову.

Отважная комсомолка была еще жива, когда к ней подбежали партизаны. Подруги Риммы Галина Кирова и Нина Макарова сделали все, что могли: перевязали раны, занесли в ближайший дом, потом перевезли в деревню Старосеки.

Приказание срочно выехать в Старосеки я получил во второй половине дня. Подробностей мне не сообщили, сказали лишь, что тяжело ранена семнадцатилетняя девушка Римма Шершнева. Собрав все, что можно, из небольшого моего арсенала перевязочных средств, медикаментов и инструментария, мы с санинструктором Жоржем сели на лошадей и через час были уже на месте. У постели раненой был врач Семен Миронович Швец.

- Что?! - бросился я к нему.

- Агония, - развел он руками.

Римма моталась в бреду. Лишь на несколько мгновений она очнулась, прошептала: "Вот и повоевала я... Маме не пишите...". И снова потеряла сознание.

Я осмотрел ее. Тяжелое ранение органов брюшной полости вызвало перитонит (воспаление брюшины), с которым даже в условиях первоклассной клиники трудно справиться. Конечно, если бы сразу после ранения мы имели возможность оперировать Римму, возможно, удалось бы спасти ей жизнь. Но сейчас, в наших условиях... Мы были абсолютно беспомощны.

Через несколько минут после моего приезда Римма скончалась.

Оплакивали ее все партизаны, мы потеряли смелую комсомолку, преданную нашему делу до последней капли крови.

Родилась Римма в Добруше Гомельской области. Вскоре после ее рождения семья переехала в Минск. В июне 1941 года отец ушел на фронт, семья эвакуировалась в Оренбургскую область. Римма, тогда еще ученица 10-го класса, тоже решила идти воевать и написала об этом в ЦК комсомола. Ее вызвали в Москву, зачислили в комсомольский отряд.

25 июня 1942 года шестьдесят бойцов-комсомольцев отправились из Москвы в Торопец, где приняли присягу, а потом сорок пять дней и ночей шли по тылам врага. Каждый нес оружие, боеприпасы, вещевой мешок с НЗ. Тут и парням трудно, не то что девушке. Но Римма стойко переносила все тяготы перехода. Комсомольцы тогда отмерили по тылам более тысячи километров.

В Старобинском районе Римма заболела. В отряде доктора Алексея Ивановича Шубы ей оказали лечебную помощь. Она быстро поправилась, снова продолжила путь с отрядом.

Вместе с Риммой все трудности похода перенесли и другие девушки-комсомолки отряда - Татьяна Алябьева, Нина Макарова, Галина Кирова.

В первых же боях Римма отличилась смелостью, отвагой, но оставалась скромной, незаметной. За короткое время овладела минноподрывным делом. И вот бой в Ломовичах. Последний подвиг комсомолки...

Римму похоронили со всеми почестями. У могилы выступила заместитель комсорга отряда Татьяна Алябьева. Она говорила о том, что отомстит врагу за смерть подруги, что каждый комсомолец-партизан будет воевать так, чтобы быть достойным Риммы.

А мы, медики, не смотрели друг другу в глаза. Нам казалось, что мы виноваты в ее смерти.

Трудности в организации полноценной и методической помощи раненым и больным были большие. Они были обусловлены многими факторами. Соединение в первый период состояло из небольших партизанских групп и отрядов. Мы были не в силах в каждом таком отряде, в каждой группе иметь врача или хотя бы среднего медицинского работника. Кроме того, мы не могли забывать и о местном населении. И в этом отношении делали все, что могли.

Пока небольшие партизанские группы не вели крупных боев с превосходящими силами противника, они, следовательно, не несли и больших потерь. По теперь соединение готовилось к затяжным боям, и нам, медикам, нужно было подумать об этом заранее.

Я начал понемногу разворачивать наш госпиталь. Вначале он находился в Сосновке, а затем в деревне Репин, где нам отвели две небольшие хаты. Время шло, количество раненых возрастало, кровоточащие сосуды надо было немедленно перевязывать, оторванные конечности ампутировать, на вспоротых осколками участках тела накладывать швы. А у меня не было даже элементарных хирургических инструментов: зажимов, щипцов и т.д.

Вот с этого, кажется, мне и надо начинать. И помочь в этом деле в первую очередь может Шавгулидзе. Пользуясь правами старого товарища, я как-то подошел к нему и сказал:

- Слушай, Тенгиз! Ты, конечно, делаешь очень важное и нужное дело. Но ты совсем забыл про меня.

- Что такое, дорогой? - насторожился он.

- Вот посмотри, какими зажимами мне приходится работать, - я показал ему самодельный зажим, изготовленный из ножниц. - Неужели тебе не стыдно!

- Почему мне? - удивился Тенгиз.

- А кому же еще! - в свою очередь воскликнул я. - Глядя на этот зажим, разве кто-нибудь поверит, что у нас в отряде есть первоклассный инженер-изобретатель, первоклассный механик, имя которого гремит по всему соединению...

Я не жалел красок, зная, как занят Тенгиз, но только он мог помочь.

- Вот ты к чему! - наконец догадался он и улыбнулся. Подумал немного, отложил в сторону свои трубки, из которых пилил корпуса для новых гранат, и предложил: - Знаешь, Ибрагим, ты напиши, какие нужны тебе инструменты...

- Контора пишет! - перебил я.

- Хорошо, дорогой! - он снова улыбнулся. - Тогда нарисуй все эти инструменты, и я тебе их сделаю.

Уж коли Тенгиз сказал "сделаю", значит сделает. Я показал ему на листке бумаги, как должны выглядеть самые необходимые для нас хирургические инструменты. В тот же день Тенгиз принялся за дело.

За короткое время он изготовил несколько весьма ценных инструментов общего пользования - ножи, ножницы, пилы, долота хирургические, пинцеты, крючки для раздвигания краев раны и многое другое. Несколько позже он изготовил кое-какие инструменты специального назначения: пулевые щипцы, зеркала, расширители Гегара и так далее. Я чувствовал себя богачом.

Но само собой понятно, что все эти инструменты мы не могли изготавливать в большом количестве: один-два экземпляра. И врачам в партизанских отрядах по-прежнему приходилось обходиться самым примитивным: обрабатывать раны обычным ножом или бритвой, без обезболивающих средств, вместо наркоза при операциях применять алкоголь, а точнее - самогонное оглушение. Перевязку сосудов делали обычными, предварительно прокипяченными нитками, а ампутации - обыкновенной садовой пилкой.

И все же исход операций, как правило, был благополучным. Здесь сыграли свою роль не только мастерство и изобретательность врачей, но и чрезвычайное напряжение всей нервной системы раненых, то самое напряжение, которое заставляет организм мобилизовать все силы, все внутренние резервы на борьбу с любой раной, с любой болезнью.

Таким образом, одновременно с началом организационных мероприятий мы, так сказать, малыми силами делали все возможное, чтобы как можно быстрее возвращать в строй больных и раненых.

Вместе с тем продолжали совершенствовать медицинскую

службу во всех звеньях. И здесь порой, казалось бы, рядовой случай толкал на большую организационную идею.

В конце сорок второго года ко мне как-то пришел пулеметчик Алексой из партизанской роты, где командиром был Даниил Абакумович Скляр. Пулеметчик как пулеметчик: небольшого роста, веснушчатый, с пышной огненной шевелюрой. Жизнерадостный, веселый, полный юмора. Был он очень подвижен, по глазам угадывался очень деятельный человек.

Алексей пожаловался на сильное боли в ногах. Я внимательно осмотрел его и установил тяжелое заболевание периферических сосудов, которое у нас, врачей, носит название облитерирующий эндартериит. Человек с таким заболеванием уже не боец, он не может участвовать в тяжелых походах, тем более связанных с длительным пребыванием в болотах, в холодной воде. Болезнь требовала долгого и эффективного лечения. Самый лучший выход был - отправить Алексея на Большую землю. Но в то время с Большой землей мы были связаны преимущественно по радио, самолеты к нам прилетали редко.

Что же делать с Алексеем? Он сам даже мысли не допускал, что его могут отчислить из партизанского отряда.

- Белье буду стирать, кашеварить буду, а из партизан не уйду! - заявил он.

Эти слова натолкнули меня на одну хорошую мысль. А что, если попросить у командира разрешения оставить Алексея у себя! Я смог бы его понемногу подлечивать, а он в свою очередь выполнял бы обязанности санитара. Обратился к Даниилу Абакумовичу. Он дал свое "добро", и Алексей остался при нашей медчасти.

Стал обучать бывшего пулеметчика основам новой профессии. Показал, как накладывать жгут для остановки кровотечения, шипы для иммобилизации (состояния покоя) при костных переломах, познакомил с простейшими способами борьбы с инфекциями. Алексей был отличным учеником. Он схватывал все на лету, вскоре уже мог сам, без моего вмешательства, оказывать неотложную медицинскую помощь. А это приходилось делать все чаще.

...Обычно утром меня вызывали в какой-либо отдаленный партизанский отряд к больному. И я уезжал, оставляя за себя в медчасти Алексея и мою первую помощницу Иру, фельдшера по образованию. Однажды отряд под командованием Даниила Абакумовича ушел на боевое задание. От разведки были получены сведения, что в деревне Загалье немцы собрали большое стадо скота для отправки в Германию. Нужно его отбить

у врага и перегнать поглубже в партизанскую зону.

Боевая операция прошла успешно, отряд возвращался домой. Но по дороге в Сосновку он неожиданно попал в засаду. Произошел короткий, но жаркий бой. Гитлеровцы бежали. Однако радость победы была омрачена: Даниила Абакумовича ранило в ногу.

Бойцы из отряда сделали импровизированные носилки из плащ-палатки, донесли своего командира до партизанской зоны. Здесь достали повозку, привезли в Сосновку. Иры же на месте не оказалось. Ее вызвали в соседнюю деревню, где обнаружили сыпняк. Алексей был один. И ему волей-неволей пришлось оказывать первую помощь. По дороге командир потерял много крови, его внесли в хату бледного, осунувшегося. Алексей осмотрел рану, установил, что у командира сквозное пулевое ранение левой голени с повреждением большеберцовой кости. Он, как и учил я его поступать в таких случаях, обработал пулевые отверстия йодом, наложил на ногу деревянные лангеты, забинтовал ее.

Когда я возвратился и осмотрел раненого, убедился, что доврачебную помощь Алексей оказал квалифицированно, со знанием дела. Придраться было не к чему...

Вот тогда-то и родилась у меня идея организовать при нашей медчасти краткосрочные курсы санинструкторов. Обучить самым необходимым приемам помощи раненым можно любого, а если при каждом отряде будет по пять-шесть санинструкторов, это даст возможность оказывать всем своевременную доврачебную помощь.

Этими соображениями я поделился с командованием соединения. Роман Наумович Мачульский и Иосиф Александрович Бельский горячо поддержали меня.

- Необходимость в таких курсах давно назрела, - решили они. - Тем более, что начинается период создания определенной структуры медицинских служб во всех партизанских бригадах и отрядах.

Действительно, вскоре медицинская служба у нас была в корне реорганизована. Учредили должности начальников медицинских служб бригад, в задачу которых входило укомплектование отрядов, рот и даже взводов медработниками, а также организация бригадных госпиталей. Предстояло наладить дело таким образом, чтобы любая боевая операция была обеспечена медработниками, медикаментами и перевязочными материалами. Одновременно в нашу задачу входило наладить постоянное медицинское обслуживание мирного населения партизанских зон.

Решение всех этих весьма важных вопросов должно было осуществляться по двум направлениям. Первое - создание необходимого запаса инструментария в каждом отряде, в каждой бригаде, а также медикаментов, перевязочных материалов. Второе - подготовка кадров.

Вот почему, выслушав мое предложение, Роман Наумович посоветовал наладить дело несколько шире.

- Вот что, Ибрагим Леонидович, - сказал он. - Ты сперва в других бригадах побывай. Может, там у врачей тоже что-нибудь интересное появилось.

Он оказался прав. Когда я начал объезды, убедился, что идея, подобная моей, появилась и у других врачей. Некоторые даже начали ее осуществлять. Я поинтересовался, как готовятся санитарные инструкторы на местах, кое-что интересное взял на заметку для себя.

- Вот видишь, - сказал Роман Наумович, когда я доложил ему о результатах поездки, - выходит, дело нужное. Приступай и ты.

В скором времени занятия по подготовке санинструкторов были организованы во всех бригадах. Так, в бригаде имени Чкалова, где руководство санслужбой осуществлял Иосиф Климентьевич Крюк, и в бригаде Далидовича, где начальником санслужбы был Семен Миронович Швец, подготовили 30 санитарных инструкторов. В партизанской бригаде "Смерть фашизму!" обучили санитарному делу 11 человек, в отряде имени Суворова врач Назаров подготовил 10 санинструкторов. Я обучил десять человек.

Для проведения занятий выбрали одну из хат в деревне Сосновка. Занятия шли между боевыми операциями по плану, который разрабатывался предварительно. Составляя план, я старался учесть такие важные вопросы, как первая помощь при пулевых и осколочных ранениях, наложение жгутов и шин, помощь при переломах костей. Несколько занятий посвятили вопросам обращения с медикаментами, использования растений как лекарственных средств.

При каждом удобном случае я давал возможность моим слушателям применять полученные знания на практике. Они присутствовали на операциях, при перевязках. Сами под моим наблюдением делали перевязки.

Дело начали хорошее. Санинструкторы спасли многих раненых на поле боя, оказав им своевременную и квалифицированную медицинскую помощь.

Контингент слушателей был самый разнообразный. В основном это были женщины-партизанки. Но обучали мы санитарному делу и мужчин, и даже кое-кого из местных

жителей.

В середине сорок третьего года мы уже могли смело заявить, что у нас теперь любая боевая операция обеспечивалась медицинскими работниками. А это значит, что, идя на задание, боец знал: рядом с ним находится человек, который в случае ранения всегда окажет ему первую медицинскую помощь. Помимо всего прочего, это создавало и определенный психологический эффект, что в свою очередь повышало боеспособность партизан.

Одновременно с подготовкой медицинских кадров занимались мы и вопросами обеспечения партизан медикаментами и перевязочным материалом. Здесь большую роль сыграла помощь с Большой земли.

В сентябре сорок второго года сообщили по радио, что в конце месяца к нам должен прилететь самолет из-за линии фронта. Я срочно подготовил подробное письмо на имя начальника санитарной службы Белорусского штаба партизанского движения Ивана Анисимовича Инсарова. В письме поведал о положении дел с медицинским обслуживанием в партизанской зоне, изложил наши первоочередные нужды, поделился своими соображениями по поводу улучшения медицинского обслуживания партизан и местных жителей. С этим письмом я ознакомил командование соединения, оно одобрило его.

Теперь оставалось ждать.

Вскоре нам передали, чтобы мы готовили посадочную площадку.

Забегая вперед, хочется рассказать о самом Иване Анисимовиче Инсарове. Этот незаурядный человек очень много сделал для нас, партизанских медиков, вообще для партизанской медицинской службы.

Лично я познакомился с Инсаровым гораздо позже, только в 1945 году. Но быстрая реакция на мое письмо, те практические шаги, которые вскоре за ним последовали, позволили уже тогда создать о нем мнение, как о человеке деятельном, быстро и правильно оценивающем ситуацию, умеющем выбирать самый оптимальный вариант решения любой задачи.

Когда была налажена регулярная связь с Большой землей и самолеты стали прилетать к нам довольно часто, не было случая, чтобы они не привозили хотя бы одного мешка с медикаментами. Распаковывая его, мы всегда удивлялись и радовались тому, с каким знанием дела, наших нужд и запросов комплектовалась каждая такая медицинская посылка.

Кроме того, прилеты самолетов с Большой земли играли и ту

важную, порой неоценимую роль, что мы могли своевременно эвакуировать в тыл тяжелораненых и тех, кто нуждался в срочной хирургической помощи. Сотни и сотни партизан были таким образом спасены от смерти.

Приведу несколько цифр, которые, на мой взгляд, очень ярко характеризуют объем работ, проделанный санитарным отделом Белорусского штаба партизанского движения. Только, например, с декабря 1943 по февраль 1944 года санотделом отправлена нам 181 тысяча кубических сантиметров различных вакцин, которыми было проведено около 35 тысяч прививок против сыпного тифа и около 45 тысяч прививок против других инфекционных заболеваний. За этот же период эвакуировано на Большую землю 6617 раненых.

Встретился я с Иваном Анисимовичем Инсаровым летом 1945 года в Белорусском штабе партизанского движения. Штаб этот продолжал еще существовать, хотя функции его несколько изменились. Теперь он решал вопросы, связанные с судьбами членов партизанских отрядов, медиков, с оформлением и выдачей различных документов, с трудоустройством вчерашних народных мстителей и т.д.

Помещение штаба находилось по Червенскому тракту, санитарный отдел располагался на втором этаже. Когда я поднялся туда, кто-то, узнав меня, крикнул: "А вот и Друян!". Иван Анисимович сидел в это время в кругу партизанских врачей, о чем-то оживленно с ними беседовал. Услышав мою фамилию, он быстро встал, направился ко мне.

- Так вот ты какой, Друян! - воскликнул он.

Я сам с нескрываемым удивлением рассматривал этого человека, о котором был очень высокого мнения. Передо мной стоял небольшого роста, плотный сорокалетний мужчина, несколько полноватый, круглолицый. Мягкий взгляд умных глаз, добродушная улыбка говорили, что человек этот отзывчивый, добрый по характеру.

Иван Анисимович тепло обнял меня, завел к себе в кабинет, и мы долго беседовали там. Его интересовало все: и то, как и где живу, каково состояние здравоохранения в районе, где работаю. Работал я тогда в одном из районов Брестской области - Каменецком, возглавлял там райздравотдел. Подробно, с живым интересом расспрашивал он о том, как сложилась послевоенная судьба многих других медиков соединения.

Он дал мне немало дельных советов, связанных с восстановлением здравоохранения в районе, подробно расспросил о наших нуждах, обещал помочь. И слово свое сдержал.

В 1948 году я узнал, что Иван Анисимович Инсаров назначен министром здравоохранения нашей республики. Я подумал тогда: "Кандидатура на этот высокий пост подобрана очень удачно".

Это было потом. А теперь? Невозможно описать то нетерпение, с каким мы ожидали самолет с Большой земли.

В глубоком лесу на острове Зыслов, в нескольких километрах от деревни Альбинск, партизаны оборудовали великолепную посадочную площадку. Выровняли ее, по углам наложили несколько куч хвороста для костров. Мы, медики, привезли сюда для отправки в тыл раненых, которые нуждались в сложной медицинской помощи.

И вот наступила эта долгожданная ночь! Уже с вечера возле посадочной площадки собралось немало партизан. Едва стемнело, все мы начали прислушиваться: не летит ли? Но долго небо было безмолвным. Около полуночи наконец услышали далекий рокот мотора. Мы стали жечь костры. Рокот быстро приближался, и вот самолет уже над головой. Он сделал круг над кострами, стал быстро снижаться, пошел на посадку.

Вот самолет уже на земле. Из кабины вылез летчик. К нему со всех сторон с радостными криками бегут партизаны. Люди плотным кольцом быстро окружили его, жмут руки, обнимают, все вместе забрасывают вопросами, а он смущенно улыбается, просит:

- Товарищи, товарищи... Надо разгружаться. Мне ведь до рассвета необходимо линию фронта пересечь.

Но чувствуется, что он тоже рад встрече, доволен, что прилетел, благополучно приземлился.

Стали выгружать багаж из самолета. Медики жадно прощупывали взглядами каждый груз. Ящики с оружием, взрывчаткой, патроны, газеты... И вот уже самолет пуст, надо вносить в него раненых.

- А где же медикаменты? - заволновались мы. - Неужели не прислали?

Летчик виновато развел руками:

- Нет. Разговора даже не было...

Потом выяснилось, что груз предназначался в другой адрес, где медикаменты не требовались. Летчику приказали буквально в последний перед взлетом момент изменить курс.

Очень разочарованные, мы наказали ему в следующий раз обязательно привезти медикаменты.

- Это уж точно! - твердо пообещал он. - Не я, так другой, но уж привезем обязательно.

В самолет внесли раненых. Он вырулил на взлетную полосу, благополучно оторвался от земли, взял курс на восток.

Партизаны долго еще махали вслед шапками. Потом принялись сортировать груз.

Для нас, врачей, снова наступили дни ожидания.

Недели через две по радио сообщили, что к нам вылетает второй самолет. Снова собираем хворост для костров...

В полночь знакомый гул раздался над лесом. Вспыхнули костры, самолет сделал над ними круг, но, к нашему удивлению, на посадку не пошел. Он лишь немного снизился, и вскоре над лесом один за другим раскрылись белые купола парашютов.

В ту ночь нам было сброшено 12 мешков груза. Полдня прошло, пока мы нашли их все, доставили в штаб соединения. На этот раз весь груз был специально для нас, медиков. Это - медикаменты, в которых мы так нуждались, перевязочный материал, немного хирургического инструмента. Всему этому мы были несказанно рады.

По распоряжению командования соединения все медикаменты, перевязочный материал, а также парашюты, которые с успехом можно было использовать вместо бинтов, распределили между партизанскими бригадами и отрядами.

Конечно, медикаменты, присланные с Большой земли, не могли полностью покрыть наши нужды, но все же оказались значительным подспорьем. Основным же источником для получения медикаментов служили полесские леса, целебные травы, которые в них росли, - наша партизанская аптека.

Еще одним источником были медицинские учреждения, где работали советские медики, которые по разным причинам не могли эвакуироваться и остались на временно оккупированной врагом территории. Как правило, это были патриоты, помогавшие нам чем только могли. Через связных и других подпольщиков они переправляли медикаменты в партизанские отряды. Зачастую при первой же возможности сами уходили в партизаны, прихватив с собой что-нибудь из медикаментов и инструментария.

Так оказался в партизанах, например, Михаил Дмитриевич Михейчик. До войны он практиковал в деревне Потичево Смолевичского района. Когда враг захватил родную деревню, сумел быстро наладить связь с партизанами, стал регулярно снабжать их медикаментами, перевязочными материалами. Немцы и полицаи стали подозревать его в этих связях. Над смелым доктором сгустились тучи, и он, прихватив с собой что мог из медикаментов, ушел в партизаны. Вскоре он стал одним из самых популярных партизанских врачей.

Примерно таким же образом оказались у нас в бригаде медицинская сестра Мария Даниловна Соколовская, врач Федор Михайлович Казакевич и многие другие.

О некоторых из них хотелось бы рассказать подробнее.

Федора Михайловича Казакевича война застала в Ленинграде, где он получал специальность стоматолога в военном зубоврачебном училище имени Н.А.Щорса. В первый же день воины молодой медик подает заявление в военкомат и уходит добровольцем на фронт. В октябре сорок первого в одном из тяжелых боев под Вязьмой его ранило осколком в голову. Когда пришел в себя, оказался уже в плену. Начались мытарства, через которые прошли многие из нас: несколько пересыльных лагерей, где чудом оставался жив, потом стационарный лагерь для военнопленных в Бобруйске.

Бобруйск - родина Казакевича. Отсюда он уезжал в Ленинград, здесь оставалась мать-старушка. Ему удалось каким-то образом подать ей весточку. И вот однажды утром мать оказалась у колючей проволоки. Тяжелой была эта встреча. В страшно худом, обросшем человеке, одетом в тряпье, с забинтованной головой мать едва узнала своего сына. А когда узнала, закричала: "Федя!" - и бросилась на проволоку. Тотчас же прикладом автомата была отброшена прочь.

Матери и сыну удалось сказать друг другу несколько слов. Федя попросил помочь ему вырваться из лагеря. Матери были известны случаи, когда комендант лагеря отпускал пленных по ходатайству родственников. Она пошла к нему. Но комендант в тот день был не в духе. Несмотря на то, что мать показала ему документы, свидетельствовавшие, что Федор Михайлович Казакевич - ее сын, он отказался отпустить пленного. Много пришлось ей походить к коменданту, много пролить слез! Наконец Федор пришел домой.

Вскоре Казакевич устроился зубным врачом в городской поликлинике и сразу же настойчиво стал искать связи с партизанами. Он знал, что в лесах под Бобруйском они есть. Не раз они давали о себе знать смелыми диверсиями и налетами на врага. Но как к ним попасть?

Помог случай. Однажды на прием к зубному врачу пришел подвыпивший полицейский Роман Макеев. Пока Казакевич осматривал больного, готовил инструмент, чтобы выдернуть зуб, болтливый полицейский успел похвалиться, что партизанам вот-вот наступит конец. В Бобруйске, мол, формируется большой карательный отряд эсэсовцев, который готовит крупную вылазку против партизан.

- В этой карательной операции, - сообщил Макеев, - будут участвовать даже танки.

Полицейский ушел, а Казакевич в тот день больше уже не принимал больных. Дома он сказал матери, что уходит к

партизанам. Он торопился, нужно было до наступления комендантского часа выбраться из города.

Казакевич шел к партизанам не с пустыми руками. Весть, которую он нес, помогла бы им своевременно принять контрмеры. Но в тот раз к партизанам он не попал. Когда подходил к деревне Киселевичи, вдруг из кустов услышал резкий окрик:

- Хальт! Хенде хох!

На дорогу выбежали немцы с автоматами. Казакевич напоролся на засаду.

Его привели в Бобруйск, бросили в тюремную камеру. Два дня арестованного никуда не вызывали, а на третий повели на допрос. Допрашивали в помещении СД, которое обосновалось в бывшем здании кинотеатра. Следователь долго допытывался, куда шел Казакевич, зачем. И неизменно получал один и тот же ответ:

- Выпимши был, господин обер-лейтенант... А пьяного человека, сами знаете, водка ведет. Вот и заблудился...

Улик против Казакевича не было никаких, его снова вернули в камеру.

Через несколько дней всех арестованных, а их было 18 человек, отвезли на станцию Березина, погрузили в вагон и отправили. Ночью Казакевич на ходу поезда выпрыгнул из вагона. До утра шел по лесу, а когда рассвело, решил день отсидеться в копне сена. Залез поглубже и уснул. Проснулся под вечер. Вылез из сена и увидел на лугу четырех в гражданском, но с винтовками. Это была диверсионная группа Николая Семенчука из отряда имени Ворошилова нашего соединения. Подрывники возвращались с задания. Казакевич вышел им навстречу...

Так мы заполучили первого в бригаде зубного врача. Теперь партизанам можно было оказывать квалифицированную стоматологическую помощь.

Нелегок был путь к партизанам и медицинской сестры Ирины Гордеевны Калиновской, моей первой помощницы. Родилась она в местечке Старосельцы Белостокской области. Каторжной была жизнь белорусов под гнетом помещичье-буржуазной Польши. Тяжело было белорусским детям получить образование, еще труднее - найти работу. Родители Ирины решили наперекор всем трудностям вывести дочь "в люди". Способная девочка окончила Старосельскую среднюю школу, поступила в фельдшерское училище в Вильно. За учебу надо было платить, а денег родители не имели. Ирина пошла работать санитаркой в городскую больницу.

Несмотря на все трудности, Ирина успешно окончила фельдшерское училище, поступила работать в Белостокскую

городскую больницу, а перед самой войной перешла в военный госпиталь. Самым большим событием в жизни молодого фельдшера было установление Советской власти в районах бывшей Западной Белоруссии. Теперь она наконец смогла забрать к себе родителей, зажить счастливо. Но счастье это было недолгим. Началась война. В первый же день в госпиталь стали поступать раненые, а 26 июня был получен приказ эвакуироваться.

Ирина сопровождала машину с ранеными в Минск. Были уже недалеко от города, когда узнали страшную весть: в столице враг, дорога перерезана немецкими танками. Те, кто мог самостоятельно передвигаться, ушли через леса и болота на восток. Но в машине были и тяжелораненые. Ирина решила остаться с ними, разделить их участь.

Захватив машину, немцы направили ее в Слуцк, в лагерь для военнопленных. Впереди и сзади шли машины врага. Двигались в темноте. Немцы тщательно соблюдали светомаскировку. Воспользовавшись темнотой, на одном из поворотов, когда машины фашистов потерялись из виду, Ирина приказала шоферу свернуть на проселок и остановиться в лесу. Побег оказался удачным. Фашисты не заметили исчезновения машины.

Так они очутились в селе Шищицы. Здесь добрые люди накормили раненых и их смелую проводницу, переодели всех в гражданскую одежду и посоветовали Ирине везти людей в Гресскую больницу. Сказали, что главврач больницы Юрий Георгиевич Войчик в беде не оставит.

Ирина послушалась совета. Юрий Георгиевич действительно тепло принял раненых, разместил их по палатам вместе с больными местными жителями. Предложил Ирине работать в больнице санитаркой. Жить она стала у медсестры Фени Тарасевич, матери троих детей. Работала самоотверженно, делала все, чтобы поскорее поставить своих раненых на ноги. Но позже стала выполнять и другие обязанности.

Юрий Георгиевич Войчик создал подпольную группу, куда кроме Ирины вошли и другие медработники: Лида Ковалева, Аня Соболевская, Феня Тарасевич, Мария Паткевич, Галина Жук, Иван Клебанович со своей семьей. Подпольщики начали понемногу активизировать свои действия.

В обязанности Ирины входило держать связь с людьми, которые доставали оружие для бойцов, направляемых после выздоровления к партизанам. Винтовки и боеприпасы она получала в деревне Поликарповка у подпольщиков Виктора Тишкевича и Василия Матусевича. Оружие приносила домой в разобранном виде. А ночью приходили выздоравливающие,

собирали его и уносили в больницу. Ирине не раз приходилось спать на койке, где под матрацем лежало оружие.

В сентябре сорок первого бывшие раненые организовали под Греском партизанский отряд. Командиром стал Виктор Курганов. В армии он был политруком. Комиссаром - Алексей Тишкевич. С этим небольшим отрядом Ирина держала постоянную связь, информировала его о всех намерениях и делах фашистов в гресском гарнизоне.

В начале октября немцы привезли в больницу тяжелораненого лейтенанта Михаила Михайловича Лебенкова. Прикрывая отход партизан, он был ранен в грудь и руку, потерял сознание и был схвачен фашистами. Положение раненого казалось безнадежным. Несколько суток он не приходил в сознание, но каждый день немцы справлялись о состоянии лейтенанта. Они надеялись получить от него сведения о расположении партизанского отряда и его численности. Весь персонал больницы ухаживал за Лебенковым, делал все, чтобы спасти ему жизнь. И он выжил, стал поправляться. А в своих докладах немецкому офицеру главврач сообщал, что раненый в плохом состоянии, вот-вот умрет.

Когда лейтенант пришел в себя, Юрий Георгиевич рассказал ему о подпольной группе, попросил помочь установить связь с партизанским отрядом. Лебенков дал пароль для явки, указал местонахождение отряда. На встречу с комиссаром была направлена Ирина. Встретились они в деревне Гацуки. Ирина рассказала комиссару о том, что Лебенков у них в больнице, поправляется, но не сегодня завтра немцы могут взять его на допрос.

Тут же был разработан план возвращения Лебенкова в отряд. Ирина должна была переправить его из больницы в деревню Камень. Лебенков благополучно вернулся к своим.

На следующий день главврач доложил немцам, что больной убежал. Гитлеровцы заподозрили неладное. Они установили слежку за Ириной. Чтобы отвести подозрение от остальных членов группы, Юрий Георгиевич разрешил ей уйти в партизаны. Решение оказалось своевременным. Только Ирина вместе с последней группой выздоравливающих покинула больницу, явились немцы. Ничего не подозревавшая Ирина отвела своих людей к партизанам и вернулась в больницу, чтобы взять немного медикаментов и бинтов. Едва ступила на порог, как медсестра Лида Ковалева, дежурившая в ту ночь, тревожным шепотом сообщила:

- На твоей квартире засада... Беги!

Ирина вернулась в отряд.

Своим путем пришел к партизанам и немецкий батальонный врач Ганс Виер. Мобилизованный в фашистскую армию в первые дни войны, он долго и настойчиво искал удобного случая, чтобы оказаться в стане борцов с фашизмом. Наконец такой случай представился. В тимковичский гарнизонный госпиталь немцы положили захваченного в плен тяжелораненого партизана. Они надеялись заполучить от него необходимые сведения об отряде, в котором он сражался.

Виер выходил раненого, а когда тот смог уже самостоятельно передвигаться, признался, что готов сам перейти к партизанам. Они бежали вдвоем, захватив с собой батальонную аптеку. Виер стал работать врачом в отряде имени Щорса.

К середине 1943 года наше соединение значительно пополнилось медицинскими работниками. Теперь уже можно было вплотную Заняться вопросами усовершенствования структуры санитарной службы в бригадах и отрядах.

Структуру санитарной службы в нашем Минском соединении установили следующим образом. Во главе стоял начальник санслужбы соединения, которому подчинялись начальники санитарных служб бригад. В каждом отряде также был начальник санитарной службы, имевший в своем подчинении фельдшера или медицинскую сестру и несколько санинструкторов.

В 1942 году, когда минские и полесские партизаны были объединены в одно Минско-Полесское соединение, главврачом у нас был заслуженный врач БССР Василий Парфенович Лаптейко. Я исполнял обязанности его заместителя. После разделения В.П.Лаптейко стал начальником санитарной службы Полесского партизанского соединения, я же остался в Минском. В мае 1943 года в связи с формированием комсомольско-молодежной бригады, которую намечалось послать еще глубже в тыл противника, меня перевели в бригаду имени Гуляева, где в то время командиром был Андрей Тихонович Чайковский. Этой же бригаде подчинили отряд имени Ворошилова под командованием Владимира Кирилловича Яковенки.

После моего перевода в бригаду имени Гуляева санитарную службу в Минском соединении возглавил начальник санслужбы партизанской бригады имени Пономаренко С.М.Швец. Семен Миронович был наиболее опытным из нас. Небольшого роста, курносый, с пышной шапкой каштановых волос, он немного прихрамывал. Хромота - результат перенесенного перелома, полученного во время спортивных занятий в военной школе, где он готовился стать кадровым командиром. Несмотря на это, был он очень деятелен, подвижен, за день успевал сделать так много, что мы удивлялись, когда он отдыхает!

Сын бедного сапожника, он с детства мечтал стать военным. Казалось бы, мечта его осуществляется - поступил в военную школу, успешно ее заканчивал.

Идея посвятить себя медицине появилась у Семена Мироновича во время болезни, связанной с переломом ноги. После выздоровления в 1931 году он поступил в Минский медицинский институт, а в 1936 году успешно его окончил.

Врачебную деятельность начал в Холопеничской районной больнице. Потом был переведен главврачом в Логойскую районную. Здесь и застала его война.

С первых же дней - в рядах Красной Армии. 5 июля 1941 года полк, в котором служил Швец, попал в окружение в районе Бобруйска. С большим трудом Семену Мироновичу удалось избежать плена. Переодевшись в гражданскую одежду, он подался в Глуск, по по дороге несколько раз наткнулся на фашистов и решил уйти в славковичские леса. Здесь и встретился с партизанами отряда А. И. Далидовича. Вскоре отряд вырос в бригаду, где Швецу поручили возглавить санитарную службу.

Много сделал этот опытный врач для улучшения лечения и профилактики в отрядах бригады. И оперировал он, так же как и мы, очень часто, и изыскивал средства для консервативной терапии ряда заболеваний, и готовил санитарных инструкторов для взводов и отделений. И все это не в ущерб своей деятельности на посту начальника санитарной службы бригады.

В мае 1943 года мы с ним расстались, а снова встретились лишь спустя 25 лет. За эти годы Семен Миронович очень постарел, однако своего служения медицине не оставил. Он продолжает лечить больных в одной из клиник Минска.

Долго сидели мы с ним за чашкой чаю, вспоминали те суровые годы, боевых друзей, коллег-медиков. В тот вечер рассказал мне Семен Миронович случай, о котором раньше никогда не упоминал. Хочется кратко пересказать его.

Это произошло осенью 1943 года. Я в то время со своей бригадой был в районе пинских лесов, Швец оставался в деревне Репин при штабе Минского соединения. Немцам каким-то образом стало известно, что в деревне располагается штаб соединения. Они решили одним ударом его уничтожить. И вот однажды ясным осенним утром на деревню налетели самолеты врага, стали безжалостно ее бомбить. Много в тот день было жертв среди партизан, особенно среди мирных жителей - женщин, стариков, детей.

Всю ночь, ни на минуту не прерываясь, врач оказывал помощь пострадавшим. К утру все раненые партизаны и местные жители были рассредоточены по отрядам. Такая мера предосторожности

оказалась своевременной. Когда Швец со своими помощниками последним покидал деревню, с другого конца в нее ворвались фашисты. Но они нашли лишь пустые хаты.

Начальники санитарных служб бригад, как правило, были хирургами и, естественно, помимо своих служебных обязанностей, продолжали оказывать раненым, местным жителям медицинскую, а при необходимости и хирургическую помощь. Кроме того, они были в ответе за состояние противоэпидемической работы, объем которой также неуклонно возрастал.

Конечно, наиболее сложные виды операционной помощи оказывались в бригадном госпитале. Но если уровень подготовки бригадных врачей не позволял сделать нужную операцию, то приглашался более опытный хирург из штаба соединения соседней бригады. Наконец, если все же своими силами мы не могли оказать должной помощи раненому, он отправлялся на Большую землю самолетом.

Все неотложные операционные вмешательства бригадные врачи осуществляли непосредственно в отрядах, где были свои санчасти. Там же мы обеспечивали и различную консультативную помощь раненым и больным партизанам. Но в любом случае для всех наших медико-санитарных подразделений характерной была большая маневренность, при которой обязательно обеспечивались правильный метод лечения и сохранность медикаментов, инструментария.

Немало было случаев, когда при сложных ситуациях нам приходилось прятать в лесных тайниках медикаменты и инструментарий, а потом, после разрядки обстановки, доставать их. Довольно часто раненых и тяжелобольных переносили на труднодоступные островки в болотах, оставляли при них медицинского работника, а потом возвращались за ними.

10 мая 1943 года я прибыл в расположение 99-й партизанской бригады имени Гуляева, которая дислоцировалась в Славковичском сельсовете Глусского района. Штаб бригады размещался в лесу, в урочище, которое партизаны назвали гуляевскими лагерями. Приехал я туда на повозке, привез с собой немного медикаментов, небогатый свой хирургический инструментарий, пару парашютов. Вместе со мной прибыла медсестра Мария Леонтьевна Вежновец, с которой мы незадолго перед этим поженились.

Командир бригады Андрей Тихонович Чайковский и начальник штаба Василий Максимович Середин встретили нас очень радушно. Знакомиться нам не нужно было, до этого мы не однажды встречались в штабе соединения, поэтому разговор

сразу принял деловой характер. Андрей Тихонович рассказал о задании, полученном в связи с рейдом бригады по тылам противника, сообщил о задачах, которые встают перед санитарной службой. В частности, он известил, что положение мое несколько облегчается тем, что местных партизан, которые связаны с семьями, и бойцов более пожилого возраста решено не брать в этот трудный переход, бригада обновляется более молодыми народными мстителями.

- А в остальном, - продолжал он, - ничего утешительного сказать не могу. Бои предстоят тяжелые, а у нас на четыре отряда до тебя не было ни одного врача и всего два средних медработника - Вера Мартинович и Юлия Пантелеенко. Не могли они справиться вдвоем, обходились частенько самопомощью. Так что работы тебе хватит. Ну, отдыхай, а завтра за дело!

Разместили нас в отдельной землянке. Весь вечер Мария устраивалась на новом месте, потом, усталая, уснула, а ко мне сон долго не шел. Все размышлял о том, с чего же начинать работу в бригаде, как организовать дело, чтобы от каждого медработника добиться наибольшей отдачи. Ведь, собственно, начинать нужно было на пустом месте.

Утром явился к комбригу, попросил разрешения приступить к знакомству с отрядами.

- Хорошо, - ответил Андрей Тихонович. Потом подозвал к себе молодого паренька.

- Вот тебе в помощь Ванюшка. Парень шустрый, смекалистый, исполнительный. Подучи его вашему делу, будет он тебе хорошим помощником.

Андрей Тихонович не ошибся, Ванюшка действительно оказался исполнительным и добросовестным хлопцем. Стал он хорошим санинструктором, прекрасным эвакуатором, то есть человеком, который при боевых операциях сопровождал раненых с поля боя к медпункту.

С Иваном мы побывали во всех четырех отрядах бригады, познакомились с медсестрами Верой и Юлией. Из рассказов девушек узнал, что они делали все: и на поле боя перевязывали раненых, и на своих плечах выносили их к медпункту, и лечили как могли. А при необходимости звали на помощь доктора Швеца. Они искренне были рады тому, что в бригаде появился свой врач, обещали оказывать мне всяческую помощь и поддержку.

Познакомился я и с командирами отрядов - Цикунковым, Грабко, Хорохуриным и Крюком. Поговорил с каждым. Все они также обещали мне содействие и поддержку.

Возвратившись в штаб бригады, изложил Андрею Тихоновичу

свои соображения по поводу мероприятий, которые предстояло осуществить прежде всего. Во-первых, необходимо создать бригадный госпиталь. Для этой цели надо выделить три землянки. Одна - для операций и перевязок, вторая - для размещения раненых и больных...

- Не много ли? - усомнился Чайковский.

- А третья, - продолжал я, - будет предназначена для инфекционных больных. Таким образом, мы получим возможность госпитализировать всех раненых и тяжелобольных. Часть землянки, где живем мы с Марией, отведем под аптеку. При каждом отряде будет своя санчасть, а в каждой роте по меньшей мере должен быть один санинструктор.

- Вот слушаю я тебя, доктор, - вмешался в разговор начальник штаба Середин, - и думаю: наверное, у Друяна в лесу где-то медицинский институт запрятан. Госпиталь... В каждом отряде своя санчасть... Санинструкторы в ротах... Где же ты людей возьмешь?

- Вот об этом я и хотел с вами поговорить, - подхватил я. - Для начала надо правильно распределить те кадры, которые у нас есть. Не обязательно Вере и Юлии работать вместе, это лишь усложняет дело. Пусть одна пойдет к Хорохурину, а вторая - к Крюку. Мария пусть будет медсестрой у Цикункова, а что касается Грабко, то у него есть две подрывницы... Немного их подучить вот вам и два санинструктора. А вообще, подготовка санинструкторов - наша первейшая задача, - закончил я.

- Что же, все резонно, - развел руками Чайковский. - Возразить ничего не могу.

Далее попросил, чтобы мне выделили одного человека для организации питания больных и раненых и повозку. И, наконец, напомнил командованию, что необходимо серьезнейшим образом подумать об организации медицинской помощи местному населению.

Вопрос о медицинском обслуживании населения на временно оккупированной территории был у нас одним из самых важных. Ведь немецкие оккупационные власти не заботились о людях, которые оказались у них в тылу. Наоборот, многие официальные документы, теперь нам известные, убеждают, что постепенное истребление белорусского народа было запланировано гитлеровцами. Поэтому о сохранении здоровья мирных жителей нужно было в первую очередь думать нам, партизанским медикам. И помимо всего прочего, любой случай вспышки инфекционных болезней среди мирных жителей мог грозить и нам, партизанам, потому что контакты с населением у нас всегда были очень и очень тесными.

Не удивительно, что медицинская помощь населению у нас предписывалась соответствующими приказами. Вот что, например, говорилось в приказе No 21 от 21 июля 1943 года: "...Медперсоналу бригады два раза в педелю по средам и субботам организовывать в деревнях дислокации отрядов амбулаторный прием гражданского населения с 12.00 до 15.00...".

В соответствии с этим во время остановки отрядов в деревнях мы размещали нашу медчасть по хатам таким образом, чтобы можно было организовать нормальное лечение не только раненых и больных партизан, но и гражданского населения.

План мой был полностью одобрен командованием бригады, в помощь выделено необходимое количество людей, для операционной и перевязочной начали строить землянку. К концу мая она была построена, получилась просторной и светлой. Потолок и стены мы обили парашютной тканью, в центре поставили операционный стол, который одновременно служил и перевязочным. Кроме того, партизаны соорудили мне небольшой столик для инструментов и шкаф для медикаментов. Не раз посещал эту землянку Андрей Тихонович Чайковский и всегда оставался доволен.

Вообще, надо отметить, что в становлении санитарной службы бригады Андрей Тихонович принимал самое деятельное участие. В решении любого вопроса он всегда шел мне навстречу, помогал как только мог. Отвага и решительность сочетались в этом человеке с безграничной добротой к людям. Сибиряк, попавший в окружение на белорусской земле и оставшийся здесь воевать, он пользовался огромным уважением среди партизан.

Параллельно с решением вопросов, связанных с лечением больных и раненых, я приступил к подготовке группы санинструкторов. Для этой цели в отрядах было отобрано несколько женщин и молодых парней. В июне состоялся первый выпуск. Мы подготовили 19 санинструкторов, научив их быстро и правильно накладывать асептическую (стерильную) повязку, жгут, шину или лубок при переломах, вообще на поле боя оказывать первую неотложную помощь раненому. Таким образом, теперь уже не только роты, но и большинство взводов имели своего санинструктора.

Постепенно в бригаде сложилась следующая схема ее санитарной службы. При штабе бригады был начальник санитарной службы, которому подчинялись начальники санитарных частей всех четырех отрядов. Санчасть отряда объединяла ротных медсестер или санинструкторов. Начальник санслужбы бригады являлся одновременно и начальником госпиталя. В бригадном госпитале имелись операционное,

терапевтическое и отдельно инфекционное отделения. Была у нас также небольшая аптека, которой заведовала Мария Вежновец.

Санитарная служба бригады значительно окрепла после того, как в нее влился отряд имени Ворошилова. Произошло это в сентябре 1943 года. Возвратившись как-то из очередной поездки в отряд имени Жукова, я застал возле штаба необычное оживление. В чем дело? Оказывается, в бригаду прибыл отряд имени Ворошилова. Я соскочил с коня, передал санитарную сумку Ивану, заторопился в штаб. Здесь тоже было многолюдно. Среди наших командиров много незнакомых мне людей. За столом Андрей Тихонович Чайковский и человек, которого я где-то видел. Но где? Вот человек со знакомым лицом поднял на меня глаза, обрадованно заулыбался, воскликнул:

- А-а, доктор! Вот и снова встретились!

Я наконец вспомнил. Яковенко! Владимир Кириллович, командир отряда имени Ворошилова. Помнится, мы несколько раз встречались, когда я работал при штабе соединения. Он заходил ко мне попросить немного медикаментов, перевязочного материала. Но теперь Яковенко оказался моим непосредственным начальником. По приказу командования соединением Владимир Кириллович назначался командиром бригады, Андрей Тихонович Чайковский стал комиссаром, Василий Максимович Середин оставался в должности начальника штаба.

С приходом к нам отряда имени Ворошилова значительно укрепился и состав медработников бригады. К нам пришли два опытных врача - Дементьева и Казакевич, медицинские сестры - Сергейчик, Шудро, Соколовская. Теперь уже три отряда имели своих врачей, в каждом было по две медсестры.

На следующий день новый комбриг объездил отряды, познакомился и с нашей медслужбой. Он положительно отозвался о работе медиков, одобрил структуру санслужбы бригады. Побеседовал с медицинскими сестрами, с больными и ранеными, дал нам несколько советов. Потом обратился ко мне:

- Вот что, доктор! Со своими заботами приходи ко мне в любое время дня и ночи. Здоровье наших людей - на первом месте!

Слова эти мне понравились. И как я позже убедился, Владимир Кириллович всегда был хозяином своего слова.

Помню, первое знакомство с Яковенко состоялось в октябре 1942 года. Однажды рано утром, вскоре поели получения с Большой земли партии медикаментов, в медчасть соединения, прихрамывая, вошел молодой человек в белом полушубке, при полном вооружении. Приятной наружности, подвижный, умные с хитринкой глаза. Присел на табурет, стал рассказывать:

- Бой был жаркий, гитлеровцам всыпали как следует. Но сам понимаешь, доктор, и у нас много раненых...

Беседа свелась к тому, с чем в то время приходили все командиры отрядов: как получить побольше медикаментов, перевязочных материалов.

Я выделил ему, что мог. Яковенко ушел довольный. Мне тогда он понравился своей хитринкой, за которой угадывалась большая доброта к людям, обаятельной улыбкой, логичностью и убедительностью доводов. Еще подумал тогда, что хорошо было бы работать в одном коллективе с этим человеком.

И вот новая встреча. Я рад был ей, потому что знал - и в роли начальника Владимир Кириллович будет таким же принципиально требовательным, заботливым и внимательным. О том, что командир он незаурядный, я слышал давно.

Действительно, с его приходом бригада значительно усилила боевую активность. Все чаще отряды стали уходить на выполнение боевых заданий. Конечно, увеличилось количество раненых, но к тому времени санслужба бригады значительно окрепла и каждому раненому мы могли уделить максимум внимания.

Выходец из простой крестьянской семьи, Владимир Кириллович до войны окончил деревообрабатывающий техникум, активно посещал аэроклуб. Его влекло к себе небо, и когда на нашу страну напали фашисты, он уже был авиатором. В одном из боев с гитлеровскими стервятниками самолет, на котором Яковенко был воздушным стрелком-радистом, сбили, сам он получил тяжелое ранение. Его подобрали местные жители, выходили, помогли связаться с подпольной группой Химичева в Бобруйске.

Так началась патриотическая деятельность Владимира Кирилловича в тылу врага. Когда руководство подпольем послало его в партизаны, он быстро вырос от рядового бойца до командира отряда.

О раненых заботились все, особенно комбриг.

Однажды взрывом гранаты было ранено десять партизан. Их доставили сначала в деревню Стрижи, где оказали первую помощь, затем переправили в деревню Зорька, где мне с медсестрами Вежновец и Огур пришлось провести у коек раненых более двух суток.

Мы сделали все, что смогли, но нескольким раненым требовалась более квалифицированная медицинская помощь, которую можно было оказать только на Большой земле. Владимир Кириллович быстро организовал транспорт для переправки раненых в деревню Зорька, затем по его инициативе собрали

необходимый перевязочный материал у местного населения. А когда было окончательно установлено, что некоторые раненые нуждаются в срочной транспортировке на Большую землю, немедленно выехал в штаб соединения. И все тяжелораненые были своевременно эвакуированы в советский тыл. Как мы потом узнали, все они выздоровели. Лишь один человек умер в самолете в результате внезапного легочного кровотечения.

Выполняя различные боевые задания, бригада много и часто перемещалась. И каждый раз приходилось оборудовать новый пункт санитарной службы: то ли строить землянку, то ли приспосабливать хату в деревне, то ли сарай. Но всегда к началу боевых действий госпиталь наш был готов к приему раненых. И в нем обязательно была операционно-перевязочная комната.

Даже при относительно спокойной обстановке мы всегда строили в лесу, неподалеку от деревни, запасную санчасть. Это гарантировало нас от любых неожиданностей.

Например, когда мы располагались в Славковичском сельсовете, санчасть была развернута в деревне Зорька. Местные жители уступили нам большую двухкомнатную хату. В одной комнате по традиции разместилась операционно-перевязочная, во второй - аптека и приемная. Всех раненых и больных мы разместили по хатам. Казалось бы, условия неплохие, но все равно в лесу, в нескольких километрах от деревни, в лагере бригады одну землянку мы отполи под санчасть. Эта землянка потом нас здорово выручила.

Вскоре в большинстве бригад Минского соединения были оборудованы госпитали, которые располагались на их основных базах. А там, где позволяли условия, небольшие госпитали были организованы в отрядах. Например, в отряде "Гвардеец" был развернут стационар на 8 коек, во 2-м отряде "Большевик" небольшой стационар для общих больных и изолятор на 12 коек для инфекционных больных. В 1-м отряде "Большевик" было два отделения - для общего профиля и инфекционных больных, на 8-12 коек каждое. А в бригаде "Железняк" кроме двух стационарных отделений для больных общего профиля устроили изолятор на 5 коек для инфекционных больных.

В декабре 1943 года весь командный состав вызвали в штаб бригады на совещание. Накануне Яковенко, Чайковский и Середин побывали в штабе соединения. Следовательно, решили мы, предстояло новое боевое задание. Так оно и оказалось. Когда все собрались, комбриг сообщил, что штаб Минского соединения на основании указаний ЦК Компартии Белоруссии перемещает ряд партизанских бригад из восточных районов в западные. Это вызвано приближением фронта. Наша бригада уходит в

Брестскую область. На месте остается лишь отряд имени Жукова, где командиром Алексей Крюк.

Путь предстоял нелегкий. Рейд мы должны совершить через районы с частыми вражескими гарнизонами. Бросок предполагался километров на пятьсот, в зимнюю стужу, местами по бездорожью Поэтому нужно подготовить санитарный обоз, вооружение, продукты питания и т.п.

- Тебе, доктор, тоже есть над чем подумать, - обратился ко мне Яковенко. - Чтобы в дороге никаких ЧП...

Я это хорошо понимал и, возвратившись к себе, стал тщательно обдумывать, как лучше подготовиться к предстоящему рейду. Нужно было в первую очередь предпринять ряд мероприятий для предупреждения отморожений, с учетом этого укомплектовать санитарные сумки всем необходимым. Предстояло идти по незнакомой местности, переходить через активно действующие железные и шоссейные дороги, по льду через реки с сотнями тяжело нагруженных саней. И каждый такой рубеж таил в себе любые неожиданности. Ко всем им мы должны быть готовы...

Назавтра я собрал всех медиков бригады. Снова обсудили вопросы, связанные с предстоящим походом. Договорились, что в каждом подразделении проведем беседы с бойцами, где основной упор сделаем на профилактику отморожений. Главное для всех - больше двигаться, меньше ехать, у тех, кто недостаточно тепло обут, ноги должны быть смазаны говяжьим жиром или специальной жидкостью, которую мы начали готовить. Медики обязаны проследить, чтобы к началу похода было заготовлено как можно больше унт из говяжьих кож, которые можно было бы надевать прямо на основную обувь.

Особое внимание уделили раненым. Для тех, кто не сможет самостоятельно передвигаться, начали заготавливать различные одеяла, ряднушки, зипуны. Проследили также, чтобы в каждые сани положили достаточно соломы.

На случай предстоящих боев каждый начальник санслужбы отряда создал определенный запас медикаментов, перевязочных материалов, шин для иммобилизации при переломах конечностей. Типовых проволочных шин у нас не было, заготавливали импровизированные - лубки из обрезков фанеры, дубовой коры и т.д.

Объем работ оказался большим, а сроки были ограничены. Но помогали нам все партизаны. Особенно отличились наши славные разведчики - Саша Четверяков, Николай Дешевой, Николай Семенчук и другие. Они постарались достать побольше перевязочного материала, медикаментов, инструментария. Таким

образом, к началу похода мы располагали вполне удовлетворительным запасом необходимых медикаментов.

Так, набор каждой санитарной сумки состоял из 15-20 индивидуальных пакетов, 8-10 штук шин-лубков, 2 жгутов из парашютных тросов, 100 граммов ваты, флакона йода и валерианы, настоенной на самогоне, 50 граммов специальной мази для профилактики отморожений. Кроме того, начальники санслужб отрядов имели дополнительно кое-какой инструментарий, а я вез набор инструментов, сделанных Тенгизом, приобретенных разведчиками или присланных с Большой земли.

Для обслуживающего персонала нашей медчасти командование бригадой выделило десять саней.

Через несколько дней пути мы вошли в леса Стародорожского района, где вскоре встретились с партизанами бригады имени Александра Невского. Этой бригадой до своей героической смерти командовал Дмитрий Гуляев, имя которого носила наша бригада.

Товарищи по оружию встретили нас радушно, разместили на отдых в деревне Долгое. Пока рейд проходил благополучно. Никаких ЧП не произошло, все были здоровы. Хорошая подготовка к походу оправдывала себя. Мы осмотрели каждого бойца и убедились, что наставления наши выполняются строго.

Отдохнув, двинулись дальше. Ночью тихо, без боя перешли железнодорожное полотно и вскоре были у районного центра Телеханы Пинской области. Разведчики сообщили, что там располагается крупный немецкий гарнизон. Но городок как раз на нашем пути, обходных дорог мы не знали, и командование бригады приняло решение разгромить гарнизон.

Первой на штурм двинулась ударная группа во главе с начальником бригадной разведки Сашей Четверяковым. Без выстрела она заняла мост, броском ворвалась в городок. Здесь завязался бой. Но немцы не выдержали натиска, отстреливаясь, стали отходить в сторону Пинска.

У нас появились раненые. Им мы оказывали первую помощь на медпункте, который развернули в полукилометре от Огинского канала.

К полуночи райцентр освободили от врага. На улицы хлынул народ. До этого партизан здесь никто не видел, лишь слышали о них. И вот наконец перед местным населением настоящие партизаны. Вначале жители отнеслись к нам довольно настороженно, ведь немцы долгое время вдалбливали им, что партизаны - бандиты и насильники. Но когда мы стали раздавать продукты из запасов, отбитых у врага, недоверие растаяло.

За счет немецкой аптеки мы пополнили свои запасы медикаментов и перевязочного материала.

Бригада пробыла в Телеханах несколько дней и провела это время не напрасно. Командиры, политработники встречались с местным населением, рассказывали об успехах партизанского движения на временно оккупированной территории, о положении на фронте. Медики организовали прием больных, которых, кстати, было здесь немало. Это еще больше укрепило наш авторитет среди жителей. Когда оставляли районный центр, провожать нас вышло почти все население. Нам жали руки, желали успехов в боях с фашистами.

Через двое суток мы достигли Мотоля и остановились в деревне Тышковичи. Руководство бригадой посетило штаб Брестского соединения. Возвратившись, сообщило, что на ближайшее время Тышковичи становятся нашей основной базой. Нам поставили задачу - проводить диверсии на железнодорожных коммуникациях Брест - Лунинец, Барановичи - Лунинец, Брест - Барановичи. Именно по этим дорогам шло снабжение вражеских войск, находящихся на фронте.

В соответствии с полученным заданием было организовано и медицинское обслуживание. С каждой уходящей на задание группой посылался один медработник. В деревне Тышковичи в одной из хат мы оборудовали перевязочную и аптеку, несколько домов отвели для размещения раненых и больных. Кроме того, на одном из островов в болотистых лесах неподалеку от фольварка Миничи построили два помещения, где планировали разместить инфекционных больных. В случае острой нужды эти помещения можно было использовать и для размещения раненых.

Остров был неприметным со стороны, в случае временного ухода из зоны раненых и больных можно было оставить на нем до нашего возвращения. Завезли необходимый запас медикаментов и продуктов.

Вскоре в связи с вражеской блокадой мы покинули Тышковичи. Основным местом дислокации стал район Телехан. В большом лесу недалеко от Святой Воли оборудовали новую базу. Приступили к строительству госпиталя. Землянку сделали просторной, светлой, изнутри обили парашютной тканью. Партизанские умельцы смастерили стол для перевязок и операций, сделали топчан, столик для инструментария.

Рядом с операционной соорудили еще две землянки для общих больных, немного в сторонке - землянку для инфекционных, в основном тифозных больных, которые с весны 1944 года стали у нас появляться.

Таким образом, под Телеханами мы имели целый

больничный городок. Медицинское обслуживание партизан снова было организовано на должном уровне.

В конце 1943 и начале 1944 года основной заботой медицинских работников бригады стало поддержание строгого санитарно-эпидемического режима партизанами. Угроза заноса паразитарных тифов, других инфекционных заболеваний была очень значительной. Местное население находилось в очень тяжелом положении. Скученность в жилых помещениях, отсутствие даже самого необходимого минимума моющих и дезинфицирующих средств - все это способствовало возникновению таких грозных эпидемических заболеваний, как сыпной тиф и другие.

Фашисты между тем сознательно способствовали распространению этих болезней среди населения.

Огромный объем работ провели партизанские медики, чтобы не допустить распространения инфекционных болезней. А ведь нам пришлось труднее, чем медикам регулярной армии. Там обязательно функционировали специальные подразделения, такие, как банно-прачечные дезинфекционные поезда, дезинфекционные отряды и бани, обмывочно-дезинфекционные роты. Мы, естественно, всего этого были лишены. И приходилось эту задачу решать исходя из наших возможностей.

В каждом отряде, где бы он ни останавливался, первым делом оборудовали обычную русскую баньку, с камушками, большим котлом. Вместо котла зачастую применяли обычные металлические бочки. Выделяли специальных истопников, и весь личный состав бригады получал возможность не реже одного раза в декаду побывать в баньке с парком. За регулярностью банных дней следили медики.

Кроме того, для бойцов, которые возвращались с задания, обязательными были следующие профилактические мероприятия: каждый тщательно вымывался в бане, все белье отдавал в стирку и утюжку, одежду пропаривал в той же бане или в обычной русской печи. Делалось это так. Печь хорошо протапливалась, потом из нее выгребался жар, на пол клали металлические бруски, на них белье. Таким образом в два приема пропаривали одежду для 8-10 человек.

Белье перед стиркой всегда проваривалось. В деревнях с этим было проще. В лесу же приспосабливали бочки, чаны.

Если боец, возвратившись с задания, чувствовал недомогание или у него повышалась температура, он немедленно помещался в изолятор, а на лиц, которые были с ним в контакте, накладывался 10-12-дневный карантин. Обязательный двухнедельный карантин проходили и все новички.

Конечно, единичные случаи заболевания тифом были, но тотчас же принимались экстренные меры, чтобы не допустить распространения болезни. Всего за весь период нашей партизанской деятельности тифом у нас переболело не более 30 человек, и лишь один случай был со смертельным исходом. Всех остальных мы вылечили, вернули в строй.

Много неприятностей причинило нам такое инфекционное заболевание, как чесотка. Занесена к нам в отряды она была также посредством контакта с жителями, но внутриотрядных заражений мы не допустили. После первых же тревожных случаев все возвращающиеся с задания бойцы осматривались медиками, подозрительные на это заболевание изолировались.

В ликвидации чесоточных заболеваний большую роль сыграла санитарно-разъяснительная работа. Мы рассказывали партизанам о путях распространения заразы. Это происходит чаще всего через рукопожатие. Объясняли, что чесотку, как и любую болезнь, легче вылечить, если она обнаружена в начальной стадии. Поэтому обращали внимание партизан на первые признаки ее: кожный зуд, усиливающийся по вечерам и ночью, мелкие высыпания на изгибах верхних и нижних конечностей и так далее.

Лечили чесотку специальной мазью, которую приготавливали сами.

Особенно тщательно контролировали питьевую воду, пищу. В санитарном отношении наши пищеблоки всегда были в хорошем состоянии. Водой мы пользовались, как правило, только из проверенных источников.

В борьбе с народными мстителями враг использовал любую подлость, и об этом мы помнили всегда. Конечно, мы не располагали специальными лабораториями для того, чтобы делать всесторонний анализ воды. Но определение органолептических качеств ее - цвета, запаха, вкуса проводилось всегда. Пользоваться водой из случайных источников запрещалось.

Анализы на отравление делали простым способом. Если вода вызывала какое-либо подозрение, мы поили сначала кошку или собаку. При благополучном исходе "эксперимента" водой начинали пользоваться люди.

В комплекс профилактических мероприятий обязательно входила санитарно-просветительная работа. Среди партизан мы регулярно организовывали беседы на медицинские темы: самопомощь в боевой обстановке, соблюдение личной гигиены, профилактика различных инфекционных заболеваний, отморожений и потертостей.

Вот такая противоэпидемическая работа помогла нам избежать различных опасных заболеваний в массовом порядке.

"АПТЕКА" ПОД НОГАМИ

Полесье...

Край необозримых болот и равнин. Леса, кочки, густо заросшие высокой сочной осокой, дикой малиной, ежевикой, бересклетом, черной ольхой. Вокруг пестрят незабудки, желтые белокопытники и недотроги.

Полесье - это сосновые боры на высоких песчаных гривах. Часто сосна растет в обнимку с березой и осиной, а в подлеске - трепетные рябинки, крушина, жимолость. Темно-зеленой окраской выделяются дубравы, которые местные жители называют грудками. Эти дубравы всегда поражали меня своим величием.

А какое обилие птичьих голосов в полесских лесах! Поют камышевки и трясогузки, гнездятся здесь аисты, журавли и цапли...

Полесье... За годы, проведенные в партизанах, я полюбил этот край на всю жизнь.

Полесские леса были нашим домом. Они укрывали нас от врага, согревали в зимнюю стужу, спасали от жары в летний зной.

Эти же леса щедро раскрывали нам свои богатства. Нужно было только уметь их использовать.

Я упоминал, что тех медикаментов, которые мы получали с Большой земли и доставали в качестве трофеев у немцев, нам не хватало. А ведь кроме лечения ран нам приходилось еще врачевать многие болезни, каждая из которых требовала своих специфических лекарств. Это чесотка и сыпной тиф, фурункулез и другие простудные заболевания, авитаминоз и воспаление легких. И вот здесь нас выручала "аптека" под ногами - зеленые дары полесских лесов.

Признаться, до того как попасть в партизаны, я, как, впрочем, и большинство других наших врачей, специально не занимался изучением лекарственного сырья. То, что мы проходили в институте, было крайне недостаточным. К тому же я вовсе не готовил себя в фармацевты. Знание целебных свойств различных растений и трав пришло много позже. Вначале мне неоценимую услугу оказали местные жители, полешуки старшего поколения, которые превосходно знали разные травки, корешки, настойки и натирания.

Эти люди и в мирное время широко и умело пользовались целебными травами. Помнится, когда я первое время начинал им жаловаться на недостаток лекарств, они лишь пожимали плечами:

- Доктар... доктар... Ти не бачыш, што леки розныя у тябе пад

нагами.

Конечно, выражение образное. Мало знать целебные свойства того или иного растения. Надо было уметь найти место, где оно растет в достаточном количестве. Одно дело - отыскать пару стеблей растения, чтобы приготовить из него несколько граммов лекарства для одного человека, для семьи, другое когда то же лекарство нужно для лечения десятков людей.

И снова местные жители выручали нас. Превосходные знатоки родных мест, своих лесов, они помогали нам находить нужные растения в достаточном количестве. Хотя для этого часто приходилось забираться в такие дебри, что даже нам, людям, которые, как говорится, и дневали и ночевали в лесу, становилось жутковато.

В старину людей, которые охотились за ценными лекарственными растениями, на Руси называли помясами. Это были отличные проводники, смелые землепроходцы, неутомимые ходоки.

Первым помясом на Полесье, с которым я познакомился, был дед Мефодий из деревни Сосновка. Был он высок ростом, худощав, с большой окладистой бородой. На первый взгляд строг, даже несколько мрачноват, но все же чем-то напоминал мне шолоховского деда Щукаря. Вечно дед Мефодий попадал в разные истории.

Официально он в партизанах не числился.

- Возраст не тот, - жаловался он мне, пощипывая свою седую бороду и жадно косясь на какой-нибудь пузырек с прозрачной жидкостью из аптеки. - Да и хвори разные одолевают... Вот пойду на задание с партизанами, а по дороге со мной слабость сделается. Что тогда? Чем лечиться?

Партизаном не был, но помогал нам охотно и чем только мог. Любил посещать нашу санчасть, ухаживать за ранеными, больными. Одному попить подаст, другого покормит с ложки, третьему поможет лечь поудобнее. И раненые тянулись к нему.

Знал он неисчерпаемое множество разных баек. И все ОБИ были из личной жизни. Немного страшноватые, но всегда с неожиданным и веселым концом.

- Значит, так, - присев в ногах какого-нибудь особенно грустного раненого, начинал он. - Иду это я у грибы. Иду себе, иду, слышу, сзаду кто-то топае, ветки ламае...

Оказывается, догоняла его сама ведьма. Под предлогом показать самое грибное место завела в такие дебри, из которых выбраться он уже был не в силах. Ведьма, как ей и положено, исчезла, дед Мефодий остался один-одинешенек в лесу. Попал в трясину и уже молил бога отпустить грехи, но, к счастью...

проснулся.

Раненые улыбаются. Смотрю, и тот грустный светлеет глазами.

Дед Мефодий водил меня в заветные места, показывал, где растут ценные лекарственные растения. Придет в какой-нибудь глухой бор-долгомошник, сядет на замшелый пенек, закурит самокрутку с крепчайшим, собственной выделки, самосадом и посоветует:

- Ты, доктор, примечай вот такие места. Очень для тебя полезные...

- А что здесь интересного? - спрашивал я.

- А то... - Он срывал несколько стеблей на первый взгляд ничем не примечательной травки, показывал мне: - В таких местах расте багун-трава. Не знаю, как она по-вашему, по-ученому называется... А только нет лучшего лекарства от простуды, когда тебя кашель забивает...

Багун-трава в народной медицине еще называется клоповником. Из этого багульника мы готовили отвары и лечили различные простудные заболевания. Хорошо помогала она также при ревматизме, чесотке, против вшей и гнид.

Такие вот редкие травы здорово выручали нас. Но их не всегда и не везде можно было найти, особенно когда мы перебирались на новое место. Поэтому чаще всего мы готовили лекарства из более доступных и распространенных растений. И здесь на первом месте нужно поставить березу.

Это дерево у нас, медиков, пользовалось особой популярностью. В качестве основы для приготовления различных лекарств применяли березовые почки - небольшие, до сантиметра образования на концах веток, покрытые мелкими, буроватого цвета чешуйками. Собирали мы их ранней весной, в апреле, пока береза еще не начинала курчавиться мелкой зеленью, в период интенсивного выделения сока. Или же заготавливали зимой. Собранные весной сушили на воздухе, а зимние - в помещениях, если была возможность, - в обычной русской печи. Хорошо высушенные почки растирали в порошок, затем, в зависимости от характера заболевания, готовили тот или иной препарат.

Порошок из березовых почек является поистине уникальным лекарством. При различных кожных заболеваниях типа гнойничковых, экземы, медленно заживающих ранах мы делали специальную мазь-пасту. Приготовление ее осуществлялось без точной дозировки. Например, при лечении экземы брали чайную ложку березового порошка, смешивали с 100-150 граммами топленого несоленого свиного сала, иногда для большей плотности добавляли немного парафина. Этим составом обильно

смазывали пораженные экземой места.

Если же готовилось лекарство для лечения медленно заживающих ран, мы к этой мази прибавляли немного йода, несколько кристаллов марганцовки. Позже, когда с Большой земли к нам начали поступать белый и красный стрептоцид, включали и его в эту смесь. Такая березовая мазь оказалась очень эффективным лекарством.

При экземе уже на вторые сутки резко уменьшался зуд в области поражения, через два-три дня эти участки подсыхали.

Если мазь накладывалась на раны, они вскоре очищались от гнойных наслоений и заживление проходило намного быстрее.

С успехом применялся березовый порошок и для профилактики отморожений. В этом случае мазь готовилась на говяжьем жиру.

Особую популярность завоевала наша береза при лечении чесотки. Заболевание это встречалось у нас довольно часто. Оно и понятно. В наших условиях трудно, порой просто невозможно было соблюсти определенный санитарно-гигиенический режим. Ведь ребята уходили на задание иной раз на много суток. Длительное время они находились далеко от основной базы, ночевали, где придется. То ли это была крестьянская хата, где незнакомые, но добрые люди оставляли ребят на ночь у себя, то ли сарай, стог сена, иногда просто куст орешника. И если в таких случаях летом можно было умыться в озере или безымянной речушке, то зимой это сделать было трудно. Умывались снегом. Поэтому чесотка наиболее часто поражала людей в зимние месяцы.

Заболевание это очень неприятное. Основные страдания доставляет зуд в местах поражения. Не случайно чесоточного клеща в народе называют зудень. Зарываясь в кожу, этот паразит делает там ходы, быстро размножается. Больные, расчесывая места поражения, ускоряли тем самым процесс развития болезни, причиняли себе дополнительные муки.

Понятно, что эта болезнь доставила нам много хлопот. На ликвидацию и профилактику этого заболевания было потрачено немало сил.

От чесотки лечили примитивным, но очень эффективным способом. Из березовой коры добывали деготь, к нему добавляли тол, который заменял нам серу, и свиной жир. Компоненты тщательно перемешивали и втирали в пораженные участки тела. Такой мазью натирали больные места по три раза на протяжении нескольких дней, затем больного направляли в баню. Подобная процедура повторялась дважды, трижды, до полного выздоровления.

Вообще береза была у нас уникальным источником для получения самых различных лекарств. Кроме почек и коры использовали самую древесину. Кусочки березового угля применяли как таблетки при метеоризме (скоплении газов в кишечнике), отравлениях.

У партизан довольно часто случались заболевания желудочно-кишечного тракта. Вполне попятно. Во время выполнения боевых заданий, особенно в период блокад, питались мы нерегулярно. По нескольку суток не употребляли горячей пищи, иногда подолгу оставались на подножном корме в буквальном смысле слова. Питались тем, что мог дать нам лес. Это были различные грибы, ягоды, съедобные травы. Следствием такого питания и были частые гастриты, язвы желудка, кишечные расстройства.

Нередко попадали к нам больные с отравлениями, вызванными употреблением в пищу неудобоваримых и просто ядовитых грибов. В таких случаях в первую очередь назначалось незамедлительное промывание желудка, насколько возможно было - диета и березовые таблетки. При диете в качестве основной пищи была простокваша. Все это помогало. И у нас не было ни одного смертельного исхода после отравления.

Бывали иногда и просто курьезные случаи.

Помнится, привели ко мне в санчасть партизана Володько. Хлопец здоровый, никогда ничем не болел и вдруг - занемог. Стоит бледный, весь покрытый холодным потом.

- В чем дело? - спрашиваю.

Володько опустил глаза, молчит. Мнутся и ребята. Чувствую, что-то скрывают.

- Что случилось? - повторяю. - Как же я буду лечить больного, если не знаю, что с ним произошло?

Это подействовало. Ребята признались, что Володько взял в санчасти пузырек с каким-то лекарством и выпил.

Я перепугался не на шутку. В нашей аптечке были разные лекарства...

- Где пузырек? - спрашиваю. - Давайте скорее сюда!

Мне подали бутылочку. Я понюхал и все понял: Володько выпил валерианы, настоенной на самогоне-перваке. Принял за один прием более двухсот граммов валерианы! Это могло грозить какими угодно осложнениями.

Больному на самом деле на глазах становилось все хуже. Появилась отрыжка, его несколько раз стошнило, пульс был частым, неровным.

Мы приняли срочные меры к спасению Володько. Промыли желудок, дали обильное питье, угольные таблетки, тепло на

живот. Через некоторое время он почувствовал себя лучше. К счастью, все обошлось.

Как потом выяснилось, все произошло следующим образом. Незадолго до этого Володько порезал палец и пришел в санчасть на перевязку. Я отлучился куда-то, перевязку делала наша медсестра. По какой-то надобности она вышла в другую комнату, задержалась там. Володько воспользовался этим, схватил первый попавшийся пузырек из аптечного шкафа, спрятал в карман, а потом выпил. Это и была валериана.

Этот случай послужил серьезным уроком для нас, врачей. С тех пор мы все медикаменты стали хранить более тщательно, во всех бригадах были проведены разъяснительные беседы.

При лечении желудочных заболеваний также использовались дары полесских лесов. И здесь опять-таки на одном из первых мест стояла береза. Для лечения гастритов широко применяли водный отвар из весенних березовых почек. Назначали его по столовой ложке три раза в день на протяжении двух - трех недель. Лекарство это оказалось высокоэффективным. Если не добивались полного излечения, то по крайней мере болезнь надолго отступала.

Нельзя не упомянуть и о знаменитом березовике - березовом соке, который мы помногу, бочками, собирали в период весеннего сокодвижения. Этот живительный, насыщенный витаминами напиток рекомендовали как общее тонизирующее средство больным и здоровым. Помимо положительного лечебного влияния на организм он оказывал большое психологическое воздействие. В представлении каждого березовый сок ассоциировался с соками земли родной, и в этом - один из источников нашей бодрости, хорошего настроения.

Большую разъяснительную работу проводили мы среди партизан и по поводу правильного применения грибов, обилием которых Полесье всегда славилось. В лесах, где приходилось нам дислоцироваться, было много их в ту пору. Естественно, они служили нам довольно ощутимым подспорьем к партизанскому столу. Но применять их нужно было осторожно и умело.

За годы, проведенные в белорусских лесах, я довольно часто наблюдал, как местные жители собирали и употребляли в пищу такие грибы, которые у нашего городского грибника считаются несъедобными. Это - синяк-дубовик, синюк, толкачик, очень похожий своим внешним видом на бледную поганку, так называемый собачий груздь. Все эти грибы они употребляли без риска отравиться, но, разумеется, после соответствующей обработки.

В летнее время именно грибы были основными поставщиками

белковой пищи, "лесного мяса". Ведь каждый гриб - это мясо, хлеб, фрукты. В них много белков, жиров, сахара, солей меди, кальция, фосфора. Гриб, помимо всего прочего, - источник многих витаминов.

Наши медики настойчиво пропагандировали сбор грибов для партизанской кухни. Для этого выделялись женщины, партизаны, которые были свободны от боевых заданий, работники разных вспомогательных служб. В пищу у нас шли многие грибы: белые, дубовики, грузди, обабки, сыроежки, белянки, свинушки, валуи, лисички и другие. Но чтобы исключить случаи отравления, все собранные грибы просматривались знатоками, обычно из местных жителей, и только после этого поступали на кухню. Как правило, шли они на приготовление супов. Употребление любых грибов в сыром виде было категорически запрещено. Береженого, как говорят, и бог бережет.

Грибные супы разнообразили нашу пищу, способствовали профилактике различных кишечных заболеваний.

Из кишечных болезней особенно донимали нас частые поносы. Сказывалась бедность рациона в зимнее время, нерегулярность приема пищи, частая еда всухомятку. Для борьбы с поносами применялась строгая, иногда полуголодная диета. А в качестве вяжущих средств широко использовались различные отвары и кисели из ольховых шишек, дубовой коры, черники.

Ольховые шишки - небольшие образования на ветвях дерева длиной до полутора сантиметров и шириной до сантиметра - мы собирали поздней осенью и зимой. Затем их высушивали, растирали в порошок. Из порошка готовили отвар. Иногда в этот отвар добавляли ягоды крушины, корни окопника. Этот отвар больные пили примерно по сто граммов несколько раз в день до тех пор, пока кишечник не начинал нормально функционировать.

Очень эффективным был отвар из дубовой коры. Собирали кору, как правило, ранней весной, в период обильного сокодвижения, до распускания почек. На приготовление лекарства шла кора с молодых ветвей, ствол дерева мы никогда не оголяли. За этим следили все: и сами партизаны, и местные жители.

Вообще бережное отношение к лесу было нашим правилом. Где бы мы ни стояли, для нужд своих использовали только минимальное количество деревьев, избегали сплошных вырубок. На дрова шли деревья, пораженные болезнями, сушняк. Где позволяли условия, устраивали санитарные рубки. Прореживали лес, срубленные деревья шли на топливо.

Дубовая кора тщательно высушивалась, измельчалась в обыкновенной ступе. Из полученной порошкообразной массы

готовили отвары двух сортов - более и менее концентрированные. Отвары меньшей концентрации назначали при поносах, а более концентрированные - для лечения болезней, о которых расскажу ниже. Лечение поносов дубовым отваром в подавляющем большинстве случаев давало положительные результаты.

Для лечения кишечных расстройств очень широко применяли замечательную ягоду, повсеместно распространенную в Белоруссии, - чернику. Собирали ее много. Местные жители научили нас безошибочно находить черничные плантации в лесах.

Урожай черники поспевает в июле, в это время мы и начинали массовую заготовку.

Черника - вечнозеленый низкий кустарник из семейства вересковых. Он цветет почти полмесяца, является хорошим медоносом. Мне доводилось пробовать черничный мед. Красноватый на цвет, с исключительным ароматом, он отличается приятным своеобразным вкусом. В осенний листопад ботва черничных кустиков ярко краснеет, летом и осенью из нее мы получали лекарственный чай - очень хорошее вяжущее средство.

Растет черника в так называемых черничных борах, для которых характерен древостой с преобладанием сосны. А в подлеске - можжевельник, шиповник, реже рябина. Здесь на каждом шагу в блестящих мхах - сплошь черника с примесью брусники. Сама ягода небольшая, черного цвета с красноватым оттенком, кисло-сладкого вкуса, слегка вяжущая. Хороша она и для еды, и для приготовления чая, киселя, компота.

Отвары из листьев черники с успехом применяли для лечения больных, подозреваемых на сахарную болезнь. В листьях черники содержится вещество из группы гликозидов - неомиртиллин, обладающий способностью снижать количество сахара в крови. При назначении этого лекарства руководствовались в основном субъективными жалобами больного и результатами непосредственного осмотра его. Больные, у которых мы подозревали сахарную болезнь, жаловались на усиленную жажду, резко повышенный аппетит. У них увеличивалось количество выделяемой мочи, резко уменьшался вес тела, снижалась работоспособность. У женщин появлялся сильный зуд в области промежности и половых органах.

Весь этот комплекс признаков даже без лабораторного анализа помогал нам ставить диагноз, давал возможность своевременно оказывать лечебную помощь, в которой немалое место отводилось черничному отвару.

Начальник особого отдела соединения Роберт Борисович Берензон всегда что-то жевал. Когда шутя у него спрашивали, не

присылают ли ему лично наши американские союзники жевательную резинку, он с серьезным видом вытаскивал из кармана горсть свежих сосновых иголок.

- Угощайтесь, - говорил он таким тоном, словно предлагал по крайней мере конфетку. - Лучшее средство от цинги.

Роберт Борисович был прав. Сосновые иглы действительно богаты витамином С, недостаток его в организме вызывает эту тяжелую болезнь. Против цинги мы широко использовали хвойные экстракты из сосновых шишек и иголок, которые давали партизанам в профилактических целях, усиленно поили ими тех, у кого появлялись хотя бы малейшие признаки болезни. И надо сказать, именно это лекарство помогло нам избежать массового заболевания ею. Единичные случаи цинги были крайне редкими.

После войны мы с Робертом Борисовичем Березоном встретились лишь спустя 30 лет, в 1973 году. Встреча состоялась в Минске. Долго вспоминали наших боевых друзей, различные эпизоды из партизанской жизни. В разговоре Роберт Борисович неожиданно сказал:

- Помнишь, надо мной посмеивались, что я все время сосновые иглы жую. Ты знаешь, многие из тех, кто посмеивался, давно уже вместо зубов носят протезы, а у меня...

Он раскрыл рот и показал крепкие, белые, здоровые зубы.

- В свои семьдесят четыре года не знаю, что такое зубная боль. Да и на желудок не жалуюсь.

Вот что такое сосновые иглы!

Мы, врачи, конечно, знали об их чудодейственной силе не меньше Роберта Борисовича, поэтому рекомендовали партизанам не только экстракты, но и водные настои из сосновых игл для полоскания рта.

С лекарственной целью применяли мы сосновые почки. Собирали их весной, срезали ножом с боковых веток, где они располагались в виде коронок. Рекомендовали в случае простудных заболеваний для ингаляций. Ингалятор был самый простой: почки заваривались в крутом кипятке, больной дышал над паром.

При авитаминозах особой популярностью пользовалась у нас клюква. Эта темно-красная кислая ягода созревает в конце сентября и остается зимовать на стеблях. Собирали мы ее в течение всей осени до самых снегов, употребляли сырой. Помогала она при авитаминозах, давала некоторый эффект при гипертонической болезни, при пониженной кислотности. Ценна была особенно тем, что использовалась в период, когда основные ягодные источники витаминов уже заканчивались.

Из простудных заболеваний чаще всего нам приходилось

лечить катары верхних дыхательных путей, воспаления легких, плевриты. Для лечения этой группы заболеваний имели целый арсенал растений, из которых готовили соответствующие лекарства. Наиболее эффективными из них были зеленые сосновые шишки, липа (цветы), малина (цветы и плоды), земляника (ягоды).

Зеленые сосновые шишки настаивали на самогоне-перваке и полученную настойку с успехом применяли при экссудативных плевритах. Процесс рассасывания жидкости в плевральной полости значительно ускорялся.

Осенью как-то вернулась с задания группа подрывников во главе с Николаем Семенчуком. Они рассказали, что операция прошла успешно. К намеченному пункту возле железнодорожной станции Мелковичи подошли без осложнений, задание выполнили. Потом начали отходить. И вот здесь-то случилось неожиданное. Прежняя дорога оказалась перерезанной полицаями, вступать с ними в бой уже не было возможности: не хватало боеприпасов. Пришлось свернуть в сторону, долго идти болотом по пояс в ледяной воде. Наконец вошли в спасительный лес. Убедились, что преследователи отстали, разожгли костер, обогрелись, просушили вещи.

Казалось, все обошлось. Но вскоре Юзик Лапицкий, один из членов группы, стал жаловаться на сильную головную боль, на общее недомогание. Ребята разгрузили его, сами понесли автомат, другое снаряжение, помогли дойти до базы. А здесь сразу же вызвали меня. Я осмотрел больного, установил, что хлопец сильно простыл.

Уложил в постель, напоил горячей малиной.

На третий день при осмотре я обратил внимание на то, что у больного справа не прослушивается дыхание, при перкуссии (выстукивании) отмечается тупость. У Лапицкого усилилась одышка, стал жаловаться на боли в боку. Диагноз - плеврит. Хотя рентгена у нас не было, жидкость в плевральной полости была несомненно. Вот тогда-то мы и начали усиленно лечить больного настойкой из сосновых шишек. И это помогло. Примерно через две недели восстановилось дыхание, исчезла тупость, нормализовалась температура. Вскоре Юзик поправился.

Липовый цвет издавна использовался в народе как замечательное средство при различных простудных заболеваниях, при кашле с плохим отделением мокроты. У местных жителей цветы липы употреблялись и как потогонное. Большие запасы липового цвета мы создавали в июне - июле. Сушили его, делали различные настойки, давали больным пить отвар в виде чая. Кстати, Лапицкому кроме настойки из сосновых шишек давали и

липовый чай.

Как я уже упоминал, наши партизанские медики оказывали регулярную медицинскую помощь и местному населению. При лечении крестьян мы также широко использовали лекарства из "зеленой аптеки". При осмотрах больных, особенно детей, часто приходилось диагностировать подозрение на туберкулез легких. В тех случаях, когда имело место легочное кровохарканье или кровотечение, мы давали настойку из сосновых шишек. Широко было распространено и другое лекарство из сосны, рецепт которого подсказали нам местные жители. Готовилось оно следующим образом: собирали живицу, заливали ее водой и оставляли на солнце на 7-10 дней. Затем на литр жидкости добавляли 50-60 граммов меда и 100 граммов топленого жира. Полученный состав тщательно размешивали и давали больным по полстакана три раза в день. Положительное влияние этого лекарства было несомненным.

Кроме лекарств применяли мы компрессы, использовали в лечебных целях в небольших дозах самогон. При комплексном лечении плевритов самогон выдавался по 50 граммов два-три раза в день. Жидкость из плевральной полости исчезала удивительно быстро. За годы партизанской жизни я настолько уверовал в это лекарство, что даже спустя мною лет, когда в моем распоряжении уже был арсенал различных высокоэффективных лекарств - пенициллин, стрептомицин, сульфаниламиды, - я частенько после операции на грудной клетке назначал спирт. Этим добивался быстрейшей ликвидации жидкости.

К слову сказать, самогон мы варили сами, но использовали его только в лечебных целях. С этим делом у нас было строго.

Популярными были у нас земляника и малина. Малину (в особенности ягоды) мы применяли как жаропонижающее, как эффективное лекарство против кашля. Ели эти ягоды сырыми, делали из малины варенье, отвары.

Сколько раз, бывало, летним полднем забирался я на земляничную поляну, которую находил по особенному аромату. Казалось, на поляне вскипает в огромном тазу варенье из букета роз, яблок и меда. И дышало с поляны на меня чем-то мирным, довоенным, тверже становилась уверенность в том, что все это скоро вернется...

Наши больные употребляли землянику в сыром виде, также готовили мы из нее отвары. При различных отеках, когда нужно было вынести из организма как можно больше жидкости, применяли землянику и как мочегонное.

Интересная деталь. От стариков-пчеловодов я слышал, что соком ягод земляники натирают ульи. Пчелам тогда не страшны

никакие болезни.

Больше двух месяцев благоухает белыми цветами рябина. В период цветения даже в самом дремучем лесу уже издали можно заметить это дерево. Но слишком густых лесов она не любит, растет на солнечных полянах, где больше тепла, света. Вот здесь мы с дедом Мефодием и разыскивали рябину.

На Полесье созревает рябина в конце августа - начале сентября. Тогда же поистине, как писал Есенин: "В саду горит костер рябины красной...". Ягода эта, горьковато-кислая на вкус, была для нас неисчерпаемым источником витаминов. Назначали мы рябину при кашле как хорошее отхаркивающее. Употребляли плоды рябины в сыром виде и в виде отваров, ели вместе с медом диких пчел, которых в ту пору довольно часто можно было встретить в лесу в дуплах старых деревьев.

Использовали мы рябину как слабительное, мочегонное, кровоостанавливающее и противодизентерийное средство. Пользовались ею с ранней осени и до глубоких снегов. Благо, сушить рябину не надо: гроздья ее оставались висеть на деревьях всю зиму. И чем позже собирали плоды рябины, тем вкуснее они были, не теряли при этом своих целебных свойств.

Организации правильного питания наших раненых и больных мы придавали особое значение. Даже тогда, когда партизаны в силу ряда причин ощущали недостаток в еде, командованием, врачами принимались все меры, чтобы раненые были своевременно накормлены.

Во время блокады 1944 года в районе Мотоля нам пришлось особенно туго с питанием. Комбриг В. К. Яковенко, комиссар А.Т.Чайковский в это время часто навещали госпиталь. Понимая общую обстановку, те временные трудности с продовольствием, которые сложились в связи с блокадой, мы ни на что не жаловались. Однако от зорких глаз командиров не ускользнуло то, что рацион в госпитале был крайне скудным. Идя на большой риск, Яковенко немедленно направил в тыл блокировавшей нас группировки подразделение партизан со специальным заданием - раздобыть питание для раненых. Подразделение во главе с Николаем Дешевым отлично справилось с поручением. К утру следующего дня в госпиталь были доставлены самые разнообразные продукты: масло и овощи, гуси и сало.

Вообще в бригаде был неписанный закон, по которому в первую очередь всем необходимым снабжались раненые и больные.

Много хлопот доставляли нам сыпнотифозные больные. Специфического лечения сыпного тифа до сих пор нет. И все же в условиях советского тыла уже тогда врачи имели возможность

применять различные антибиотики, всевозможные капельницы, высокоэффективные сердечные средства. Мы же всего этого были лишены, всю надежду возлагали на хороший уход и на сердечные препараты, которые готовили из различных лекарственных трав. Здесь на первом месте стоят майский ландыш и валериана.

Ландыш собирали во время его цветения в хвойных и лиственных лесах, по кустарникам, оврагам, в лесных ложбинах. Для приготовления лекарства брали целиком весь кустик с листьями, цветами, стеблями. Сушили. Настоенный на самогоне ландыш назначали по 25-30 капель три раза в день. Отвары давали больным по столовой ложке несколько раз в день.

Пахучая валериана в то время распространена была почти повсеместно. В любой партизанской зоне мы легко находили целые заросли этого ценного лекарственного растения. Но для приготовления лекарств брали только корень. Выкапывали растение в заболоченных лугах, в прибрежных лозовых зарослях, в ольшанике. Корень тщательно очищали от остатков земли, надземную часть выбрасывали, подземную промывали в воде и высушивали.

О ценных лечебных свойствах валерианы говорить не приходится, они широко известны. Достаточно сказать, что кошачий корень (так в народе называют валериану лекарственную) издавна применяется как сердечное, успокаивающее, при нервных заболеваниях, от головной боли, болей в животе, лихорадки, глистов, эпилепсии, тифозной горячки и многих других болезней.

Корневища этого растения мы сушили под навесами или же, если стояли в населенных пунктах, на чердаках. Высушенные корни измельчались, затем из них делали то ли настойки на самогоне, то ли настои на воде. И то и другое на сыпнотифозных больных действовало положительно, особенно при сильных нервных возбуждениях. После нескольких приемов лекарства больные успокаивались, у них устанавливался хороший сон. А он, как известно, могучее целебное средство при любых болезнях.

Вспоминается такой случай. Как-то рано утром я направлялся в хату, где размещались сыпнотифозные больные. Едва поднялся на крыльцо, как услышал неистовый крик. Доносился он из хаты. Я рванул дверь, вбежал в дом и оказался свидетелем следующей картины. Посреди комнаты, полураздетый, с искаженным лицом стоял один из больных с раскрытой бритвой в руке. С криком отчаяния на него наступала сестра, пытаясь отнять бритву. Я поспешил ей на помощь. Защищаясь подушкой, мы набросились на больного, отняли у него бритву, уложили в постель. Почти насильно дали выпить большую дозу валерианы, он постепенно

успокоился, уснул.

Медсестра Мария Вежновец рассказала мне следующее. Больной поступил к нам вчера, был почти в бессознательном состоянии, казался совершенно обессиленным. Ночью он не проявлял никаких признаков возбуждения, а утром внезапно стал метаться по койке, потом выхватил из-под подушки бритву, вскочил с постели... Не знаю, чем кончилось бы все это, если бы мы своевременно не обезоружили его.

До сих пор для меня остается загадкой, как у него под подушкой оказалась бритва. После этого случая мы приняли все меры, чтобы в палатах, где лежали больные, никаких острорежущих предметов вообще не было.

Больному, о котором я рассказывал, несколько дней подряд мы давали немного повышенную дозу валерианы, и вскоре дело у него пошло на поправку.

Я уже говорил, что наши медики приняли все меры к тому, чтобы партизаны регулярно мылись в банях. Но мылом нас никто не снабжал, его мы тоже готовили сами. Исходными компонентами служили каустическая сода и животный жир. Составляли смесь в соотношении один килограмм соды на 10 килограммов жира, добавляли туда 100-150 граммов сосновой смолы и варили. Получалось неплохое как по качеству, так и по внешнему виду мыло. Даже с довольно приятным запахом. Вначале, правда, несколько варок у нас не получилось первый блин комом. Но вскоре варщики приобрели опыт, и недостатка в мыле мы не ощущали. Иногда после очередного разгрома немецких гарнизоном мыло захватывали у врага.

Особенно удачным получалось мыло, приготовленное доктором Анастасией Николаевной Дудинской. Оно давало обильную пену, было с тонким приятным ароматом. Пришлось наладить "производственное обучение". Анастасия Николаевна щедро делилась опытом с остальными медиками.

В лечении сердечно-сосудистых болезней использовали мы боярышник и калину. И то и другое растет в Белоруссии в виде кустарников, но встречается не очень часто. Между тем эти растения в медицинском отношении представляют довольно большую ценность. Плоды боярышника входят составной частью в широко известный препарат кардиовален. В народной медицине они используются как тонизирующие сердечную мышцу, снижают кровяное давление, усиливают кровообращение, особенно в коронарных сосудах (сердца), в сосудах мозга.

Калину мы использовали в виде отвара как кровоостанавливающее в акушерской практике, при лечении гинекологических больных из мирного населения.

Особенно эффективными были отвары из плодов боярышника при головных болях.

Впервые я применил боярышник и калину как лекарства в деревне Зорька Славковичского сельсовета Глусского района. Трое сыновей Марии Михайловны Огур были в Красной Армии, дочь партизанила вместе с нами. Обратилась она ко мне по совету дочери. Жаловалась на сильные головные боли, головокружение, бессонницу.

Я внимательно осмотрел женщину. Измерил артериальное давление, оно оказалось 220/110. Ясно - гипертоническая болезнь.

Чем помочь женщине? Никаких препаратов, обычно применяемых при таких заболеваниях, у нас в аптеке не было. Вот тогда-то вспомнил я про калину и боярышник. Прописал больной отвар боярышника, посоветовал есть побольше калины с медом.

Дней через десять Мария Михайловна снова заявилась ко мне на прием. Посвежела, улыбается. Опять измерил давление, оно оказалось почти в пределах нормы - 160/90. Женщина смотрит на меня прямо-таки влюбленными глазами. Благодарит за лечение, а перед тем как уходить, пугливо покосилась на дверь, торопливо достала из-под телогрейки бутылку самогона.

- Это, доктор, за лечение...

- Значит, помогло мое лекарство? - спрашиваю у Марии Михайловны.

- Помогло, доктор, помогло. Только я еще и бруснику пила...

Вот тебе и на! Впрочем, брусничные отвары - тоже неплохое сердечное лекарство, но одновременно оно действует и как мочегонное. А при этом из организма выводится большое количество калия. Чтобы пополнить его запасы, посоветовал Марии Михайловне есть побольше картошки. Она восприняла это как шутку, заулыбалась: в те годы картошка в оккупированных районах была основной пищей, а зачастую и единственной.

Бруснику мы собирали весной, когда в лесу сойдет снег. К этому времени перезимовавшие на стеблях ягоды теряют горьковатый привкус. Из сухой брусники готовили отвары, применяли как дезинфицирующее при воспалении мочевых путей, при почечно-каменной болезни.

Во время выполнения боевых заданий партизанам довольно часто приходилось подолгу бывать в болоте, часами стоять в холодной воде. В результате - острые радикулиты. В первый период партизанской деятельности для лечения радикулитов мы применяли различные натирания. Основными компонентами здесь служили бодяга и самогон-первач. Для грязевых аппликаций (наложений) использовали торф и красную глину.

Смешивали их в равных количествах, разводили водой до состояния густой каши, нагревали примерно до температуры 45-50 градусов. Если градусника не было, ориентировались по личным ощущениям - нагревали смесь до тех пор, пока можно было терпеть.

Горячую массу прикладывали на 15 минут к больному месту, обычно в области крестца. После 10-15 сеансов такого лечения, как правило, наступало выздоровление. Резко улучшалось состояние больного уже после четвертого-пятого сеанса.

Одновременно с такими аппликациями больному обязательно давали для приема внутрь настой травы чабрец. Эта трава очень распространена в Белоруссии. В разных местах называется она по-всякому: богородская трава, шибрец, чабер, тимьян. Собирали ее в июне - июле по песчаным склонам, вдоль дорог, по холмам. При заготовке срезали всю надземную часть, сушили ее на воздухе, затем обмолачивали и просевали через среднее сито. Полученную смесь из листьев и цветов использовали для приготовления отваров. Давали пить больным по столовой ложке три-четыре раза в день.

Добавленная в самогон, смесь употреблялась для приготовления натираний и компрессов. Кстати, для этого с успехом использовали мы и молодую крапиву.

Не только Тенгиз Шавгулидзе изготавливал нам медицинский инструментарий. Часто на помощь медикам приходили партизанские кузнецы-умельцы. Они делали гинекологические зеркала, расширители Гегара, кюретки, импровизированные пулевые щипцы, другой инструментарий, при помощи которого мы спасли немало жизней и партизанам и местным жителям.

Из местных жителей к нам особенно часто обращались женщины - по поводу тяжелых форм маточного кровотечения, возникшего при нарушении беременности, и с другими болезнями. Во всех этих случаях при лечении без необходимого инструментария не обойтись.

Надолго остался в памяти случай, с которым мне пришлось столкнуться в конце 1942 года в деревне Репин.

Как-то часа в три ночи в окно раздался резкий торопливый стук. Я вскочил:

- Кто?

В ответ услышал тревожный мужской голос:

- Выходите скорее, доктор! Привезли тяжелобольную женщину...

Я быстро оделся, выбежал на улицу. Вместе с партизанами снял с саней больную, занес в хату. Здесь при слабом свете

коптилки осмотрел ее. Лицо бледное, пульс слабый, частый. И хотя сознание сохранено, налицо большая кровопотеря. Оказывается, кровит уже три дня.

- Почему столько тянула? Почему сразу не обратилась? - набросился я на женщину.

- Я к бабке-шептухе обращалась, - ответила больная. - Думала, пройдет. Дело ведь женское...

Машинально выслушиваю ответы, а мозг сверлит тревожная мысль: как помочь женщине?

Такое было впервые в моей практике. В институте видел несколько раз аборты, вот и весь опыт. И не с кем даже посоветоваться. Ближайший партизанский врач километров за пятьдесят от меня. А предпринимать что-то надо, и срочно. Состояние женщины тяжелое, кровопотеря продолжается.

Огромнейшим усилием постарался вспомнить все, что читал когда-то о таких случаях в учебниках. Потом вызвал ребят, попросил срочно сделать необходимые инструменты.

Понимая всю серьезность момента, ребята очень торопились. Через несколько часов инструменты были готовы, и хотя внешне они выглядели, конечно, не блестяще, работали хорошо.

Провел операцию, кровотечение остановилось. Женщина была спасена. У нас она пробыла несколько дней. Лишь когда я убедился, что больная чувствует себя хорошо и дело идет на поправку, разрешил ей уехать.

Этот случай придал мне уверенность в своих силах, показал, что инструментами, изготовленными партизанами, работать можно. Все время, пока больная была у нас, я поил ее водным настоем из зверобоя и вероники лекарственной. И убедился, что сбор этот помогает неплохо.

Позже я узнал, что неплохим кровоостанавливающим средством является и чабрец. Но чаще всего в таких случаях мы пользовались тысячелистником. Недаром растение это в народе называют кровавником. Это травянистое растение с ползучими корневищами, крупными ланцетовидными листьями. Цветет с июня по октябрь. Цветы белые, пахучие. Кровоостанавливающим действием обладают только листья растения.

Собирали мы тысячелистник по суходольным лугам, вдоль дорог, по кустарникам. Листья сушили, настаивали на самогоне и давали больным по 30 капель несколько раз в день. Или же готовили из них отвар, который больные принимали по столовой ложке три раза в день. В случае кровотечения из раневых поверхностей, из носа мы прикладывали к кровоточащим местам свежесорванные листья тысячелистника, размятые до получения клеточного сока.

Зверобой я отношу к числу очень хороших кровоостанавливающих средств. В его чудесных лекарственных данных убедился за годы партизанской практики. Это довольно высокое многолетнее травянистое растение с эллиптическими листьями, золотисто-желтыми щитовидными соцветиями. Цветет он с июля по август, солнцелюб. Собирали мы его по суходольным лугам, на лесных солнечных полянах. Цветы и верхние части растения сушили в тени, потом обмолачивали.

Употребляли зверобой в виде отвара или для заварки чая. Очень хорошо помогало это лекарство при кровотечении после абортов. А зверобой, настоенный на льняном масле, использовался после ожогов.

Гинекологическим инструментом, который мне изготовили в партизанах, я пользовался даже некоторое время после войны, когда работал в Каменецкой районной больнице Брестской области. В то же время пригодились мне и фармацевтические навыки, приобретенные во время партизанской жизни.

Много было у нас помощников среди партизан, добровольных собирателей целебных трав. Иногда партизаны приносили целебные травы, возвращаясь с операций. Я всячески поощрял такую помощь. При каждом удобном случае знакомил партизан с лекарственными травами, учил их находить места, где они растут. И часто потом партизаны заглядывали ко мне, с интересом наблюдали, как из обыкновенных цветов получаются лекарственные препараты. Такое любопытство я считал вполне объяснимым.

Но один случай очень насторожил меня. Вот об этом я и хочу рассказать.

В апреле 1943 года я объезжал бригады соединения, знакомился с постановкой санитарной службы в них, осматривал больных и раненых. И вот однажды, когда принимал больных в бригаде Жоржа Столярова, ко мне подошла медсестра Клава, попросила, чтобы я вне очереди принял одну девушку. "Что-то серьезное, - подумал я, - женщина нуждается в немедленной помощи".

- Веди, - сказал я Клаве.

Через некоторое время в комнату вошла довольно молодая женщина, стройная, красивая, с правильными чертами лица. Одета была несколько странно для наших партизанских условий: каракулевая кубанка, хорошо подогнанный новенький полушубок, аккуратно, по ноге сшитые сапожки.

- На что жалуетесь? - задал я обычный в таких случаях вопрос.

- Я медсестра, - неожиданно заявила женщина. - Хочу быть хоть чем-то вам полезна.

Вот оно что! Великолепно... Медработников нам не хватало, и каждый новый специалист был для нас сущим кладом.

- Чудесно! - обрадовался я. - Работы у нас непочатый край.

Для первого знакомства попросил рассказать о себе. И выслушал следующую историю.

Работала Мария (так звали женщину) медсестрой в одной из районных больниц, недалеко от Минска, помогала чем могла местным жителям. Все время искала связи с партизанами, чтобы активно включиться в борьбу с врагом. Но до последнего времени это ей не удавалось. А тут немцы каким-то образом узнали, что муж - политработник Красной Армии. Вот и пришлось бежать в лес. И наконец-то ей повезло - встретилась с партизанами, попала в отряд.

В лес Мария принесла своего единственного сына, которому всего полтора года. Ребенок все время болел, и она хотела, чтобы я его посмотрел.

- Где он у вас? - спросил я.

- Там, за дверью, - ответила она.

- Ну ведите.

Мальчика она не ввела, а внесла. Выглядел он страшно. Едва двигался, ему трудно было даже держать головку. Налицо ярко выраженная дистрофия нарушение обмена веществ в организме от острого голодания. Я осмотрел мальчика и понял, что сейчас для него единственное лекарство - хорошее и регулярное питание. Об этом и сказал матери.

Марию с ребенком мы определили на жительство к одинокой старушке, поручили ей уход за группой сыпнотифозных больных. Когда мать была занята возле больных, за мальчиком присматривала старушка.

Мария оказалась хорошей медсестрой. Она заботливо ухаживала за ранеными, изо всех сил старалась завоевать их симпатии. Я был рад, что заполучил добросовестного работника.

Все было хорошо, если бы не тревожные сигналы от хозяйки дома, где жила Марля. Несколько раз приходила к нам бабушка,

жаловалась на нее. По ее словам, ничего материнского у Марии не было. За сыном она не следила, относилась к нему совершенно равнодушно, почти ничего не предпринимала, чтобы поскорее вылечить его от дистрофии.

Пришлось вызвать Марию, сделать ей замечание. Восприняла она это замечание как-то равнодушно. Каким-то деревянным голосом, словно наперед заученными фразами стала жаловаться на свою собственную судьбу. Что вот, мол, ее одинокую никто не пожалеет, не спросит, сколько ей пришлось пережить, все только упрекают больным сыном... Между тем она здесь совсем не виновата, все время находится возле больных. Вот если бы ей дали другую работу...

- А где бы вы хотели работать? - спросил я.

- Может, в аптеке, - живо ответила она. - Я могла бы и лекарства готовить...

Аптекой в то время заведовала моя жена - Мария Вежновец. Работала она, по общему мнению, добросовестно, и менять ее не было смысла. Я сказал Марии об этом.

- Тогда не знаю, - она пожала плечами.

- Хорошо, что-нибудь придумаем, - ответил я и распрощался с ней.

Пока я раздумывал, куда бы переместить Марию, партизаны наши заметили, что она нередко забегает на кухню, помогает кухонным работникам. Ее даже похвалили за это: вот, мол, несмотря на занятость, находит время и здесь помочь. Я тоже в этом ничего плохого не видел. Считал, что, очевидно, за свои услуги Мария получает дополнительно что-либо из продуктов для своего больного ребенка.

Сын у Марии поправился, сама она тоже посвежела, стала еще красивее. И не удивительно, что на нее начали засматриваться наши партизаны. Вскоре мы узнали, что Мария выходит замуж за одного из партизан - Владимира. Мы поздравили новобрачных. Владимир был переведен в штаб соединения, его с женой поселили в отдельной хате.

А однажды ранним летним утром супруги Владимир и Мария были арестованы, под конвоем отправлены в особый отдел. Признаться, все мы тогда недоумевали, удивлялись, пока не узнали, в чем дело.

Мария оказалась шпионкой. Она окончила школу диверсанток и вместе с двумя другими "выпускницами" была заброшена немцами в наше соединение. Пришла она к нам с определенным заданием: обезглавить соединение, уничтожить его командный состав. Вот откуда и стремление проникнуть в аптеку и желание заполучить работу на кухне.

Через некоторый период своей "деятельности" у нас Мария почувствовала, что одной ей будет трудно справиться с заданием хозяев. И она решила в помощь себе привлечь мужа Владимира. Она, конечно, и не подозревала, что наша контрразведка, которую возглавлял Роберт Борисович Берензон, давно уже следит за ней, что Владимир обо всем предупрежден.

Через неделю после брака Мария стала жаловаться мужу на непорядки в партизанских отрядах, стала убеждать его, что при таком положении и таком командовании соединение долго не продержится. Все они, мол, обречены, нужно поскорее бежать отсюда...

Владимир "соглашался" с ней, "поддавался" на ее уговоры, но задал вполне резонный вопрос: куда же они денутся после побега?

Она ответила, что это пусть его не беспокоит, у нее есть влиятельные знакомые, они им помогут.

- Но заявиться к ним нужно, - сказала Мария, - не с пустыми руками.

- Что значит "не с пустыми руками"? - спросил Владимир.

И тогда она призналась ему про мышьяк и про свое задание.

Так была разоблачена опасная диверсантка. Получила она по заслугам.

Случай, о котором я рассказал, заставил всех нас повысить бдительность. Мы, медики, теперь тщательно отбирали людей, которые допускались к медикаментам и к работе в пищеблоках. Приготовление лекарств было сосредоточено в руках хорошо проверенных партизан.

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

У Чарльза Дарвина есть замечательные слова: "Я вполне подписываюсь под мнением тех писателей, которые утверждают, что самую сильную черту отличия человека от животных составляет нравственное чувство или совесть...

И господство его выражается в коротком, по могучем и крайне выразительном слове "должен".

Да, та внутренняя сущность, которая заставляет человека без всяких размышлений рисковать своей жизнью для ближнего, сущность, заставляющая его после тщательных раздумий, в основе которых лежит глубокое чувство справедливости или долга, жертвовать своей жизнью для какого-нибудь великого дела, - эта сущность является наиболее благородной чертой человека".

Вот это могучее слово "должен", в основе которого лежала верность идеям нашей партии и нашего народа, руководило всей деятельностью партизанских медиков. Героизм при спасении

раненых на поле боя, чудеса самоотверженности, находчивости и оперативности при эвакуации наших госпиталей во время частых вражеских блокад, готовность в любую минуту отложить в сторону скальпель, чтобы при необходимости взять в руки винтовку и идти в атаку рядовым бойцом, - все это стало нормой поведения наших медработников.

Выполняя задание командования, боец отряда "Ураган" Николай Юхновец неожиданно наткнулся на немецкую засаду. Комсомолец принял неравный бой. Он понимал, что шансов на спасение у него нет, и решил подороже отдать свою жизнь. Враги наседали со всех сторон. Несколько раз они поднимались в атаку, рассчитывая захватить Николая живым. И каждый раз меткий огонь из автомата заставлял их откатываться назад. Но вот вражеская пуля попала в левую ногу, раздробила кость. Николай перевязал рану и продолжал отстреливаться.

В автомат вставлен последний диск. Наконец дана последняя очередь. Остался один патрон, для себя.

Враги все ближе, они уже не прячутся, идут во весь рост. И Николай приставил дуло автомата к лицу... Когда фашисты приблизились, партизан лежал весь окровавленный, без движения. Они сочли его убитым и не тронули.

Но Николай оказался жив. Пуля раздробила челюсть, и он потерял сознание. А когда снова пришел в себя, на лесной опушке врагов уже не было. Превозмогая сильную боль, Николай пополз. Часто сознание покидало его. Обессиленный, он подолгу недвижимо лежал в лесных зарослях. Но проходило какое-то время, сознание прояснялось, и он снова полз.

На рассвете, когда силы окончательно покинули его, Николая нашли девушки из ближайшей деревни. Они занесли его в хату, обмыли раны, перевязали.

Когда Николая Юхновца доставили в партизанский госпиталь, состояние его казалось безнадежным. На вопрос командира отряда, будет ли он жить, врач Чигвинцев, пожав плечами, ответил:

- Сделаем все, что сможем...

И он действительно сделал все, что было в человеческих силах. Несколько суток не отходил от постели раненого, и жизнь партизана была спасена.

Через два месяца Николай Юхновец уже мог самостоятельно передвигаться. А еще через месяц, тепло попрощавшись с врачом, вернулся в отряд.

Добрая слава шла среди партизан о хирурге, заслуженном враче Белорусской ССР Василии Парфеновиче Лаптейко. Человек большой души, замечательный врач, он спас от смерти, вернул в

строй не один десяток партизан. И всегда пользовался любой возможностью, чтобы передавать свои знания и опыт молодым медикам.

В жарком бою между деревнями Славковичи и Клетное разрывной пулей ранило в верхнюю треть правого плеча партизана Петю, всеобщего любимца отряда Гуляева. В тяжелом состоянии раненого доставили в партизанский госпиталь. Пока врач Иосиф Климентьевич Крюк и медицинские сестры выводили Петю из шокового состояния, прибыл Лаптейко.

- Необходимо срочное хирургическое вмешательство, - сказал ему Крюк. В наших условиях сделать такую операцию трудно... Но другого выхода нет.

Лаптейко, внимательно осмотрев раненого, ответил:

- Да. Ждать самолет некогда. Операцию надо делать здесь и немедленно!

С помощью медицинской сестры Любы они приступили к операции. Предстояло вычленение правой руки в плечевом суставе. И все же, несмотря на отсутствие необходимых условий, операция была проведена блестяще. Петя остался с одной левой рукой, но выздоровел и продолжал воевать.

После соединения с частями Красной Армии врач Лаптейко возглавил Брестский облздравотдел. Спустя несколько лет он тяжело заболел и умер. Память об этом прекрасном человеке навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал.

Искренними любовью и уважением у наших партизан пользовался фельдшер 64-й партизанской бригады имени Чкалова Николай Рябый. Невысокого роста, подвижный, с несколько резкими чертами лица, он был из тех, о ком говорят: не знает страха. Опытный специалист, неутомимый, деятельный, Николай пришел в партизаны в декабре 1941 года и оставался здесь до соединения с частями Красной Армии.

Мягкий по натуре, ласковый, он с отеческой заботой относился к раненым, умел к каждому найти, как говорил сам, "свое слово", которое, думаю, играло такую же роль в быстром выздоровлении раненых, как медикаменты и лечение. Не однажды, презирая все опасности, этот человек оказывал первую медицинскую помощь раненым под огнем врага, а потом на себе вытаскивал их в безопасную зону.

Это он под свинцовым огнем в тот памятный бой вынес Римму Шершневу. И не его вина, что мы не смогли сохранить жизнь этой славной девушке.

Отгремели бои Великой Отечественной войны, и Николай Рябый сел за студенческую скамью. Успешно окончил мединститут, сейчас работает хирургом в одном из районов

Минской области.

Врач Мазрук, начальник санитарной службы бригады имени Кастуся Калиновского, после тяжелого боя сопровождал группу раненых в госпиталь. Бойцы лежали на телегах, врачи и остальные медработники шли возле повозок пешком. Преодолели уже большую часть пути, как вдруг на дороге появился отряд карателей.

- Гони лошадей что есть мочи! - крикнул Мазрук медсестре. - Мы прикроем...

Мазрук с несколькими санинструкторами замаскировались на обочине дороги и открыли огонь по врагу. Немцы залегли. Завязался бой. И хотя силы были неравными, медики сумели задержать врага, дали возможность повозкам с ранеными скрыться в лесу. В этом бою врач Мазрук погиб. Ценой своей жизни он спас раненых.

Среди партизанских медиков непререкаемым авторитетом пользовался врач Алексей Иванович Шуба. Восьмилетним мальчиком он начал самостоятельно зарабатывать себе на хлеб. Работал на помещика, батрачил у кулака, брался за любую самую тяжелую работу. Когда в Белоруссию пришла Советская власть, Алексей организовал в своей деревне комсомольскую ячейку, которая оказала немалую помощь сельским активистам в организации колхоза. Вступил в колхоз и Алексей. По тяга к учебе не давала покоя, и в 1934 году он становится студентом Минского медицинского института.

После окончания института Алексей Иванович стал работать главврачом Стародорожской районной больницы. Здесь и застала его война. Когда родную землю захватили фашисты, Шуба, возглавив небольшую группу патриотов, уходит в лес. Свой партизанский отряд народные мстители назвали именем С.М.Кирова. Это же название они сохранили и тогда, когда отряд увеличился до размеров бригады. Неизменным командиром отряда, а затем и бригады был А. И. Шуба. И хотя из-за неспокойных и трудных командирских обязанностей ему редко приходилось выступать в роли врача, как консультант он не раз давал нам, медикам, ценные и своевременные советы.

После освобождения Белоруссии от фашистов Алексей Иванович Шуба был направлен на руководящую работу в органы здравоохранения республики. А скоро за безупречную работу ему было присвоено звание заслуженного врача БССР, а в 1969 году - высокое звание Героя Социалистического Труда. 26 декабря 1971 года после тяжелой и продолжительной болезни Алексей Иванович умер.

Можно привести немало примеров, когда медик становился

партизанским командиром и на этом поприще хорошо проявлял себя.

Великая Отечественная война застала военфельдшера П.И.Панкратова в одном из западных районов Белоруссии. Попал в окружение, после нескольких дней тяжелых боев вырвался с небольшой группой красноармейцев из вражеского кольца, лесными болотными тропами пробрался в деревню Малын Октябрьского района Гомельской области. Здесь-то он и встретился с партизанами бригады Ф.И.Павловского. Они приняли его в свою семью.

В первых же боях Петр Иванович проявил смелость и находчивость. Как-то в конце 1941 года во время уничтожения вражеского гарнизона в Копаткевичах он с горсткой таких же смельчаков, как сам, бросился на штурм укрытия, где засел начальник полиции. Первым ворвался в хату, схватился врукопашную с главарем полицаев. Оглушил его, взял живым в плен.

Вскоре после этого Петр Иванович был назначен командиром взвода, который уничтожил немало вражеских эшелонов, автомашин. А сам командир не забывал свою первую специальность, нередко лично оказывал необходимую помощь больным и раненым.

Однажды летом 1942 года партизаны под командованием Петра Ивановича Панкратова разбили у рабочего поселка Глуша на магистрали Бобруйск - Слуцк вражескую автомашину. Когда возвращались на базу, сделали привал в деревне Чикили Глусского района. Не успели бойцы уснуть, как дозор доложил о приближении гитлеровцев. Очевидно, какой-то предатель указал немцам путь, по которому шел взвод.

Не желая причинять неприятности мирным жителям, взвод ушел из деревни, занял боевой порядок на лесной опушке между Чикилями и Козловичами.

Не найдя партизан в Чикилях, немцы двинулись в Козловичи. Когда они вплотную приблизились к кустарнику, где засели партизаны, раздался дружный залп... В этом бою враг был наголову разгромлен, взвод Панкратова благополучно вернулся в расположение отряда.

В тот период в целях расширения партизанского движения в Белоруссии часто из крупных отрядов выделялись небольшие группы, постепенно превращавшиеся в новые отряды. Выделилась такая группа и из отряда имени Щорса, которая вскоре выросла в отряд имени Чапаева. Комиссаром здесь был назначен храбрый партизан, талантливый командир Петр Иванович Панкратов.

Отряд вошел в бригаду имени Пархоменко Минского

соединения. Он считался одним из лучших в соединении, а его комиссар прославился не только как военный политработник, но и как медик. Нередко он лично оказывал помощь раненым на поле боя, выносил их в безопасную зону. Петр Иванович принимал деятельное участие в создании бригадного госпиталя, заботился, чтобы там было в достаточном количестве медикаментов, перевязочного материала.

В 1943 году Бобруйский подпольный райком партии принимает его кандидатом в члены КПСС.

Смелый комиссар в бою всегда был впереди. В феврале 1943 года он был ранен. Выздоровел, вернулся в строй. Осенью того же года - опять ранение, на этот раз тяжелое. Панкратова самолетом эвакуировали на Большую землю, а по выздоровлении признали негодным к военной службе.

За боевые заслуги перед Родиной Петра Ивановича Панкратова наградили орденом Красного Знамени, несколькими медалями. После освобождения Белоруссии его направили заведующим Глусским райздравотделом. Со всей присущей ему энергией взялся он за восстановление здравоохранения в районе. За короткое время немало сделал, еще большие планы были на будущее. Но не довелось ему осуществить их. Однажды ночью недобитый фашистский прихвостень бросил в квартиру Петра Ивановича гранату... Так оборвалась жизнь этого замечательного человека.

В нашей семейной библиотеке бережно хранится небольшая книга под названием "На оккупированной земле". Автор ее - Владимир Кириллович Яковенко, командир бригады имени Гуляева. На книге рукой автора написаны такие слова: "Самым большим моим боевым друзьям, бесстрашным медикам нашей бригады Ибрагиму и Марии в память о совместных боях и походах в глубоком тылу врага".

Немало теплых слов в этой книге посвящено партизанским медикам, их самоотверженному труду, героизму. Эти люди заслуживают того, чтобы рассказать о них подробнее.

В апреле 1944 года наша бригада базировалась в деревне Тышковичи Ивановского района Пинской области. Отсюда партизанские отряды почти каждый день наносили смелые и неожиданные удары по врагу. Здесь находился штаб бригады, госпиталь, все наши вспомогательные службы. Долгое время гитлеровцы не трогали нас. И вот однажды ранним утром разведка принесла тревожную весть - к деревне приближаются крупные силы противника в сопровождении танков и бронемашин.

На подходах к деревне срочно была организована оборона, и

когда появились враги, встретили их дружным огнем. Фашистские танки, сопровождаемые пехотой, пошли в обход. Чтобы не оказаться в кольце, мы начали отходить к фольварку Миничи, который находился в полутора километрах от деревни.

Решение, принятое командиром бригады Владимиром Кирилловичем Яковенко, было совершенно правильным. Фольварок располагался в болотистой местности, пробраться к нему можно только по кладкам, танки и бронемашины сюда не пройдут.

Заняв оборону, командир приказал переправить раненых и больных в безопасное место на остров за Миничами. Там уже находились наши инфекционные больные. Но делать нечего, пришлось разместить с ними и раненых, ограничив возможность контакта.

Когда все раненые были доставлены на остров, я вернулся и занял место в обороне на окраине Миничей.

Немцы вступили в деревню, бой временно затих. Мы даже стали надеяться, что сюда фашисты не пойдут, побоятся преследовать нас в болотах. Однако на этот раз расчеты наши не оправдались. Через некоторое время немцы открыли сильный минометный огонь по фольварку. Но за это время передышки мы успели хорошо окопаться, и мины врага большого урона нам не причинили.

Минометная обработка нашей передней линии длилась, наверное, минут двадцать. Потом фашисты пошли в атаку. Когда они подошли на близкое расстояние, послышалась команда: "Огонь!". Дружно заговорили наши пулеметы и автоматы. Гитлеровцы залегли, атака захлебнулась. Прошло немного времени, и немцы снова поднялись в атаку. И опять их встретил яростный огонь партизан...

Несколько раз враги поднимались на штурм и всегда с большими потерями откатывались назад.

У нас появились раненые. Теперь уже врачи, фельдшера, медицинские сестры вышли на передовую с санитарными сумками. Под свист пуль и осколков раненым была оказана первая помощь, все они были перенесены на вторую линию обороны.

Замысел комбрига В. К. Яковенко в этом бою сводился к следующему. Он решил продержаться до темноты, а затем, оставив небольшой заслон, через болото, по только известным нам проходам, уйти из зоны блокады. Но мобильность бригады сковывалась ранеными и больными, которых к тому времени было уже человек восемнадцать. Оставить их в фольварке мы, конечно же, не могли. А транспортировка на носилках скопала бы

действия бригады как раз в тот момент, когда быстрота маневра была решающим фактором.

Владимир Кириллович и здесь проявил свои незаурядные способности военного руководителя. Остров, на который мы должны были отступать ночью, и фольварк разделялись каналом шириной около трех метров и глубиной примерно в метр. Но под водой была зыбкая почва, и перейти его вброд невозможно. В фольварке имелось несколько лодок. Кроме того, по распоряжению командира партизаны сколотили два плота. На этот водный транспорт мы погрузили всех раненых. Часть партизан переехала по каналу на лодках и плотах подальше от места боя, остальные продолжали сражаться.

Продержались мы до ночи, затем отошли на остров. Немцы были уверены, что никаких водных средств у нас нет, следовательно, до завтра никуда мы не денемся. Утром они рассчитывали с помощью минометов и авиации разгромить нашу бригаду.

Мы перехитрили фашистов. Когда рассвело, они действительно открыли огонь из минометов по фольварку, а самолеты начали сбрасывать ящики с гранатами. Но весь этот смертоносный груз падал на пустое место. Мы же в это время находились на острове.

Дождавшись темноты, на лодках по отводным каналам перебрались через болото, переправили раненых и имущество. А к следующему утру были уже далеко от опасной зоны.

К середине дня мы вышли в район дислокации 208-го партизанского полка, где командиром был майор Беспоясов. Нас накормили, разместили по хатам, дали возможность отдохнуть после трехсуточных боев. Особая забота была проявлена к нашим раненым и больным.

Героическими делами во время партизанских боев с фашистами прославились и наши медицинские сестры. Об одной из них мне и хочется рассказать. С ней связана моя судьба. Но для этого придется вернуться несколько назад.

В январе сорок третьего года из Полесского партизанского соединения в деревню Альбинск была доставлена группа тяжелораненых партизан для отправки на Большую землю. Раненых сопровождала медсестра Мария Вежновец. Здесь в лесу, неподалеку от деревни, находился партизанский аэродром, где предстояло ожидать самолет. Когда он прилетит, никто не знал, связь с Большой землей была не регулярной. О прибытии самолета нам сообщали самое большое за день до его прилета.

Надо было ждать и ухаживать за ранеными, делать перевязки. И Мария Вежновец все это выполняла. Ей помогала хозяйка дома,

где расположили раненых, солдатка, муж которой воевал в рядах Красной Армии.

Шли дни, самолет не прилетал. У Марии кончился перевязочный материал, и она с хозяйкой стала ходить по хатам, собирать все, что могло послужить в качестве бинтов. Но вскоре и этот резерв истощился. Между тем двум больным стало хуже, необходима была специальная медицинская помощь. Ближайшей деревней, где находился врач, была Сосновка. Мария решила ехать туда.

В тот день я занимался приготовлением мази из березовых почек. И вот вижу в окно: к домику, где располагалась аптека партизанского госпиталя, подкатывают сани. В них - две симпатичные девушки. Одну из них я знал. Это была москвичка Лина, партизанка, прибывшая к нам вместе с оперативной группой. Она работала медсестрой и иногда заезжала ко мне. То попросит несколько бинтов, то немного лекарств. Делился с ней, чем мог. Но вторую девушку я видел впервые.

Вид у меня был не для приема гостей. Большой брезентовый фартук, лапти вместо комнатных туфель. Как раз в аптеку в то время зашел "на огонек" Даниил Абакумович Скляр. Заметив в окно девушек, он критически осмотрел меня, насмешливо протянул:

- Э, доктор! К тебе гости, а ты... Надо принять гостей, как подобает врачу.

Я побежал в сени переодеваться.

Мой выходной гардероб составляли потертый пиджак, манишка и даже галстук "кис-кис". Все это подарили мне ребята после возвращения с очередного задания. Распределяя в лагере отбитые у врага трофеи, они почему-то решили, что именно доктору, больше никому другому, нужны в лесу манишка и галстук "кис-кис".

Быстро переоделся, снова вернулся в комнату. Девушки были уже там. Даниил Абакумович развлекал их "светским" разговором, который сводился к тому, что вот, мол, вчера было холоднее, чем сегодня, а завтра, может быть, даже оттепель наступит... Галантный кавалер из него явно не получался.

Когда я, при галстуке и в манишке, вошел в комнату, у девушек широко раскрылись глаза. Потом Лина не выдержала, прыснула в ладонь, а вторая смущенно опустила глаза. Черноглазая, курносая, розовощекая, мне она показалась очень и очень красивой.

Поздоровался, представился незнакомке.

- Мария Вежновец, - скромно ответила она. - Медсестра.

Я помог девушкам снять верхнюю одежду, усадил их поближе

к печке, стал готовить чай. Даниил Абакумович тем временем осторожно поинтересовался, что привело гостей к нам.

- Говори ты, - Лина подтолкнула локтем Марию.

Мария Вежновец стала рассказывать про своих раненых, про то, что у нее уже кончились перевязочный материал и лекарства. А самолета все нет... И вообще, необходимо, чтобы некоторых раненых срочно осмотрел врач.

Я дал немного бинтов и лекарств, пообещал завтра же быть в Альбинске.

Медсестры уехали, а я еще долго стоял у окна, провожая их взглядом.

- Ну, доктор, удивил... - Даниил Абакумович развел руками. - Кажется мне, стрела Амура попала прямо в цель, а?

Я не ответил, а про себя подумал, что он, пожалуй, прав.

На следующий день, собираясь в Альбинск, поймал себя на мысли, что хочу поскорее встретиться с Марией. И окончательно понял, что влюбился, влюбился впервые в жизни... Вот так, в образе черноглазой курносой девушки, партизанской медсестры, пришла ко мне моя судьба.

В Альбинск мы приехали вместе с Алексеем. Мария была рада нашему приезду, сразу новела к раненым. Признаться, судя по ее вчерашнему рассказу, я рассчитывал увидеть запущенных раненых, которые в ожидании самолета изнервничались, извелись... Однако мне представилась совсем другая картина. Раненые были хорошо досмотрены, повязки у них свежие, аккуратные, сделанные умелыми руками. Сами партизаны - веселые, бодрые.

Когда я спросил у раненых, не надоело ли ждать самолет, они дружно ответили, что нет, не надоело. А некоторые прямо заявили, что у них дела идут на поправку и, может быть, нет смысла вовсе увозить их на Большую землю.

- У нас же сестрица, что доктор, - говорили они и прямо-таки с нежностью посматривали на Марию. - Сама всех на ноги поставит.

Чувствовалось, что Мария Вежновец пользуется у них огромным авторитетом.

Я осмотрел больных и убедился, что большинство из них все же нуждается в квалифицированной помощи специалистов на Большой земле. Сказал об этом Марии, когда мы пришли в ее крохотную комнатушку, где она жила и где находилась аптечка.

Кстати, порядок здесь был идеальнейший. В аптечке все сверкало белизной, на всех пузырьках этикетки с красиво выведенными от руки названиями лекарств. Выстиранные бинты аккуратно свернуты, уложены отдельной стопкой.

Я вообще очень настороженно отношусь к неряшливым людям, они мне просто несимпатичны. А любой факт неаккуратности со стороны медицинского работника считаю просто нетерпимым. И тогда был уверен, а сейчас тем более, что неряшливость и служение медицине несовместимы.

После осмотра больных Мария угостила меня чаем, для которого заваркой служил душистый липовый цвет. Мы разговорились, понемногу скованность друг перед другом прошла. Я рассказал о том, как попал в партизаны, она в свою очередь поведала о себе.

Родилась Мария на Полесье в деревне Протасы Паричского района. Родители одними из первых вступили в колхоз. Шли годы, артель крепла, набирала силу, стала одной из передовых в районе. Пришел достаток и в каждую колхозную семью. Старшего брата Григория и Марию направили учиться. Григорий стал кадровым командиром, Мария окончила школу медсестер в Бобруйске и осталась работать в одной из городских больниц. Здесь ее и застала война.

Когда немцы подошли к городу, Мария решила уйти к родным. Первое время помогала матери по хозяйству, а когда, вырвавшись из окружения, вернулся домой Григорий, собрали семейный совет.

- У вас мне оставаться нельзя, - заявил Григорий. - Придут немцы, тогда и мне и вам не миновать смерти. Уйду в лес, буду партизанить...

Мария ушла вместе с братом. Сначала партизанили небольшим отрядом, который состоял из нескольких местных жителей и военнослужащих, избежавших плена. Потом отряд вырос, влился в бригаду, которой командовал один из первых среди партизан Герой Советского Союза Федор Илларионович Павловский.

Немцы каким-то образом узнали, что Григорий и Мария в партизанах, решили выместить свою злобу на родителях. Первым был расстрелян отец Леонтий Афанасьевич. Мать и младшую сестру Пашу решили пока не трогать. За домом была налажена слежка. Фашисты надеялись, что рано или поздно Григорий с сестрой обязательно навестят родных.

На смерть отца партизан командир отряда ответил новыми ударами по врагу. Тогда немцы направили в деревню Протасы большой карательный отряд. Приближавшуюся колонну первой заметила Паша. Испуганная, в слезах, прибежала она к матери, стала звать в лес.

- Ты беги, дочка, беги! - ответила Пелагея Афанасьевна, прижимая к груди Пашу. - Во-он туда. Там брат твой. - Она

показала направление, где нужно было искать Григория. - А я здесь останусь. Меня, старую, немцы не тронут.

Паша отбежала, спряталась в сарай к соседке и оттуда через щели в бревнах стала наблюдать за улицей.

А фашисты приступили к своему варварскому, заранее продуманному плану. По списку, составленному предателем, они стали собирать в хату Михеда Голуба всех жителей. Туда же привели и мать Марии. Завернули руки за спину, привязали к обозной повозке, приказали смотреть на хату Михеда, куда пригнали уже двадцать четыре семьи.

Потом немцы заперли дом, облили его со всех сторон бензином и подожгли. Всех, кто пытался выскочить из пламени, расстреливали из автоматов... Вскоре вопли и крики несчастных затихли.

Когда Паша выбежала из сарая, немцы, сотворив свое гнусное дело, уже уходили из деревни. Они гнали перед собой отобранный у жителей скот, а за последней повозкой шла мать Паши. Ее подгонял кнутом фашист.

Паша больше не видела матери. Судьба этой женщины стала известна лишь через несколько дней. Пелагею Афанасьевну привели в Паричи, на первом же допросе страшно избили. Фашисты хотели узнать, где прячется сын - "бандит" Григорий. Мать молчала. Ее начали снова бить. Тогда она схватила со стола тяжелую чернильницу и запустила ею в немца. Пелагея Афанасьевна надеялась, что это ускорит развязку. Но палачи еще долго издевались над своей жертвой. Они выкололи ей глаза, отрезали уши и только после этого повесили во дворе комендатуры.

Паша убежала в лес. Она разыскала брата и сестру, рассказала им о трагедии, которая совершилась в деревне у нее на глазах. Тогда же Григорий и Мария поклялись мстить врагу, пока будут живы.

Вот какую историю поведала мне Мария в тот день. Долго еще был я под впечатлением этого страшного рассказа, долго в глазах стояла картина издевательств над невинными людьми.

Мария стала мне как-то особенно дорога. Тогда же я твердо решил, что буду просить ее руки.

Вернувшись в бригаду, пошел к Даниилу Абакумовичу.

- Знаешь, - сказал ему, - не могу без Марии! Запала мне в сердце эта дивчина. И если бы она согласилась выйти за меня замуж...

- Ты все хорошо обдумал? - перебил Даниил Абакумович. - Брак, дорогой, дело серьезное. Помнится, еще Маркс сказал, что никто не принуждает к заключению брака, но всякий, коль ступил

на этот путь, должен подчиняться его законам. Так что...

- Я все обдумал, - ответил я. - Намерения мои чистые и серьезные.

- Ну, тогда... Благословляю. - Он встал, крепко обнял меня. - Можно свадьбу сыграть.

- Шутишь! - не поверил я. - Какая здесь свадьба...

- Вовсе не шучу, - возразил он. - Сыграем свадьбу, даю слово. Нашу, партизанскую!

И хотя слова его окрылили меня, я все же понимал, что до свадьбы еще очень далеко. Так оно на самом деле и оказалось.

Вскоре нам сообщили, что вот-вот должен прилететь с Большой земли самолет, а потом указали и точный срок. За день до его прилета я снова побывал у Марии. Все ее раненые оказались в хорошем состоянии, ухаживала она за ними очень заботливо. Я осмотрел раненых, вместе с Марией сделал им последнюю перевязку, потом она позвала меня в дом перекусить.

Вот тогда-то и состоялся у нас тот самый важный для меня разговор, о котором думал денно и нощно. Я сказал Марии, что люблю ее, не могу без нее и прошу ее руки.

Мария покраснела, опустила глаза, задумалась.

- Вот что, Ибрагим, - ответила она наконец. - Давай немного подождем. Все это так неожиданно... Мне нужно посоветоваться с братом, с сестрами. И вообще... Я не знаю... Война...

Короче, в тот день она не сказала ни да ни нет. И уехал я от нее не то чтобы вконец расстроенный, но а не очень радостный. Ведь когда ехал в Альбинск, все же в глубине души надеялся на определенный положительный ответ.

Мы с Марией стали переписываться. К нам в штаб часто приезжали связные из бригады Павловского, и через них я каждый раз передавал письмецо Марии. Потом с нетерпением ожидал ответа.

Переписка наша продолжалась несколько месяцев. За это время я окончательно убедился, что Мария - моя судьба. Почти в каждом письме я просил ее дать окончательный ответ. Хотя ее письма были очень теплыми, она долго не решалась сказать "да". Наконец в одном из писем сообщила, что согласна на наш союз. Я был, как говорят, на седьмом небе от радости. С письмом Марии в руке помчался к хате, где находился Павловский, приехавший по делам в штаб соединения. Вбежал в дом, одним духом выпалил:

- Федор Илларионович, женюсь!

- Да? - удивленно и несколько насмешливо протянул он. - И кто же невеста?

- Замечательная девушка! Мария Вежновец, медсестра из вашей бригады...

- Вот как! Что ж, дело хорошее. Очень рад. Значит, теперь в нашей бригаде будет еще и врач? Вот хитрец!

- Да нет, - говорю. - Я думаю ее к себе забрать, в штаб соединения. Нам как раз нужна медсестра...

- О нет, уважаемый! На такие условия я не согласен. Переходи к нам - и дело с концом. Мы вам такой медовый месяц организуем...

Я помчался к командующему соединением Роману Наумовичу Мачульскому. Рассказал ему про свое огорчение, про то, что Павловский не отпускает Марию к нам в штаб соединения.

- Ладно, - после некоторого раздумья решил Роман Наумович. - Вот завтра будет у меня Павловский, поговорим.

На следующий день я уже с утра крутился возле штаба соединения. Дождался Павловского, прошел вслед за ним в хату, где размещался штаб.

Роман Наумович пригласил нас с Павловским сесть, улыбаясь одними глазами, обратился к Федору Илларионовичу:

- Вот какое дело случилось, комбриг... Влюбился наш доктор, понимаешь. Насколько я знаю, с тобой ведь тоже когда-то такое случалось, а?

- Было дело, - улыбнулся Павловский. - Да ведь я не против, Роман Наумович. Пусть женятся на здоровье, живут, как говорится, в мире и согласии. Мы им уже и комнатку в одной хате присмотрели...

Он продолжал гнуть свою линию. Однако Мачульский стал целиком на мою сторону.

- Вот что, Федор Илларионович, - уже серьезно, без тени улыбки произнес он. - Думаю, в госпиталь действительно нужна медсестра. А Мария Вежновец вполне подходящая кандидатура. Так что...

- Ясно! - сдался наконец Павловский. - Правда, раньше в таких случаях выкуп полагался...

- А насчет этого ты уже сам с доктором договорись. Уверен, что он тебе любой выкуп заплатит. - Роман Наумович снова улыбнулся.

Я поблагодарил обоих, выбежал из хаты.

Теперь нужно было поскорее перевезти Марию к нам. Но, как на беду, срочных дел оказалось невпроворот, и за Марией я выехал лишь спустя несколько дней. Рано утром вызвал Жоржа, приказал:

- Запрягай быстрее повозку! Едем за невестой.

- Якши! Якши! - обрадовался Жорж и побежал к сараю, где стояли наши госпитальные лошади.

Жорж был татарин по национальности, его настоящего имени

никто не знал. У нас в госпитале он был санитаром. Мне он очень нравился: энергичный, исполнительный, смекалистый и, что не менее важно, всегда веселый, неунывающий. А я уже говорил, что хорошее настроение для наших раненых было так же важно, как и хорошее лекарство.

- Дорогой доктор, - обратился ко мне Жорж, когда повозка была уже готова. - Может быть, там и для меня есть невеста? Привезем сразу две, а?

- Это уж как повезет, - ответил я. - Погоняй!

И мы помчались.

В Рудобелке быстро разыскали хату, где размещался штаб бригады Павловского. Жорж остался возле повозки, а я вошел в дом. Павловский здесь. Рядом с ним за столом сидели комиссар бригады Семен Васильевич Маханько и начальник штаба Григорий Ильич Барьяш.

- А где же выкуп, доктор? - разочарованно глядя на мои пустые руки, протянул Павловский. - Мы же договорились...

Не понимая, в чем дело, Барьяш и Маханько с удивлением посмотрели на своего командира.

- Знаете вы этого доктора? - обратился к ним Павловский.

- Знаем, - ответили те, все еще недоумевая. - Доктор Друян из штаба соединения.

- Так вот, приехал он нас грабить...

- Что-то ты загадками стал говорить, командир, - не выдержал Григорий Ильич Барьяш. - Может, внесешь ясность?

- Какие здесь загадки! - воскликнул Павловский. - Увозит он у нас медсестру Марию Вежновец. Женится на ней. Куда уж яснее...

- Вот в чем дело! - в один голос воскликнули комиссар и начальник штаба. - А с нами ты посоветовался?

- Да что там советоваться, - смутился Павловский. - Мачульский приказал отдать!

- Ну, тогда понятно! - протянул Маханько. - Что ж, действительно выкуп положен.

Он повернулся ко мне.

- Иначе, доктор, и не мечтай о невесте!

Я выбежал из хаты, через минуту вернулся, поставил на стол бутылку.

- О, это дело! - воскликнул Павловский. - Теперь можно такое событие и отметить...

Мы выпили по чарке.

Павловский дал указание срочно разыскать Марию, доставить ее в штаб.

- Да не говори, что доктор приехал, - предупредил он посыльного. Просто скажи, командир вызывает...

Но сохранить в тайне мой приезд не удалось. Неизвестно каким образом весть о том, что я приехал "сватать" Марию, быстро разнеслась по бригаде, и вскоре возле хаты стали собираться партизаны. Каждому хотелось посмотреть на "сватовство", такое в бригаде совершалось не часто.

Прибыл посыльный, доложил Павловскому, что сейчас Мария приехать не может, она в лесу в гражданском лагере принимает роды.

- Делать нечего, доктор, потерпи, - обратился ко мне Маханько. - Идем, пообедай с нами.

Сел за стол, но еда не шла. Я весь был полон ожиданием встречи.

И вот наконец появилась Мария. Вошла в хату, смущенно опустила глаза, остановилась у порога.

- Ну, молодые... - Павловский поставил нас рядом, вложил руку Марии в мою ладонь. - Поздравляю с законным браком.

- Горько! - неожиданно для нас закричали вокруг.

Делать нечего, я обнял растерявшуюся Марию, потянулся поцеловать. От смущения она вся горела, еще ниже опустила голову, и мой первый супружеский поцелуй пришелся не в губы, а куда-то в подбородок...

Вскоре мы втроем покидали гостеприимную Рудобелку. До самого леса нас провожала большая группа партизан. Потом тепло распрощались, и вот деревня исчезла за соснами...

Это все произошло 12 апреля 1943 года.

А недавно мы с Марией отпраздновали тридцатилетие нашей супружеской жизни. За все эти годы всякое бывало: и трудно нам приходилось, иной раз очень трудно, и радости были, и горести. Но всегда мы чувствовали поддержку друг друга, всегда приходили один другому на помощь. Партизанский брак наш оказался прочным, на всю жизнь.

С приходом Марии положение в нашем госпитале значительно улучшилось.

Уже одно то, что за ранеными стала ухаживать женщина, добрая и чуткая медсестра, положительно сказалось в госпитале. Раненые стали быстрее поправляться.

Мария взяла под свой контроль нашу госпитальную аптеку, навела там образцовый порядок. С помощью санитаров и местных жителей она сумела за короткое время значительно пополнить ее за счет лекарств, приготовленных из растений. Она же ассистировала мне при операциях, помогала во время амбулаторных приемов больных, ухаживала за группой сыпнотифозных. И не однажды я ловил себя на мысли: как мог столь долгое время жить и работать без нее! Теперь мне это

казалось невозможным.

Через несколько дней к нам приехал брат Марии Григорий. Я видел его впервые. Он произвел на меня самое хорошее впечатление. Небольшого роста, крепкого сложения, лицом очень похож на сестру. Держался просто, но в то же время как-то замкнуто, сосредоточенно. Казалось, его гложет какая-то очень тревожная мысль. Потом выяснилось, что так оно и было.

Григорий вывел Марию на улицу, о чем-то долго с ней разговаривал. Вернулась она в хату расстроенная, заплаканная.

- Что случилось? - бросился я к ней. - Несчастье?

Она молча кивнула, потом, немного успокоившись, рассказала следующее.

В Протасах, родной деревне Марии, немцы разместили гарнизон. Отсюда гитлеровцы стали делать вылазки в соседние села, бесчинствовать, грабить местное население. Партизаны решили положить этому конец. Разгромить вражеский гарнизон Павловский поручил отряду Григория, и тот стал готовиться к операции. От местных жителей он узнал, что очередной налет карателей готовят на деревню Шкаву. Вот здесь и было решено дать бой врагу.

На разведку в деревню послали Пашу. Командир решил, что худенькая, щуплая девочка четырнадцати лет ни у кого не вызовет подозрений. Паше были даны соответствующие инструкции, и она отправилась в путь.

Но Пашу узнал какой-то предатель, ее схватили. Девочку повезли в Паричи. Две недели издевались над ней фашисты, страшно били, истязали, но юная партизанка не промолвила ни слова. Враги так и не добились от нее признания, где располагается отряд Григория. Полуживую, ее бросили в подвал, который находился в Протасах, куда девочку привезли для окончательной расправы. Перед тем как захлопнуть дверь подвала, один из полицейских пригрозил:

- Не признаешься - повесят тебя завтра...

Григорий не находил себе места. Он терзался страшными угрызениями совести, считал, что во всем, что случилось с Пашей, виноват он один. Когда он доложил обо всем Павловскому, тот принял немедленное решение: сделать внезапный налет на Протасы, освободить там заключенных, в том числе и Пашу. Руководить операцией было поручено Григорию.

Бой длился недолго. Атака партизан была неожиданной, всесокрушающей. Вражеский гарнизон был разбит наголову. Пока партизаны добивали гитлеровцев, Григорий нашел подвал, где томились узники, сбил замок. И вот Паша у него на руках, страшно избитая, измученная, но живая. Вместе с другими

узниками она оказалась на свободе.

Григорий привез Пашу к нам в госпиталь. Когда я осмотрел ее, ужаснулся: все тело девочки было в свежих, кровоточащих рубцах. Несколько недель настойчивого лечения и заботливого ухода понадобилось нам с Марией, чтобы снова поставить девочку на ноги. Лечили мы ее лекарствами, которые готовили из самых различных целебных трав Полесья. Мария умела их готовить как никто другой.

Понемногу Паша стала поправляться, подниматься с постели, ходить. А вскоре даже стала помогать Марии выполнять ее обязанности медсестры. Она очень легко и, я бы сказал, как-то радостно перенимала у нее опыт, обучалась науке оказания первой помощи раненым.

Так неожиданно для самих себя мы заполучили еще одну медицинскую сестру. Паша стала санинструктором в отряде брата, куда вернулась после выздоровления.

Профессию медицинского работника Паша полюбила на всю жизнь. После войны она окончила в Бресте фельдшерскую школу и вот уже более 20 лет работает медицинской сестрой в Гомельском госпитале для инвалидов Великой Отечественной войны.

Мария постепенно становилась незаменимым помощником во всех моих врачебных делах. Постоянно присутствуя при операциях и перевязках, при обходах раненых и больных, она стала понимать меня с полуслова. Мария безропотно переносила все тяготы жены партизанского врача, которому иной раз приходилось значительно тяжелее, чем рядовому партизану.

Вырвавшись из блокады в районе деревни Тышкевичи, все мы едва держались на ногах. После нескольких бессонных ночей, нечеловеческого напряжения, которое перенес каждый, все мы мечтали об одном - поскорее добраться до какого-нибудь укромного уголка, отдохнуть, отоспаться. Об этой долгожданной минуте отдыха мечтали и мы с Марией. Но едва добрались до хаты, которую нам отвели, как заявился комбриг. Был он взволнован и расстроен.

- Ибрагим Леонидович, нужна твоя срочная помощь! - обратился он ко мне. - Только что в лесу на мине подорвался 14-летний мальчик. Кроме тебя, никого из врачей поблизости нет...

Превозмогая страшную усталость, я поднялся, стал одеваться. Ни слова не говоря, начала собираться в путь и Мария. Она деловито укладывала в санитарную сумку все, что осталось у нас от хирургического инструмента и медикаментов: большую часть всего этого мы утеряли ночью, когда перебирались через канал.

- Ты куда? - удивился я. - Отдыхай! Ведь едва на ногах

стоишь...

- Как же ты без меня, - просто и спокойно ответила Мария. - Нет уж, лучше вместе.

Мы пошли вдвоем.

Мальчик был жив, но находился в крайне тяжелом состоянии. На уровне средней трети левой голени типичная травматическая ампутация: нога висит на одной коже, из раны торчат открытые концы обеих костей голени, разрушен сосудисто-нервный пучок. Выше раны наложен примитивный жгут. Общее состояние мальчика плохое: резкая бледность, связанная с большой потерей крови, тело покрыто холодным потом. Пульс хотя и ритмичный, но очень слабого наполнения.

Мы с женой переглянулись: необходима срочная операция. Но как и чем ее делать? Наркоза нет, ампутационная пила наша, шелк, хирургические иглы - все это было в ящике, который покоится где-то на дне канала.

- Надо что-то придумать, Ибрагим, - вполголоса проговорила Мария. Если мы сейчас же не сделаем ампутацию, мальчик погибнет.

Я понимал это не хуже ее.

- У вас есть какая-нибудь пила? - обратился я к хозяйке дома.

Она выбежала в сени, вскоре вернулась и протянула мне самую обычную садовую ножовку.

- Только такая.

- Давайте!

Я попросил хозяйку принести немного льняных ниток, иголку. Вместе с пилкой все это хорошенько прокипятил. Мария тем временем занималась раненым, готовила его к операции. В качестве обезболивающего решили использовать крепкий самогон, как делали уже не однажды.

И вот мальчик уснул. Я приступил к операции. Мария мне ассистировала и делала это, как всегда, умело.

Обработав самогоном и йодом операционное поле, обложил его прокипяченными простынями. Затем сделал круговой разрез кожи. Сосуды перевязал льняными нитками, а сохранившуюся ампулу новокаина использовал для обработки нерва перед его рассечением... После того как отпилил кости, на мышцы и кожу наложил временные швы, с наружной и внутренней поверхности вставил тонкие марлевые выпускники.

Мальчик был спасен. Уверен, что успехом этой операции я больше чем наполовину обязан Марии, ее квалифицированной помощи.

Наконец мы получили возможность немного отдохнуть после бессонных ночей блокады. Спать легли здесь же, в доме, где за

пологом из старенького выцветшего ситца лежал раненый мальчик. Уснул я крепко, даже не слышал, как ночью Мария несколько раз поднималась, проверяла состояние раненого.

Верность долгу, ненависть к врагу привели к нам в партизаны медицинскую сестру Ксению Семеновну Огур. Медицинское училище она закончила перед самой войной, заставшей ее в родной деревне Зорька Глусского района, куда она приехала в отпуск перед поступлением на работу. Защищать Родину ушли четыре ее брата, она осталась при матери-старушке одна. Мария Михайловна была очень больна, Ксения не могла ее покинуть. Когда в деревню пришли немцы, она стала выполнять вместо матери разные работы по приказанию старосты.

Помню, как пришла Ксения к нам в партизаны. Произошло это так.

Взрывом гранаты была ранена группа наших партизан. В хату, где лежали раненые, прибежала девушка, обратилась ко мне:

- Я медицинская сестра. Чем могу быть полезна?

Всю ночь Ксения помогала мне обрабатывать раны, делать перевязки. А утром, когда я сказал, что она свободна, заявила:

- Никуда я от вас не уйду! Зачисляйте в отряд.

Ее закрепили за отрядом имени Воронова, в котором командиром был Виктор Яковлевич Хорохурин. Здесь она пробыла до самого соединения с частями Красной Армии.

Ксения Семеновна оказалась хорошей медицинской сестрой, чутким и отзывчивым человеком. Ухаживая за сыпнотифозными больными, она не уберегла себя, сама заболела тифом. Мы вылечили ее, снова вернули в строй.

Теперь Ксения Семеновна работает медсестрой в одной из больниц Гомеля.

Трудно передать словами все то, что пережила Тоня Семенчук еще будучи 16-летней девочкой.

В один из январских дней 1942 года в деревню Парщаха, где Тоня жила со своими родителями, ворвались фашисты. Они стали выгонять из домов стариков, женщин, детей, собирать их на площадь. Молодых девушек, в том числе и Тоню, немцы выделили из толпы, отвели в сторону. Остальных согнали в телятник, наглухо закрыли дверь. Тех, кто пытался выпрыгнуть через окно, гитлеровцы расстреливали из автоматов и пулеметов. Они облили сарай бензином и подожгли. Вместе с другими у Тони на глазах сгорели ее мать, отец, родственники.

После расправы с жителями деревни фашисты погнали девушек в Осиповичи. Полицаи, которые их конвоировали, сказали, что всех увезут в Германию.

Девушки решили бежать. Когда их гнали через лес, они по сигналу Тони бросились врассыпную. Много их, молодых, было убито, но некоторым удалось спастись, в том числе и Тоне Семенчук. Неделю блуждала по лесу, искала партизан. Наконец попала в расположение бригады Алексея Шашуры. Партизаны тепло приняли ее, накормили, затем переправили в отряд имени Ворошилова, где был ее родной брат Николай. Здесь Тоня прошла курс специальной подготовки, стала медицинской сестрой, помогала врачам ухаживать за ранеными и больными.

Добрая, отзывчивая по натуре, она вскоре завоевала большую популярность среди партизан бригады. Они не называли ее иначе как "сестричка".

Брат Тони Николай был в отряде командиром группы подрывников. Со своими хлопцами он спустил под откос не один эшелон врага. Но не только этим прославился, а еще и тем, что с каждого задания обязательно приносил что-либо из медикаментов. При выполнении любой операции партизаны никогда не забывали "проверить" санчасть врага. Они уносили с собой нужные медикаменты, перевязочный материал, хирургический инструментарий. Все добытое в боях Николай отдавал Тоне, а она передавала это нам, врачам.

Отгремели залпы войны, вся семья Семенчуков вернулась к мирной жизни. Все трое - Николай, Тоня и брат Женя - окончили высшие учебные заведения, стали работать в разных отраслях народного хозяйства. Николай Антонович директор Гомельского железнодорожного техникума, Антонина Антоновна ответственный работник областного отделения Государственного банка в Гродно. Евгений Антонович - научный работник, доцент университета в Гомеле.

Большой любовью среди партизан пользовалась медсестра Александра Сергейчик (по мужу Каткова). Тихая, незаметная в мирной обстановке, она перевоплощалась во время боя. Становилась настоящим солдатом, которому неведомы страх и колебания. Под пулями врага она спасала раненых, оказывала им первую помощь, выносила с поля боя.

Особенно отличилась Шура во время "рельсовой войны", когда по приказу с Большой земли все партизанские соединения одновременно приступили к подрыву железнодорожных путей в тылу врага. Тем самым надолго вывели из строя многие километры железной дороги.

Готовиться к этой операции, названной "Концертом", в нашей бригаде начали в августе сорок третьего года. Получив боевое задание от руководства соединением, Владимир Кириллович Яковенко со своим штабом подробнейшим образом разработал

все детали предстоящей операции, поставил конкретные задачи перед всеми службами, в том числе и перед нами, медиками. В свою очередь врачи бригады провели инструктаж с медицинскими сестрами, санитарными работниками. После этого все медики были распределены по партизанским отрядам бригады.

20 сентября в отрядах был отдан приказ о выходе на задание. Настроение у всех было боевое, приподнятое. Нашей бригаде для подрыва был выделен участок железной дороги между станциями Осиповичи и Татарка на железнодорожной линии Бобруйск - Минск. Сто километров от нашей базы до железной дороги необходимо было пройти за двое суток. Рано утром мы тронулись в путь.

Первые сутки пути прошли без происшествий. Отдохнув несколько часов, двинулись дальше. К вечеру второго дня стал накрапывать дождь, который потом превратился в настоящий ливень. Мы промокли до нитки, но темп движения не замедлялся. Вели бригаду разведчики из здешних жителей, которые хорошо знали местность. Однако в обстановке проливного дождя даже они почувствовали себя неуверенно: то и дело останавливались, сверялись с картой, компасом.

Положение усложнилось, когда наступила ночь. Идти по бездорожью становилось все труднее, нужно было двигаться совершенно бесшумно и в то же время не снижать темп ходьбы. Иначе мы рисковали попасть к назначенному месту с опозданием, сорвать выполнение задания, назначенного на 22 сентября.

Вот наконец и торфяные карьеры, начинавшиеся, по рассказам наших проводников, неподалеку от станции Татарка. Они глубокие, обрывистые. Тропинка между ними оказалась залитой дождем и превратилась в грязное месиво, в котором мы утопали по колени. Держась друг за дружку, мы продолжали продвигаться вперед.

И вдруг - крик впереди. Колонна остановилась, командиры подразделений ушли вперед выяснять, что случилось. Оказывается, оступился и упал в карьер начальник штаба нашего отряда Иван Шаповалов. Он стонал и охал в темноте где-то глубоко внизу. Появились веревки, к Шаповалову спустили одного из партизан и с его помощью извлекли Ивана из карьера. К счастью, он отделался лишь ушибами. Шура Каткова в темноте наощупь оказала ему первую помощь. Мы двинулись дальше.

Когда до железнодорожного полотна оставалось не более километра, была дана команда проверить готовность личного состава к выполнению задания. И вот здесь-то возникло одно непредвиденное осложнение. Оказалось, что, несмотря на все принятые меры, у всех промокли спички, поджечь бикфордов

шнур нечем.

Выполнение задания пришлось отложить. Командование бригадой приняло правильное решение: немедленно отойти к ближайшей деревне, за день привести себя в порядок, потому что все мы были вконец измучены трудным переходом. Специальные гонцы должны были за это время достать необходимое количество спичек.

Так и сделали. Пользуясь темнотой, отошли к ближайшей деревне, здесь расположились на привал. День отдыхали, готовили подрывные заряды, а с наступлением ночи направились к своему участку железной дороги.

Я в ату ночь оставался при штабе бригады, который расположился примерно в полукилометре от железной дороги. Наступили тревожные минуты ожидания. Мы настороженно прислушивались, ожидая взрывов. В. К. Яковенко, осторожно подсвечивая фонариком, то и дело посматривал на часы.

- Наши уже возле железной дороги, - вглядываясь в кромешную тьму, вполголоса высчитывал Иван Шаповалов. - Вот они поднимаются по насыпи, вот...

И вдруг огромной силы взрыв оборвал его слова. Сразу же вслед за ним послышались пулеметные и автоматные очереди.

Мы вскочили, бросились в ту сторону, откуда раздался взрыв. Было ясно: произошло что-то непредвиденное. Даже по самым оптимальным расчетам так быстро партизаны не могли подобраться к полотну и заложить взрывчатку.

Едва пробежали несколько метров, как навстречу из темноты вынырнул боец из отряда Жлобича, срывающимся голосом закричал:

- Наши на минное поле напоролись! Немцы бешеный огонь открыли...

Так вот в чем дело! Скорее на помощь к товарищам!

Когда я подбежал к месту, где произошел взрыв, там уже разгорелся самый настоящий бой. Немцы вели огонь трассирующими пулями - яркие разноцветные стрелы то и дело вспарывали ночную мглу. Потом фашисты пустили в бой минометы и пушки. Железнодорожное полотно пришлось брать штурмом.

Первым, кого я увидел, когда подбежал к минному полю, был командир партизанского отряда Владимир Жлобич. Он лежал на боку, уткнувшись головой в мокрый песок, тихо стонал. Я опустился возле него на колени, достал бинт. Он попытался оттолкнуть меня, проговорил:

- Не надо! Беги, доктор, туда! Там много раненых...

Показал рукой в сторону насыпи и сразу же потерял

сознание. Начал выкрикивать команды, какие-то бессвязные слова. У него оказалось несколько осколочных ранений в обе ноги. Я сделал ему перевязку, кто-то из партизан помог мне перенести его на наш временный медпункт. Здесь передал его медсестре, сам снова вернулся на поле боя.

Под прикрытием нашего огня группы подрывников пробрались к рельсам, заложили взрывчатку. И вот в общий гул боя вплелись негромкие, но дружные взрывы - сработали мины партизан. Задание командования было выполнено.

У нас оказались убитые, было много раненых. С первым же выстрелом на поле боя появилась медсестра Александра Каткова. Пренебрегая опасностью, она оказывала первую помощь раненым, на себе переносила их подальше от железной дороги, в лесную лощину, где я развернул походный медпункт. Работала Шура до тех пор, пока сама не была ранена в ногу. Партизаны вынесли ее в безопасное место, я сделал ей перевязку.

Была дана команда отходить. С боем партизаны стали отступать в лес. Раненых несли на импровизированных носилках.

И вот наконец все в лесу. Выстрелы постепенно утихли, фашисты не осмелились преследовать нас дальше. Теперь можно было сделать привал и осмотреть раненых. Стало светать. С помощью Шуры и санинструктора Михаила Кршки, чеха по национальности, я сменил бинты, снял жгуты, наложил вместо них давящие повязки.

Потом мы двинулись дальше.

Михаил Кршка пришел к нам в бригаду в конце сорок второго года, но лично я познакомился с ним несколько позже - весной сорок третьего.

Произошло это так. Однажды под вечер ко мне в санчасть заявился высокий молодой человек, бледный, с красными от бессонницы глазами. Обеими руками он держался за правую щеку, стонал.

- Спасай, доктор! Совсем погибаю... Зуб!

Я усадил его на топчан, осмотрел зубы. Внешне больной зуб ничем не отличался от здоровых, но малейшее прикосновение к нему причиняло Михаилу жуткую боль. Конечно, в нормальных условиях зуб, наверно, можно было спасти, но в то время у нас в бригаде, кроме зубных щипцов, никакого стоматологического инструментария не было. Этими единственными щипцами приходилось удалять любые зубы: верхние, нижние, резцы и клыки...

- Надо удалять, - сказал я больному.

- Что хочешь делай, только поскорее!

Я дал Михаилу стакан самогона и вырвал зуб. Вскоре ему

стало легче, он повеселел. Мы разговорились. Михаил рассказал о себе.

В составе 101-го словацкого полка Михаил Кршка охранял мост через реку Бобрик вблизи станции Капцевичи.

В начале декабря сорок второго года наша бригада получила задание подорвать этот мост. Ночью партизаны вышли на боевую операцию. По сигналу "красная ракета" отряд Далидовича оседлал дорогу Оголичи - Петриков, а отряд Глушакова атаковал немецкий гарнизон разъезда. Бойцы под командованием Жихаря начали разрушать полотно в направлении станции Птичь. Отряд имени Гастелло пошел на штурм дзотов около железнодорожного моста.

Когда партизаны открыли по дзотам огонь, в ответ из них застрочили пулеметы. Но пули летели высоко в небо, не нанося нашим никаких потерь. Вскоре стрельба прекратилась совсем. В отряде недоумевали: неужели враг покинул укрепление? Кто-то из партизан подполз к дзоту, готовый в любую секунду метнуть гранату, распахнул дверь. И вдруг оттуда послышались крики: "Не стреляйте! Мы словаки!"

Словаки решили не поднимать оружия против своих братьев - белорусских партизан. В дзоте их было 18 человек. Они помогли нашим заложить на мосту взрывчатку, вместе с ними отошли от железнодорожного полотна. Вскоре огромной силы взрыв потряс воздух, и 47-метровый мост рухнул в реку Бобрик.

В эту ночь вместе с другими словаками стал советским партизаном и Михаил Кршка. Он хорошо понимал, что в лесах Белоруссии ведет борьбу за честь и свободу своей родины - Чехословакии. Плечом к плечу с белорусскими народными мстителями он мужественно сражался с нашим общим врагом.

После случая с зубом мы подружились с Михаилом Кршкой, частенько встречались, беседовали. А когда Белоруссия была освобождена от немцев, наши пути разошлись. Кршка ушел дальше на запад громить фашистов, я же навсегда остался в Белоруссии. Долгое время ничего не слышал о нем. Но однажды, спустя двадцать лет, когда я уже работал начальником госпиталя для инвалидов Великой Отечественной войны, позвонил Владимир Кириллович Яковенко, в то время председатель Гомельского горисполкома.

- Приезжай немедленно! - веселым голосом произнес он. - Не пожалеешь.

В кабинете председателя кроме самого Яковенко сидели еще трое мне незнакомых людей. Я направился к столу, один из троих обернулся, вскочил:

- Здравствуй, доктор! - воскликнул он. - Ну, теперь я с тобой

посчитаюсь за тот зуб, который ты вырвал у меня в сорок третьем...

Он бросился обнимать меня.

Это был Михаил Кршка.

В составе чехословацкой делегации Михаил приехал в Советский Союз. Он решил посетить своих старых друзей.

В тот день мы засиделись в кабинете, вспоминали былые походы, своих партизанских друзей...

Не раз нашим медсестрам приходилось не только оказывать медицинскую помощь раненым под огнем врага, но и самим с оружием в руках сражаться с гитлеровцами. И здесь они также проявляли мужество и героизм.

Ольга Артемовна Беленко в 1938 году окончила фельдшерскую школу в Бобруйске и стала работать медсестрой в гарнизонном госпитале. Когда началась война, сыну Ольги Валерию исполнилось год и два месяца. Как только отец Ольги узнал о начале войны, он сейчас же прислал в Бобруйск за внуком дочерей Анастасию и Марию. Валерия увезли, а Ольга ушла в госпиталь и больше уже домой не вернулась.

С первого дня войны в госпиталь стали поступать раненые. Их беспрерывным потоком привозили из Кобрина, Белостока, Гродно, Волковыска... В начале июля получили приказ эвакуироваться. Все раненые были отправлены на вокзал, погружены в санитарный поезд. Часть медицинского персонала уехала вместе с ними, остальные пешком отправились вслед. В дороге немного отдохнули и двинулись дальше на Рогачев. В Рогачеве помогли местным медикам эвакуировать раненых из городской больницы и направились в Гомель, где разыскали свой госпиталь. Он теперь именовался ВППГ No 45 13-й армии Западного фронта.

Снова нескончаемый поток раненых и операции, операции... Оперировать приходилось даже во время воздушных налетов.

Враг рвался к Гомелю. Оставлять здесь раненых уже было небезопасно, и госпиталь перебазировали дальше в тыл. На новом месте опять начались операции. Их приходилось делать не только бойцам, но и местным жителям, пострадавшим во время вражеских бомбежек.

Никогда не забудет Ольга, как однажды в операционную внесли четырехлетнего мальчика с оторванной у локтевого сустава правой ручкой. Хирург Волошин взял в руки скальпель...

- Дядя, не делай мне больно! - попросил мальчик.

И мужественный врач, не терявший силы духа при любых обстоятельствах, не выдержал, заплакал.

Потом был небольшой городок Трубчевск. Здесь во дворе

роддома, где разместился госпиталь, похоронили сотрудники своих товарищей, погибших во время бомбежек: врачей Поваринцина и Бодрова, медицинскую сестру Машеньку Астрахань.

Вскоре Ольгу и еще двух сестер - Нину Котову и Надю Зотикову направили в ближайшую дивизию помочь там эвакуировать раненых. Но туда они не попали. На лесной дороге столкнулись с немцами. Враги открыли огонь, пришлось свернуть в болото, в камыши... Потом голодные, в рваной одежде, в галошах, обмотанных тряпками, под видом беженцев двинулись в родную Белоруссию. По дороге Ольга Беленко и Нина Котова поклялись при первой же возможности уйти в партизаны. И клятву эту обе сдержали.

В родной Козаков Ольга пришла с обмороженными ногами. Долго пришлось лечиться, а когда окрепла немного и стала ходить, узнала, что отец и муж Семен Арбузов давно уже члены подпольной группы. Ольга упросила их принять в эту организацию и ее. Она стала выполнять боевые задания: ходила в Бобруйск, где доставала у знакомых медиков бинты, вату, лекарства. Отец и муж все это переправляли партизанам.

Потом - донос предателя и аресты членов подпольной группы. Вместе с другими были схвачены отец Ольги и муж. Ее почему-то не тронули, предатель не знал, что она тоже связана с партизанами.

Отца при допросе фашисты так избили, что он через несколько дней умер. Мужа вместе с другими подпольщиками расстреляли. Валерий остался без отца.

Однажды, когда Ольга с матерью копали на огороде картошку, на большаке послышалась перестрелка. Женщины бросили лопаты, прокрались к плетню. К ним подбежали несколько знакомых партизан.

- Выручай, Ольга! - крикнул один. - Командир наш в голову ранен...

Не колеблясь ни секунды, Ольга бросилась вслед за партизанами на дорогу.

Командира Грохотова перенесли в ближайшую хату. Он был без сознания. Ольга обработала рану медикаментами из запасов, которые хранила дома, сделала перевязку, дала раненому укол камфоры. Затем подготовила командира к перевозке: попросила у соседей подушку, несколько байковых одеял. Повозку замаскировали сеном и отправили в путь. Она благополучно миновала все вражеские кордоны. Раненый был доставлен в отряд.

А ночью в окно постучались. Ольга вышла на крыльцо. Сосед,

который только что вернулся из Продвина, где размещался вражеский гарнизон, сообщил:

- Бежать тебе надо, Ольга! Кто-то рассказал фашистам, что ты спасла партизана. Попадешься, расстреляют тебя.

В ту же ночь Ольга покинула Козаков. Долго скрывалась в Бобруйске, а когда рискнула снова показаться в родной деревне, попала, как говорят, "из огня да в полымя". Утром в деревню нагрянули каратели. Всех жителей выгнали на улицу, собрали возле кузницы и стали по одному расстреливать. Убивал эсэсовец - высокий белокурый офицер с мертвыми стеклянными глазами. Ради такого торжественного случая он повязал на шею желтый шелковый шарф. Длинными руками палач мастерски выхватывал из толпы очередную жертву, выводил на дорогу и приставлял к затылку пистолет.

- Это тебе благодарность за помощь партизанам! - говорил он каждому, спуская курок.

- Мамочка, нам дядя тоже будет стрелять в головку? - спросил у Ольги Валерий.

Заливаясь слезами, Ольга прижала сына к груди.

А "дядя" не торопился. После расстрела очередной партии обреченных устраивал перекур. Чувствовалось, что работа для него привычная, такое он делал не однажды...

Настала очередь Оли. Фашист вывел ее из толпы вместе с сыном, взвел курок. И в тот момент, когда он стал поднимать пистолет, в деревню влетел мотоциклист. На полной скорости он подъехал к эсэсовцу, что-то прокричал. Офицер опустил револьвер, отдал короткую команду пулеметчикам, которые все время держали толпу под прицелом, и те стали торопливо грузиться в машину. Полицаи погнали людей в сторону колхозного двора.

Ольга стал ясен замысел фашистов: у них что-то случилось, им нужно было поскорее уходить из деревни и, чтобы ускорить дело, они решили расправиться со всеми жителями сразу - спалить их в колхозном амбаре.

- Сожгут нас! - шепнула Ольга соседям та шеренге. - Надо бежать...

Она первой бросилась в кусты, что густо росли вдоль дороги. За ней последовали остальные. Сзади послышались автоматные очереди, разрывы гранат, но Ольга не оглядывалась. Она просунула сына в дыру в плетне, протолкнула туда же сестренку Надю, протиснулась сама. За плетнем упали в кучу картофельной ботвы. Над головой густо свистели пули, рядом разорвалась граната... Потом они услышали, как совсем близко прогудела машина, прострекотал мотоцикл.

Долго еще лежали они в копне ботвы, а когда осмелились выползти, в деревне стояла жуткая тишина. Ольга отдала Валерия Наде, сама пошла вдоль плетня. Услышала, как кто-то стонет между грядками, бросилась туда. Нагнулась и узнала двоюродную сестру Серафиму Коршак. У нее была раздроблена нижняя челюсть - фашист стрелял в упор. Ольга сняла с себя кофту, разорвала на ленты, сделала раненой перевязку. Отвела сестру в хату, уложила на кровать, опять побежала к плетню.

И снова, едва сделала несколько шагов, наткнулась на соседку Людмилу Болбас. Ранена в ноги, повреждены обе коленные чашечки. Сделала Людмиле перевязку, перетащила поближе к хатам. И опять на огороды. На этот раз по стонам нашла мать своей подруги Надежду Хорошун. Женщина была ранена в правое бедро. Перевязала, попробовала перетащить на себе, но беспомощно опустила руки - силы стали оставлять ее.

Ольга поднялась во весь рост, в отчаянии осмотрелась вокруг. И неожиданно заметила, как за огородами у самого леса маячат какие-то силуэты. Смело бросилась туда, и не ошиблась - к деревне подходил отряд партизан. Они шли выручать местных жителей. Теперь стало ясно, почему фашисты столь поспешно оставили деревню - на подходе были народные мстители.

Ольга сразу узнала своих, бросилась к ним:

- Ваня! Влащенко! Трофим! Помогите, родные...

В ту же ночь партизаны собрали оставшихся в живых жителей деревни на площади, предложили уйти в лес. Все, способные носить оружие, влились в партизанский отряд. Вместе с другими окончательно ушла в партизаны и Ольга Беленко. Она стала здесь медицинской сестрой.

Меньше всего думала она об опасности, когда шла на поле боя спасать раненых. Честно и до конца выполняла свой долг партизанского медика. А в дни "рельсовой войны", когда потребовалось мобилизовать все наши силы, Ольга Беленко стала в строй рядовым бойцом. Вот как она вспоминает о той памятной ночи в письме ко мне:

"...Помню, вечером подошли к железной дороге, замаскировались в лесу, а когда стемнело, поползли к полотну. У меня через левое плечо сумка с медикаментами, а на правом - сумка с толовыми шашками. Немцы стреляют трассирующими пулями, в перерывах между выстрелами слышно, как лают овчарки. Рядом ползет политрук роты Нозик. И вдруг - шальная пуля, Нозик не успел даже вскрикнуть. Насмерть. Я ничем уже не могу помочь. Сжимаю покрепче зубы, ползу дальше...

Потом, помню, Никифоров стоит на одном колене на железнодорожном полотне, строчит из автомата, кричит: "Вперед,

на железку!". Я бросаюсь к рельсам, выгребаю из-под них песок и камушки, закладываю шашки. Подбегает инструктор, проверяет, правильно ли все сделала, поджигает шнур и бежит дальше... А над головой вспыхивает красная ракета - сигнал к отходу. Кубарем скатываюсь с откоса, бегу к лесу. За спиной всколотнуло землю, упругим ударило в плечи, в голову... Потом после войны часто снилось мне все это.

Часто вспоминаю и "тифозный островок" - двенадцать человек больных партизан и я среди них во всех должностях: няня, медицинская сестра, врач, повар, охрана. Братьев Стася и Ивана Немировичей мне в помощь прислали из отряда уже потом, когда наши "тифознички" стали поправляться... Помню, как в бреду молоденький, почти мальчик, Коля Егоров все звал: "Мама... мама..." Я подходила к нему, клала руку на пылающий лоб, и он успокаивался. И потом, когда уже поправился, все звал меня "мама, мамушка".

А Коля Толстик! Он очень тяжело переносил тиф, все бредил, звал в бой. С каким трудом удалось спасти его от смерти.

Никогда не забуду, как разведчик Карпов, коренастый, сильный, в тифу все порывался вскочить, доложить командиру, что задание выполнено... Спасти его так и не удалось.

А остальные все мои островитяне выздоровели, снова вернулись в отряд. А как я за них переживала! Весь лес на острове облазила, все из-под снега клюкву добывала, потом жаропонижающий напиток делала. А из замороженных листьев медвежьих ушек готовила мочегонное...

Страшно мне было тогда? Да, очень страшно. Но не за себя, а за дорогих мне людей. Ведь была я в то время одна в лесу, на глубоком острове. Наши сражались с немцами далеко, вырывались из блокады. И страшно мне было, что, если придут фашисты, не смогу защитить их, хотя давно уже решила, что буду сражаться до последнего патрона, до последней гранаты..."

Вот о чем написала мне Ольга Беленко в своем письме. Сейчас эта замечательная женщина на пенсии, живет в городе Николаеве.

И таких героинь, как Ольга, было у нас в отрядах немало.

В начале сорок четвертого года медицинское обслуживание раненых и населения у нас значительно улучшилось. Решающую роль сыграла, конечно, помощь с Большой земли, которая к тому времени стала регулярной. Положительно сказался и наш возросший опыт, богатая практика ведения партизанской войны. Во всех бригадах постоянно функционировали госпитали, мы подготовили к тому времени достаточное количество медицинских сестер, санитарных инструкторов. Только по нашей

бригаде было обучено девятнадцать медицинских работников. Среди них такие замечательные медсестры, как Ольга Груздева, Прасковья Козырева, Клара Чайковская, Татьяна Алябьева, Надежда Мельникова и многие, многие другие. К тому же мы уже располагали некоторым набором инструментария, не чувствовали, как в первое время, острой нехватки медикаментов, стерильных материалов. Теперь появилась возможность проводить и довольно сложные хирургические операции.

И тем не менее бывали случаи, когда врачи оказывались бессильны, беспомощны в спасении жизни тяжелораненым. Вот об одном из них я и хочу рассказать.

Произошло это во время боевой операции по разгрому гитлеровского гарнизона в деревне Макаричи Стародорожского района. В том бою погиб мужественный партизан Алексей Сивец. Об этом хорошо рассказал в книге "На оккупированной земле" Владимир Кириллович Яковенко. Здесь я добавить ничего не могу, хочется лишь осветить эту страничку нашей партизанской жизни с медицинской, так сказать, точки зрения.

Готовились мы к боевой операции очень тщательно. Участвовать в ней должно было несколько бригад. Гарнизон фашистов насчитывал более 300 солдат и офицеров, которые были укрыты в дзотах. Бой предстоял жестокий. Вот почему медицинскому обеспечению командование уделило очень большое внимание. Вместе с боеспособным костяком бригады к месту сосредоточения подтянули почти все медицинские силы.

К исходным позициям добрались без каких-либо серьезных осложнений. Расположились на короткий отдых, а штурмовая группа во главе с опытным командиром Виктором Хорохуриным тем временем вышла вперед. Затем к деревне начали подтягиваться и остальные. Медики по распоряжению командира бригады остались возле командного пункта, где был оборудован медпункт.

В полночь к нам донеслись взрывы гранат, послышался массированный пулеметный и автоматный огонь. Бой начался. Стали прибывать посыльные, которые докладывали, что пока все идет по задуманному плану, операция осуществляется успешно. Потом появились раненые. Они приносили с собой неутешительные вести. Оказывается, на пути штурмовой группы находились два замаскированных дзота, из которых враги открыли прицельный заградительный огонь. Партизаны были прижаты к земле, они теряли один из главных факторов успеха - внезапность. Немцы на отдельных участках перешли в контратаку.

Положение спас Алексей Сивец. Рискуя жизнью, под

ураганным огнем врага он подполз к дзоту, метнул связку гранат. Дзот замолчал навсегда. Партизаны поднялись в атаку. Но сам Алексей был смертельно ранен. Товарищи вынесли его из-под огня врага, доставили в зону командного пункта, где располагалась наша санчасть.

Я спешно произвел осмотр. Раненый находился в крайне тяжелом состоянии. Он был весь в крови, пульс едва прощупывался. Обширные рваные раны на разных участках тела говорили о том, что фашисты применили разрывные пули. Алексей был без сознания.

Когда я начал делать перевязку, оказалось, что помимо всего прочего у Алексея поврежден спинной мозг. С такого рода ранениями раньше я никогда не имел дела и обратился за помощью к доктору Воробьеву - врачу из соседнего партизанского отряда, опытному хирургу, до войны работавшему в одной из клиник Минска. Он осмотрел раненого, сказал:

- Пока перевяжите. Кончится бой, вывезем его в госпиталь, произведем более радикальное вмешательство.

Так и сделали. Когда, разгромив врага, двинулись в обратный путь, мы уложили Алексея на повозку, соблюдая все необходимые предосторожности, и повезли. В первой же деревне, которая попалась нам на пути, занесли раненого в хату, внимательно осмотрели. Здесь же более тщательно обработали раны, сделали повторные перевязки. Повреждение спинного мозга подтвердилось. Кроме того, было обнаружено проникающее пулевое ранение в брюшную полость. Конечно, в данном случае необходимо было произвести лапаротомию (чревосечение) с целью ревизии органов брюшной полости. Но в наших условиях мы не могли этого сделать. Ограничились тем, что наложили стерильную повязку. Нужно было двигаться дальше. Решили при первой же возможности отправить Алексея на Большую землю, а до отправки попытаться все же сделать лапаротомию в госпитале.

Снова положили раненого на повозку. Едва тронулись в путь, как он стал жаловаться на боли в животе. Мы остановились, бросились к нему. Живот быстро увеличивался в размерах, боль усиливалась. Очевидно, там была повреждена аорта. Под действием артериального давления нарушенный участок крупного сосуда прорвало. Началось обильное внутрибрюшное кровотечение.

Самое обидное то, что мы были совершенно беспомощны и ничем не могли помочь раненому. Для этого у нас не было никаких возможностей.

Через несколько минут Алексей скончался.

Смерть отважного партизана тяжело переживалась всем

личным составом бригады. Все хорошо знали Алексея, любили его за веселый нрав, товарищество, за смелость и отвагу. С почестями он был похоронен в деревне Славковичи.

Если в первое время нашей врачебной деятельности в партизанах мы ограничивались только обработкой ран, то постепенно диапазон хирургических вмешательств расширялся. Теперь мы все реже прибегали к ампутациям. Если устанавливали, что сосудисто-нервный пучок не поврежден, пытались сшивать мягкие ткани. Создав нужную иммобилизацию, добивались сохранения конечности.

Вспоминается такой случай. В конце 1942 года во время бомбежки деревни Лясковичи осколком в руку ранило трехлетнюю девочку Ларису Радкевич. У нее была травматическая ампутация пальцев левой кисти. Конечно, в тех условиях реампутация (удаление) раненых пальцев была бы вполне оправданной. Но врач Иосиф Климентьевич Крюк, к которому принесли девочку, решил сохранить пальцы во что бы то ни стало. Проявив большое хирургическое искусство, он сшил пальцы обычной льняной ниткой. Потом потянулись долгие недели лечения, кисть девочки была восстановлена как в анатомическом, так и в функциональном отношении.

Во всех боях, которые нам доводилось вести с врагом, немцы особенно стремились заполучить пленных партизан. Это понятно - с помощью захваченных в плен они надеялись разузнать о местонахождении наших отрядов, чтобы потом внезапным ударом разгромить их. И вот здесь они особую надежду возлагали на раненых. Не раз фашисты предпринимали налеты на обозы с ранеными, но всегда такие вылазки заканчивались для них безрезультатно. Во время этих схваток медицинские работники сражались за жизнь раненых плечом к плечу с бойцами охраны.

Летом сорок третьего года отрядам имени Щорса, имени Кирова и имени Буденного была поставлена задача разгромить вражеский гарнизон в деревне Балашевичи Глусского района. Он был форпостом немцев у партизанской зоны, отсюда, из Балашевич, гитлеровцы то и дело высылали карательные отряды в соседние деревни, куда часто заходили партизаны. Командование соединения решило положить этому конец.

На рассвете июньского теплого утра партизаны атаковали деревню. Захваченные врасплох немцы и полицаи стали отступать. На поле боя осталось тридцать убитых врагов. Среди партизан несколько человек было ранено. Всех их своевременно вынесла с поля боя, оказала первую помощь медицинская сестра Дора Шпаковская. Она же сопровождала повозки с ранеными, когда партизаны, успешно выполнив задание, начали отходить к

деревне Устерхи.

Внезапно наш авангард обстреляли, завязался встречный бой. Оказалось, что на пути встали фашисты из глусского и подлужского гарнизонов, которые торопились на помощь своим в Балашевичах. Вооружение у врагов - автоматы и минометы, немцев было теперь значительно больше, чем партизан.

Положение усложнилось. Гитлеровцы стали окружать партизанские отряды, они напали на повозки с ранеными. Вместе с бойцами из охраны и легкораненными мужественно сражалась и Дора Шпаковская. А когда положение стало критическим, она первой поднялась в контратаку, повела за собой бойцов. Вскоре партизанам подошло подкрепление, враг был отбит.

В двадцать одном бою довелось участвовать мужественной медицинской сестре Доре Иосифовне Шпаковской. В том числе в пяти с частями регулярной немецкой армии. И в каждом вела себя смело, показывала остальным образцы мужества и отваги. Она лично вынесла с поля боя 34 раненых и оказала им доврачебную помощь. В перерывах между боями все силы отдавала уходу за ранеными и больными, помогла нам, врачам, подготовить 14 санитарных инструкторов.

После того как мы соединились с регулярными частями Красной Армии, Дора пошла в военный госпиталь. Продолжает служить медицине и сейчас, работая хирургической сестрой в одной из больниц Бобруйска.

Особенно отличились медики весной сорок второго года, когда фашисты предприняли большую карательную операцию с целью разгрома центра партизанского движения на Полесье - легендарной Рудобелки. Сюда было брошено три батальона гитлеровцев, усиленных танками и самолетами. Враг по численности и вооружению значительно превосходил группировку партизан, защищавших подступы к Рудобелке. Естественно, в этих условиях народные мстители вынуждены были маневрировать, избегая открытых боев, наносить эсэсовцам довольно ощутимые потери неожиданными нападениями с тыла, с флангов. Устраивались засады, минировались дороги, по которым шли враги.

Одна из колонн немцев двигалась из Глуска вдоль железнодорожного полотна по направлению к поселку Октябрьский. На их пути, неподалеку от деревни Ковбики, отряд имени Щорса, которым в то время командовал Устин Никитич Шваяков, устроил засаду. Когда фашисты приблизились, грянул дружный залп. Немцы не ожидали нападения. Они в панике стали разбегаться, потом залегли. С большим трудом гитлеровским офицерам удалось организовать оборону. Завязался бой, который

продолжался весь день. И к партизанам, и к немцам подходили подкрепления, которые с марша вступали в бой.

В этом тяжелом сражении Ася Котова вынесла из-под пуль врага пять раненых, всех их доставила в деревню Малын, где расположилась база отряда. Последним она спасала командира отряда Устина Никитича Шваякова. Ранение у него оказалось не из легких. Пуля угодила в правую руку, повредила кости предплечья. Ася оказала ему первую помощь, доставила в деревню.

С того времени прошло около тридцати лет, а Ася Котова продолжает ревностно служить медицине. Она возглавляет Замошский фельдшерско-акушерский пункт Осиповичского района Могилевской области. Не так давно за хорошие показатели на участке ей был вручен ценный подарок - мотоцикл К-750.

Здесь отличился и врач Павел Семенович Слинко. Он заслуживает того, чтобы о нем рассказать подробнее.

Война застала Павла Семеновича на румынской границе в должности зубного врача полка. Пережил он за первые месяцы много: и жаркие бои с фашистами, и горечь отступления, и окружение, из которого выходили поодиночке и небольшими группами.

После долгих скитаний Слинко пришел в родную деревню Каменка Бобруйского района. Здесь же случайно оказались актриса одного из минских театров Мария Григорьевна Бородич и ее приятель Александр Ефимович Коротков. Познакомились, стали часто встречаться, и вскоре выяснилось, что все трое единомышленники, готовы бороться с врагом.

Мария Бородич через свою знакомую, местную учительницу Анастасию Федоровну Шарец, которая была связной у партизан, попросила передать командиру о существовании группы. Устин Никитич Шваяков дал группе первое задание: собирать в Каменке и соседних деревнях информацию о фашистах, запасаться медикаментами и перевязочным материалом.

Это задание группа выполнила, но на Марию Григорьевну обратили внимание гитлеровцы. Командование разрешило ей уйти в отряд. Ночью Слинко и Коротков провели ее в деревню Мочулки, которая находилась в партизанской зоне.

А через несколько дней в окно к Слинко постучали. Услышав условный пароль, он заторопился в сени, открыл дверь. В дом вошли двое из отряда Шваякова.

- Быстрее собирайся, доктор! - сказал один из них. - Забирай свои лекарства, инструменты...

- Надо товарища позвать, - напомнил Слинко.

- Уже предупредили. Сейчас придет.

К утру вся группа благополучно добралась до лагеря.

Первое время, пока отряд был немногочисленным, Слинко довольно часто вместе с другими партизанами ходил на ответственные задания. Особенно запомнился ему бой в октябре 1942 года на шоссе Москва - Варшава в семи километрах от Бобруйска. Длился он несколько часов. Отряд карателей был разбит наголову, но и партизаны понесли большие потери. Был один убитый, пять человек ранено. Всем пострадавшим Павел Семенович оказал необходимую медицинскую помощь, их благополучно доставили в деревню Зеленковичи, где Слинко устроил небольшой лазарет.

Лечение раненых в последующие дни протекало успешно. Четверо быстро поправлялись, лишь один Толик Завертяев все жаловался на боли в правом коленном суставе. Врач стал подозревать недоброе, но окончательный диагноз сам поставить не решился. Пригласил хирурга Василия Хлыстова из бригады Павловского. Тот осмотрел больного и подтвердил подозрения Слинко - газовая гангрена. Единственный выход - ампутация. Стали готовиться к операции, и тут столкнулись с неожиданным: Толик наотрез отказался ампутировать ногу. Как ни уговаривали его врачи, как ни объясняли всю трагичность положения, он остался непреклонен.

Ампутацию пришлось отложить. Стали делать лампасные разрезы и повязки с марганцовкой. Но все оказалось тщетным. Через два дня положение Толика резко ухудшилось, и он скончался.

Этот случай мы всегда приводили в пример раненым, которым предлагалась ампутация. Для окончательного решения больного это имело большое психологическое значение.

С наступлением зимы в отряде было обнаружено несколько случаев чесотки. Никаких лекарств против нее у Слинко не было, и он обратился за помощью ко мне. У себя в соединении к тому времени я уже с успехом применял мазь собственного изготовления. Вот тогда-то я и познакомился с этим замечательным человеком.

Наша санчасть располагалась в деревне Сосновка. И вот однажды заходит ко мне молодой, выше среднего роста, энергичный мужчина. Представился врачом отряда Шваякова. Я пригласил его сесть. Беседовали долго, и к концу разговора у меня о новом знакомом сложилось очень хорошее мнение.

Хотя у нас в то время тоже с медикаментами было не густо, но я дал Слинко немного парашютной ткани для бинтов, мази против чесотки.

Расстались мы очень тепло.

Потом не раз я слышал об этом человеке, мужественном партизане, замечательном враче.

В феврале 1943 года партизаны решили разгромить немецкий гарнизон в деревне Каменка, то есть в родной деревне Слинко. Внезапным налетом враг был разбит, но оказались ранены многие командиры: командир отряда имени Чапаева М.Седик, комиссар отряда П.И.Панкратов, начальник штаба В. В. Маницын, командир разведки Ю. Вечеребин, командир взвода С. Шарец. Врач Слинко с медсестрой Асей Котовой оказали им необходимую помощь, благополучно эвакуировали в отрядный лазарет. Все они поправились, вернулись в строй.

Летом того же года был тяжело ранен в верхнюю треть бедра молодой партизан Ф.Барановский. В опасном состоянии его доставили в санчасть. Слинко с медсестрой Лебедевой и санинструктором Н.Суляевым вели борьбу за жизнь раненого. Ему сделали перевязку с иммобилизацией, наложили шины. К утру Барановского начало лихорадить, он стал бредить. Тогда Слинко пригласил на консультацию хирурга Мышкина. Тот диагностировал газовую гангрену, предложил свои услуги при операции.

Оперировали раненого под наркозом. Сделали длинные лампасные разрезы, тампоны обильно смачивали раствором марганцовокислого калия. Прошла операция успешно. Благодаря хорошему уходу больной поправился, вернулся в строй и продолжал воевать с врагом.

Сейчас Барановский живет в деревне Михайловка Бобруйского района.

Сам Слинко после войны окончил стоматологический факультет медицинского института, работает в Рогачевском районе.

РАДОСТЬ ВСТРЕЧИ

Наступило дето 1944 года.

Каждый день теперь радовал не только теплом, солнцем, но и сообщениями Совинформбюро. Наша армия одерживала все новые победы на фронтах Отечественной войны. Уверенность в том, что вот-вот наступит день, когда мы соединимся с регулярными частями Красной Армии, крепла в каждом сердце.

Отступающие фашистские войска уже вплотную подходили к партизанским зонам, становившимся теперь прифронтовой полосой. И все чаще нашим отрядам приходилось сталкиваться уже не с гитлеровцами в гарнизонах, а с регулярной, хорошо вооруженной армией противника, которая воевала с ожесточением обреченного. Это усложняло нашу деятельность,

выдвигало перед нами ряд новых проблем.

Немцы хорошо понимали, что оставляют нашу землю навсегда, поэтому стали особенно безжалостны. Варвары сжигали и уничтожали все на своем пути, они занялись массовым истреблением мирных жителей. Следовательно, в нашу задачу входило не только нанесение чувствительных ударов по вражеским коммуникациям, уничтожение живой силы и техники противника, но и обеспечение безопасности населения.

В связи с изменениями на фронтах и приближением районов боевых действий наших регулярных частей к партизанским зонам отряды усилили маневренность, и перед нами, медиками, вплотную встала необходимость своевременной эвакуации раненых. Вообще эти вопросы были для нас наиболее трудоемкими, но теперь сложность их увеличивалась во много раз.

Как же строилась у нас эвакуационная служба?

Она слагалась из следующих обязательных компонентов. Прежде всего, это вынос раненых с поля боя. Затем - перебазировка госпиталей в случае блокады зоны или близкого подхода врага, в данный момент - регулярных немецких частей. И наконец - отправка раненых и больных самолетами на Большую землю.

Эвакуацию раненых с поля боя в основном осуществляли медработники. В зависимости от характера военных операций и ожидания возможных потерь специальным приказом командования бригады в помощь медицинским работникам выделялись санитары из числа бойцов, нужное количество повозок. Определенные нам в помощь люди обязательно проходили инструктаж.

С поля боя до мест остановки повозок пострадавших выносили на руках или носилках. При этом медики нередко проявляли исключительный героизм.

Дальше раненых везли на телегах или санях, в зависимости от времени года, до расположения бригадных госпиталей, где им оказывали более квалифицированную врачебную помощь. В отдельных случаях тяжелое состояние раненого принуждало нас останавливаться где-либо на хуторе, в лесной деревушке и там под охраной партизан делать операцию. Ту категорию, которая нуждалась в длительном и более квалифицированном лечении, эвакуировали самолетами в советский тыл. Например, только по нашей бригаде за весь период ее деятельности на Большую землю было переправлено 9 человек. А всего у нас ранено было около 150 человек. Из них наши медики сумели вернуть в строй почти 90 процентов.

Руководители Центрального штаба партизанского движения по возможности удовлетворяли наши заявки на самолеты для спасения раненых партизан. Это играло огромнейшую психологическую роль. Идя на боевое задание, партизаны знали, что в случае ранения каждому будет оказана необходимая помощь то ли на месте, то ли на Большой земле.

Завершающим этапом деятельности нашей бригады, а следовательно и бригадной медицинской службы, явилась операция по разгрому немцев в районном центре Телеханы Пинской области, которую мы осуществили в конце лета 1944 года.

Штаб бригады в тот период размещался неподалеку от Телехан, в деревне Святая Воля. Здесь же находилась и бригадная санчасть. Госпиталь располагался в лесу. Ежедневно наши подразделения уходили на выполнение боевых заданий. Это были то ли засады, то ли акции, связанные с подрывом железнодорожных и шоссейных магистралей, то ли операции по уничтожению вражеских гарнизонов в деревнях.

Я как начальник санслужбы бригады заботился о том, чтобы каждую такую операцию обеспечить с медицинской стороны. Со всеми подразделениями, уходившими на задание, посылали медработника, давали ему нужное количество медикаментов, перевязочного материала и так далее. Боевые задания, как правило, выполнялись успешно, но были, конечно, и убитые. Пострадавшим мы оказывали помощь в нашем лесном госпитале. Ранения были, как всегда, самые различные.

Однажды в лагере случилось одно взволновавшее нас происшествие. Как-то утром прискакал разведчик и сообщил, что сейчас к нам приедет немецкая легковая машина.

- Так пусть по ней не вздумают стрелять, - предупредил он. - В машине будут наши.

Мы, естественно, бросились к нему с расспросами, и он рассказал следующее.

Немецкий жандармский полковник инспектировал ряд гарнизонов, расположенных в окрестностях Пинска. Он должен был посетить и Телеханы. В то время мы почти на всех дорогах устраивали засады. Отряд имени Грабко контролировал участок дороги Пинск - Телеханы. И вот взвод, которым командовал Григорий Логойко, заметил, как по дороге мчатся две машины. Одна легковая - "татра", вторая - грузовая с солдатами.

Дружный огонь из партизанской засады сделал свое дело. Грузовая машина загорелась, была остановлена легковая. Немцы в панике открыли беспорядочную стрельбу. Но перестрелка длилась недолго. Под натиском партизан оставшиеся в живых

фашисты разбежались. На шоссе осталась стоять легковая машина. Она оказалась почти неповрежденной. Из трех сидевших в ней фашистов остался жив один. Этого немца партизаны и заставили вести машину в лагерь.

Все мы ждали ее приезда. Хотелось посмотреть на первый такой трофей фашиста в крупных чинах. Вскоре она прибыла. Разведчики, пригнавшие ее, все же предусмотрительно, чтобы исключить возможную неожиданность, прикрепили на капоте красный флажок. И - странное дело! - этот флажок привлек наше внимание больше, чем сама машина и немец, находившийся в ней. Этот маленький, такой милый нашему сердцу красный лоскуток как бы символизировал скорый приход множества машин с такими флажками. Об этом времени мечтали мы все, и оно было не за горами!

И вот наступил день, когда командование нашей бригады направило навстречу нашим регулярным частям разведчиков с заданием договориться о совместных действиях при взятии Телехан. С нетерпением ожидали мы их возвращения. По вечерам у костров только и разговоров было о том, сумели ли они благополучно пройти линию фронта, как их встретили на той стороне. А когда они, живые и невредимые, возвратились, по лицам их, невозмутимым, но в то же время довольным, можно было догадаться: задание выполнено успешно.

Как потом мы узнали, перейдя линию фронта, разведчики встретились с 1-м стрелковым батальоном 138-го полка 48-й дивизии. Все интересовавшие нас вопросы были обсуждены с командиром батальона майором Махотиным. После этого они возвратились в расположение штаба бригады.

Комбриг В.К.Яковенко собрал командиров, доложил обстановку. Он сообщил, что по просьбе комбата Махотина нам необходимо 10 июля 1944 года в 6-00 начать наступление на Телеханы.

- Наша задача, - сказал комбриг, - отвлечь внимание гарнизона на себя и таким образом помочь советским войскам с меньшими потерями и в кратчайший срок форсировать Огинский канал.

Следовательно, наши регулярные части получали возможность активно включиться в штурм Телехан со стороны, откуда враг их не ожидал.

Точно в назначенный срок мы начали наступление. Сперва немцы оказали отчаянное сопротивление, но партизаны, воодушевленные мыслью о том, что сегодня они воюют совместно с батальоном регулярных войск Красной Армии, сражались как никогда. Вскоре, как и было задумано, в бой вступил батальон

Махотина. Враг не выдержал натиска, и через несколько часов Телеханы снова стали советскими.

Вот здесь, в Телеханах, и состоялась та памятная встреча, о которой мы мечтали столько времени! Сияющие лица, объятия, песни... Многие плакали от радости и не стыдились слез... До поздней ночи длилось ликование на улицах небольшого городка, и везде нас встречали улыбки местных жителей. Казалось, ликованию не будет конца!

О самом бое за Телеханы в рапорте комбрига В. К. Яковенко писалось так:

"...На поле боя насчитали 250 убитых фашистов, 35 было взято в плен. Остальным удалось переплыть через Огинский канал и убежать в лес. Взяты трофеи: 2 батальонных и 2 ротных миномета, 6 станковых и 30 ручных пулеметов, 148 винтовок, 2 автомашины, одна радиостанция, 60 лошадей. Много боеприпасов и различного военного имущества...".

Перевязочными материалами, медикаментами, некоторым инструментарием пополнилась и наша аптека.

После разгрома фашистов в Телеханах часть отрядов нашей бригады приняла участие в уничтожении врага в деревнях Круглевичи и Озаричи. Здесь также были полностью разгромлены немецкие гарнизоны. Часть недобитых полицаев не успела уйти со своими хозяевами, бросилась в лесные дебри. Вот почему даже после того как действующая армия, продолжая свой победный марш на запад, ушла, мы некоторое время вынуждены были оставаться в лесах. Ловили и обезвреживали укрывавшихся там предателей. Занимались мы этим около двух недель. Затем командование бригады вызвали в штаб Брестского соединения, где должна была решаться наша судьба.

Но еще до этого на очередном партсобрании по предложению секретаря парторганизации Виктора Ивановича Макарова мы решили просить командование регулярных частей Красной Армии принять нас всей бригадой в свои ряды. Протокол партсобрания договорились передать командованию в том случае, если Яковенко привезет какое-то другое решение. Но, возвратившись, Владимир Кириллович к нашей всеобщей радости сообщил, что мы вливаемся в ряды регулярных войск. Как и следовало ожидать, часть личного состава направлялась на восстановление разрушенных врагом западных районов Белоруссии.

Многие из нас были посланы в Каменецкий район Брестской области. Первым секретарем Каменецкого райкома партии стал Андрей Тихонович Чайковский, председателем райисполкома - Владимир Кириллович Яковенко. Мне было поручено возглавить

районное здравоохранение.

Тепло расстались мы с теми, кто уходил в действующую армию. Искренне завидовали мы им, но хорошо понимали, что не менее важна и та работа, на которую мы направлялись. Важна и опасна, ведь в лесах еще было немало разных фашистских недобитков: бандеровцев, власовцев, мельниковцев.

25 июля 1944 года наша группа во главе с командиром отряда Виктором Яковлевичем Хорохуриным двинулась в Каменецкий район. У нас с собой был небольшой обоз с имуществом, которое могло понадобиться на первых порах. Вели также коров, лошадей. Обремененные всем этим, двигались не очень быстро. Проходили мимо населенных пунктов, сожженных врагом, даже негде было остановиться на ночлег. Наконец разведчики доложили, что в восьми километрах на пути есть деревня, где осталось несколько хат. Там решили заночевать. Но дойти до деревушки в тот день нам не удалось - неожиданно у моей жены Марии Леонтьевны начались роды.

Я побежал к Хорохурину, рассказал, в чем дело. Попросил его не задерживать из-за нас движение, разрешить нам остаться в бывшей деревушке Ходосы, где из всех построек сохранился лишь будан, в котором жили старик со старухой. Но командир приказал остановить всю группу.

Кроме меня, больше никого из медработников в отряде не было. Пришлось мне самому принимать роды у своей жены.

На рассвете следующего дня из будана послышался крик новорожденного. У нас с Марией родился сын...

Утром будан заполнился людьми. Поздравляли мать, поздравляли меня. Мы с Марией были радостны и счастливы.

К топчану подошел Хорохурин. Он наклонился над младенцем, сказал:

- Вот что, дорогие родители... Пусть ваш сын растет счастливым, пусть никогда не узнает, что такое война.

Затем выпрямился, осмотрел всех нас своими голубыми, как синь белорусских озер, глазами, закончил:

- И об этом должны позаботиться мы с вами... Пусть дети наши растут счастливыми на свободной нашей земле.

Утром следующего дня мы снова двинулись в путь. Начиналась новая, мирная страница в моей биографии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Почти тридцать лет прошло с тех пор, как отгремели залпы Великой Отечественной войны. Подвиг советского народа в этой войне бессмертен. И одной из славных страниц в ее истории навсегда останется подвиг белорусских партизан. В дни самых суровых испытаний они с честью пронесли по родной земле знамя

борьбы с врагом.

По-разному сложились судьбы тех, с кем пришлось плечом к плечу воевать против фашистов. Но в одном эти судьбы едины: и в годы мирного строительства партизаны и партизанские медики остались верны партии, народу.

Бывший наш командир бригады имени Гуляева В. К. Яковенко окончил Высшую торговую школу, работал госторгинспектором Брестской и Гомельской областей, председателем Гомельского облпотребсоюза, председателем исполкома Гомельского городского Совета депутатов трудящихся. Владимир Кириллович неоднократно избирался депутатом Верховного Совета БССР. В настоящее время работает заместителем председателя Центросоюза.

Андрей Тихонович Чайковский около десяти лет был секретарем Каменецкого районного комитета партии, затем руководил колхозом имени Калинина Брестского района. В настоящее время на заслуженном отдыхе. Но и теперь продолжает живо интересоваться делами родного колхоза, оказывает ему помощь советом, дельными предложениями.

Ивану Анисимовичу Инсарову в феврале 1972 года исполнилось 70 лет. Несмотря на свой немолодой возраст, он продолжает успешно трудиться на ниве народного здравоохранения. Он профессор, является главным редактором республиканского журнала "Здравоохранение Белоруссии".

Игнат Васильевич Кузовков в рядах партизан вырос до комиссара соединения. После войны стал кандидатом исторических наук. Теперь проживает в Киеве, является первым заместителем председателя общества "Знание" УССР.

Тенгиз Евгеньевич Шавгулидзе живет в Москве, возглавляет конструкторское бюро на одном из больших московских заводов. Его творческая мысль в расцвете: 55 авторских свидетельств, 11 изобретений внедрены в серийное производство.

Алексей Иосифович Манько - инженер. Живет и работает в Луцке.

Бывший начальник санслужбы Минского партизанского соединения Семен Миронович Швец теперь живет в Минске, работает хирургом в 3-й клинической больнице.

Бывший начальник санслужбы бригады имени Чкалова Иосиф Климентьевич Крюк долгое время работал в одной из больниц Пинска. В 1965 году после тяжелой болезни умер. Его супруга - врач Анастасия Николаевна Дудинская продолжает работать в детской консультации города Пинска.

Родные сестры Вежновец (Друян) Мария Леонтьевна и Вежновец (Буракевич) Прасковья Леонтьевна вот уже более 20 лет

работают в Гомельском госпитале для инвалидов Великой Отечественной войны. Их брат Григорий Леонтьевич Вежновец ушел на заслуженный отдых.

Медфельдшер бригады имени Пархоменко Ольга Артемовна Беленко - инвалид Отечественной войны. Она живет в городе Николаеве.

Успешно продолжает трудиться на ниве медицины зубной врач бригады имени Пархоменко П.С.Слинко.

Федор Михайлович Казакевич заведует Краснинской участковой больницей Кличевского района.

Многие партизанские "сестрички" продолжают и поныне трудиться в различных лечебных учреждениях Белоруссии. Так, Сергейчик (Каткова) Александра Александровна работает в Бобруйске, Мария Даниловна Соколовская в Гродно, Ася Вульфовна Котова - в Глуске.

Николай Федорович Дешевой после войны длительное время работал начальником Черниговского аэроклуба, инструктором летчиков-парашютистов. Он лично совершил 1500 прыжков, является автором нескольких рекордов, чемпионом парашютного спорта СССР, БССР и УССР. В настоящее время мастер спорта СССР Н.Ф.Дешевой на пенсии, живет в Чернигове.

Роберт Борисович Берензон и его супруга Ирина Гордеевна Калиновская находятся на заслуженном отдыхе, живут в Минске.

Таким образом, мои боевые товарищи и сейчас все свои силы и знания отдают великому делу претворения в жизнь начертаний нашей партии, делу мира, процветания Родины.